

1514 647

НОВОСТИ
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ГЕНРИЕТТА РОЛАНД ГОЛЬСТ

**ЛИРИЧЕСКИЕ
ДРАМЫ**

494/5

ИЗД-ВО „ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ПЕТЕРБУРГ — МСМ XXII



1514 647

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Генриетта Роланд Гольст ван дер Схальк

Henriëtte Roland Holst van der Schalk

1869

ЛИРИЧЕСКИЕ ДРАМЫ

ПЕРЕВОД В. РЕЙТЦА, СТИ-
ХОТВОРНАЯ ОБРАБОТКА **



497/5

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ МСМХХII

Н.

Настоящее издание отпечатано
в 9-й Государственной типогра-
фии (Петербург. Моховая, 40) в
количестве 10,500 экземпляров.



805622 ✓

ГИБЕЛЬ

DE ONDERGANG

ДРАМА В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

1921

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Властители земли.

Утомленные сердцем.

Вестник.

Сцена представляет лестницу храма, по обеим сторонам которой высятся массивные, украшенные золотом колонны. Задняя стена в середине завешена очень темной, но искрящейся разноцветными блестками завесой.

Один из властителей земли.

За власть держитесь крепко вашу,
Властители и короли!
До дна испейте счастья чашу;
Власть—это лучший дар земли.
Она нас гордо возвышает
Над человеческой толпой,
Чудесной силой окрыляет,—
И нам покорен мир земной...
Я этой силою владею,
В ней колебаний нет следа,
Могуча власть моя—и с нею
Я не расстанусь никогда.

Один из утомленных сердцем.

Ее плодами золотыми
Я наслаждался с ранних лет,
Я их срывал всю жизнь, но ими
Все ж не насытился я, нет!

Я мучим тайною тоскою,
Я жажду скрыться в мир иной,
Но с нерешительной душой
Я отступаю пред борьбой.
Я рвусь в простор пространств безбрежных,
Но медлю, в сердце страх храня;
Явитесь же, толпы мятежных,
И жизнь возьмите от меня!

Один из властителей земли.

Молчи, молчи, душа больная,
Не время призывать волков;
Там, у ворот, сошлась их стая,
И слышно щелканье зубов;
Они забыть тебя заставят,
Что ты избытком благ земных
Давно пресыщен; не оставят
В тебе следа от дум твоих,
Повисших, как больные крылья,
Тебе мешавшие идти,
В припадке твоего бессилья
На гладком жизненном пути.
Твоей бессмысленной тоскою
Ты нам темнишь наш светлый взор,
Скажи: что делать нам с тобою?
Ты—наше горе и позор!

Хор владык земли.

Мы—цари; там, где-то, жметесь
Мир людской под нами;
Жизнь народов создается
Нашими руками.
Мы дарим надежды зная

Ряду поколений,
Мы в народах будим пламя
Острых воцелений,
Друг на друга их толкая
В темных низах дола,
И возню их созерцаю
С высоты престола.

Один из владык земли.

Как отрадно смотреть на рабов и их пресмыканье!
Нас моля о свободе, они к ней тщетно стремятся...
Вот в чем пиршество наше! Какое в нем обаянье!
Мы на выси стоим, они—внизу копошатся...

Один из утомленных сердцем.

Гнетут безрадостные дни
Полны и грусти и боязни;
Душе томительны они,
Как будто в ожиданьи казни.
Боишься с трона в бездну пасть...
Как я измучен, обреченный
Жить в этой сфере напряженной,
Цепляясь немощно за власть!
Я холодею, как в могиле,
С тоской бороться я не в силе!..
Чу! шум шагов... Под сень порфир
Напев надгробный долетает...
Все ближе, ближе... Умирает
Во мне как будто целый мир...

Вестник.

Час наступил. В поток могучий
Слились мечтания земли

И, как чернеющие тучи,
По небу грозно поползли;
Час долгожданный, час решенья
Великих мировых проблем;
Народных масс объединенье
Грозит гибелью вам всем.
Толпы идут. Они не клонят,
Как встарь, покорно головы;
Идут—и Власть с земли прогонят,
Сметут, как горсть сухой травы.
Не может места быть помехе,
Они полны кипучих сил,
Они уверены в успехе...
Да! час великий наступил.

Один из утомленных сердцем.

Толпы, я вижу, наступают,
Как лава, хлынувшая вдруг,
Свои оковы разбивают,
Чтоб вырвать власть из наших рук.
Без страха видеть их нет мочи,
Ползут, как призраки полночи.

Один из владык.

Но к нам они не прикоснутся;
Мы держим молнию в руках;
Они пред нами содрогнутся,
Иль мы их всех повергнем в прах.
Толпе мы бросим обещанья,
И ими головы вскружим,
Пробудим страстные желанья,
Вином до-пьяна напоим!
Все родились они рабами,
Так пусть почтительно молчат,

Не то--заговорим мы сами,
И громы их испепелят.
Им участь хорошо известна,
Которая мятежных ждет;
Смирить сумеем мы прелестно
Разбушевавшийся народ.

Хор владык земли.

Древо наших сил велико
И уходит вглубь веков;
Кроме стога, кроме крика
Нет оружия у рабов.
Власть—создание столетий,
Суждено ей вечно жить;
А рабы—как встарь, лишь дети,
Им ли дуб такой срубить?
Он вознесся мощно, властно,
Созерцает свет и тьму;
А рабы подобострастно
Лишь завидуют ему.
Шумно под его корнями
В суете толпа кишит,
Животворными соками
Поколенья он поит.
Древо наших сил, глубоко
Коренясь во тьме веков,
Неприступно и высоко
Для завистливых рабов.

Один из владык земли.

Превосходно мы умеем
В должный миг разъединять,
Сильным снадобьем владеем—

Охлаждать, воспламенять
И ретивым Прометеям
Ясность мысли затемнять,
Груды золота имеем
И на все вполне успеем
Наложить свою печать.

Другой из владык земли.

В темный народ искусителей-вестников мы посылаем;
Тайное слово с волшебною силой мы знаем:
Им, как ударами тяжкого молота,
Братская сплоченность тотчас расколота;
Резать и мучить друг друга мы их заставляем,
Голос же крови легко заглушаем
Звоном и блестками золота.

Хор владык земли.

Мы—цари над землей,
Над людьми, над толпой;
Мы прилежно, усердно црядем
Их смирения нить;
Свежей влаги испить
Мы корням их отнюдь не даем;
Рой надежд золотых
Пробуждаем мы в них;
Мы в мечтателей любим вдохнуть
Вожделений порыв,
И, сердца раздражив,
На рабов пресмыканье взглянуть.
Силою ночи и дни
О свободе они
Опаленною глоткой воют,
Им свобода—кумир;

Вот в чем пышный наш пир,
Эти вопли—наш дух веселят;
Мы стоим в высоте
На вершине, а те
Там, внизу, словно черви, кишат.

Вестник.

Старанья соблазнить напрасны.
Нет, ими цели не достичь;
В толпе восставшей—ежечасно
Победоносный слышен клич;
Как ваши громы ни ужасны,
Не страшен ей топор и бич;
Насильем более не может,
Как встарь, быть усмирен народ,
Ваш гнев его не потревожит,
Он сам с угрозой идет.

Владыка земли.

Но мы от смятенья далеки
И будем уверенно ждать,
Что время иссушит их щеки,
Наложит смиренья печать.
Направим же наши усилия,
Чтоб трудную жизнь им создать,
Подрезать раскрытые крылья,
Душе развернуться не дать;
Нужды сокрушающий молот
Пусть их беспощадно плющит,
Замучает холод и голод,
В иссохший скелет обратит;
Мы стиснем державной рукою
Источник их, жизненный труд,

Пока со смиренной мольбою
К нам снова они не придут.

Один из владык земли.

Да! мы, спокойные и чуждые тревоге,
Презрением к толпе возвысим нашу власть,
Упьемся ею мы в сияющем чертоге
И музыки ее наслушаемся всласть.
Глядеть на вопль рабов—высокая отрада,
Свободы ведь никто, конечно, им не даст;
Глашатай! пиршества нам лучшего не надо;
Мы всё, они—ничто... О, как велик контраст!

Вестник.

Высокомерью вашему, я вижу,
Предела нет! Но если вы способны,
Безумные, хоть что-нибудь понять—
Прислушайтесь к словам моим, усвойте
Себе их смысл: в каком-то сладком сне
Живете вы, считая настоящим
Прошедшее, отжившее давно.
Но знайте: не у вас, а у народа
И мощь и власть; рука его иссушит
Источники, питавшие царей.
И соберет обильнейшую жатву,
Но не для вас, а только для себя.
Средь новых поколений создается
Людская община; в ней места нет
Для вашего дряхлеющего рода;
И, как живой, здоровый организм
Освобождается от мертвых клеток,
Использованных им,—так и народ

Выбрасывает вас, и вы с престола
Стремглав летите в бездну небытия.

Один из владык земли.

Ты, вестник, лжешь; бывал мятеж раньше;
Но стоило нам смело растоптать
Источник жизни нашими ногами,—
Как плотки всех оказывались сперты
От голода и жажды; так же будет
И далее: власть стойко защищает
Сама себя, а нищим никогда,
Как ни шуми, не вырваться из ада.

Хор владык земли.

Владыкам золота подвластен человек;
Мы братский пыл любви в нем быстро охлаждаем
И пламя факела свободно задуваем;
Мы нашей мантией облечены навек.

Вестник.

Поймите: чуть действительность проникнет
Через охвативший вас самообман,—
Вмиг мантия вся прахом разлетится!..
Так пелены в гробницах фараонов,
Как будто бы сохранные на вид,
Вдруг пылью разлетаются сухой,
Едва лопата разворотит свод,
И воздуха струя туда проникнет.
Такая ж участь ждет и вашу власть,
В единый миг в труху вы обратитесь.
Для нового созрели времена...
Давно прошли века порабощенья,
Когда народы умоляли вас

Позволить им лить пот в угоду вам же,
Лишь только б продолжать существованье.
Тогда у всех уверенность была,
Что ваша власть—твердыня вековая.
Но дни долготерпения прошли,
Прошли затем и дни борьбы тяжелой,
Одетые кровавым ореолом,
Дни гибели и новых созиданий,
Когда из старых, вековых пелен
Воспрянул дух, сорвал их также с тела,
И потянулся радостно к свободе..
То были дни тяжелые; в борьбе
Не мало содрогалось поколений.
Земля пустела; ритм труда прервался,
Толпы рабочих не жужжали больше
На фабриках, как пчелы возле ульев.
Не видно было в море кораблей,
Лишь хороводы волн неугомонных
От берега до берега неслись;
Железные мосты, машины, рельсы,
Как тлею листья, ржавчиной съедались.
В постройках гнило дерево, а камень.
Выветриваясь, в мусор обращался.
Трава лугов без пользы высыхала;
На тучных нивах погибали жатвы;
Клонились тщетно спелые колосья,
Как будто бы с мольбою—их скосить.
Но никого, увь, не находилось,
Кто их желал бы в житницы собрать.
Стада коров в полях едва тапились,
Качая переполненное вымя;
Под жарким солнцем овцы задыхались
В своем давно не стриженном руне.

И вся земля, с богатством бесконечным,
Как будто бы была гниющим трупом,
И смрадный запах неся к небесам.
Не стало ни закона, ни порядка;
Власть уподобилась ножу тупому,
Который не способен больше резать;
Красивый облик нравов благородных,
Блиставший гордо белизною тела,
Свою утратил призрачную юность,
Его дыханье сделалось зловонным,
Распалась жизнь на составные части,
И в ужасе все спрашивали: чем же
Окончится все это и когда?
Вы помните ль, скажите, это время?

Один из владык земли.

Припоминаем... Чтож! оно как будто
Теперь к нам возвращается опять;
Вчерашний день в сегодняшнем намерен
Воскреснуть вновь; опять по всем странам
Пронесется такое же восстанье
И криками тревожит наш покой,
Как в старину тревожило отцовский,
Как в будущем и наших сыновей
Оно не раз, конечно, потревожит..
Пока царить, как прежде, будет власть,—
По временам свободы лихорадка
Толпу не перестанет сотрясать,
Настраивая против этой власти.
Но чтож из этого? И солнце в небе
Бывает иногда помрачено,
Но всеже остается прежним солнцем.



И я уверен, что и наша власть
Несокрушенной выйдет из смутенья,
И очень скоро... Голод укрощает
И самые ретивые сердца;
Мы попираем их источник жизни.

Вестник.

Слепые и глухие! Как же мне
Найти слова, которые проникнут
Сквозь толщу вашего самообмана?
Где отыскать такой источник правды,
Которым я омыть глаза вам мог бы,
Чтоб, наконец, они вполне прозрели?
Течение жизни, несшее всех вас,
Давно в другую сторону свернуло,
Вас бросив на пустынном берегу;
Но поворот замечен вами не был;
Вам кажется, что вы еще несетесь
По прежнему, знакомому теченью...
Взгляните же внимательно вокруг,
Прислушайтесь: вновь раздается пенье,
И бледный голод не ползет по странам;
Умолкли вопли тяжкие восстанья;
Веселый клик рабочих рвется в высь
Так радостно из фабрик и заводов...
Вам стоит лишь к земле склониться ухом
И ясно будет слышен стук машин,
Освобождающих из шахт глубоких
Окаменелое создание солнца,
Там спавшее в течение веков.
По воздуху разносится жужжанье
Миллионов быстродвижимых станков
Единою сознательною волей;

На нивах серп жнет спелые колосья,
И падает под острою косою
Роскошная трава лугов зеленых,
Как молодой поэт, который миру,
Внезапно умирая, завещает
Благоуханье счастья и любви.
Народный труд спокойно, мощно дышит,
И мерный ритм его восходит к небу,
Сближая жизнь природы с человеком,
Служа для них связующим звеном.
По внешности такую же картину
И прежде наблюдали вы, когда
Могучий взрыв сознания проносился
Над миром очищающим потоком.
Но вот, теперь что ново на земле:
Сознание это ярко освещает—
Гораздо ярче, чем то было прежде—
Всю землю сплошь, и каждого лицо
Веселой озаряется улыбкой:
Ведь, все плоды трудов принадлежат
Отныне человечеству—всем людям,
А не отдельным властвующим лицам.
Да! матери родной принадлежит
Всецело, наконец, ее ребенок.
Вот в чем вся суть, вся сила перемены,
Вот что прекрасно обновило жизнь
И ярким светом землю озарило.
Ствол юного окрепнувшего права
Терпимостью и кротостью обвит;
Порядок новый твердою рукою
Проводит гармонично-очертанья
Столь плодотворно-обновленной жизни;
Порядок, а не то, что вы зовете

Обычно этим именем; не щит,
Которым вы давить народ привыкли
И защищать ваш золотой престол
От бурного напора масс народных.
Порядок новый—это воля всех
В великом, мировом объединении,
Где интерес отдельного лица
Легко найдет свой ритм ограничения.

Один из владык земли.

Все то, что говоришь ты — невозможно;
Народы существуют для того,
Чтоб наша суть яснее выяснялась,
И воля становилась безграничной.
Ее основа — укрепить престол
И превратить дни наши в пир для власти.
Законы и обычаи всех стран
Послужат нам надежной опорой.
Порядок то, что возвышает нас,
Все остальное — только беспорядок.
Закон, стремящийся ослабить власть,
Есть только беззаконная попытка
Отбросить то, что вечным быть должно,
И мы подавим, знай, попытку эту.

Вестник.

Каким оружием? Ведь порядок новый
Объединил собою все народы.

Владыка.

Порядок этот будет уничтожен.

Вестник.

Вы горсточка разбросанная... Ктож
За вас сражаться будет?

Владыка.

Наши слуги
Пойдут на бой, как прежде шли.

Вестник.

А если
Откажутся они? Я видел ясно,
Как их глаза блестят, но не желаем
Идти на бой.

Владыка.

Тогда им угрожает
Смерть, а — ее страшится человек.

Вестник.

А вдруг они страшиться разучились?
Я слышал их напев: „умрем скорее,
Чем будем наших братьев убивать!“
И странная, но сладкая улыбка
Победно красовалась в их лице;
Казалось, что они воскресли духом.

Владыка.

Они умрут.

Вестник.

Кто может их убить?
Они бесчисленны, как звезды в небе
Иль как морской песок...

Владыка.

Другие слуги!
Возможно ль, чтоб никто не соблазнился
Бряцаньем золота? Поверь мне: зависть
В низкорожденном сердце человека
Змеиную насвистывает песню,
И бывшие вчера еще рабами
Противостать не в силах искушенью
Ногами растоптать сегодня тех,
Кто, как они, покорно пресмыкался.
Ведь человек — товар, который можно
Купить за золото... Пустые клятвы
Не значат ничего... Лишь в ярком блеске
Тяжелых слитков ценного металла
Заклочена действительная мощь.

Хор владык земли.

Навеки власть — наша, все золото — наше,
Пред новой зарею покажется старая краше;
Мы сеем такие в народной душе семена,
Что ими отравлена будет она.

Вестник.

Надежды тщетны! Золото и власть
Покинут вас, как море покидает
В отлива час пустынный, плоский берег,
Как покидает человека жизнь.

Один из владык земли.

Но есть у нас еще иное средство —
Могучей, чем насилие над телом;
Оно быстрее заткнет восстанцев глотки,
Чем даже смерть... Религия — то средство!
Ведь церковь — наша; искони веков
Она служила нам; послужит также
И в этот раз... Жрецы святые неба!..
Не вас ли мы питаем тонкой пищей,
Вкусней, чем хлеб в дни скорбные поста!
Спешите к нам! Скорей толпу рассейте
Угрозами божественного гнева!..
А коль мужчины вам не поддадутся,
То действуйте на женские сердца!
Старайтесь овладеть, как прежде, ими
Путем угроз и сладких обещаний,
Пока сердца всецело не размякнут.
Тревожно время; вы же так искусно
Умеете смирить и успокоить
Тревогу душ искусным заклинаньем;
Спешите же, чтоб души убаюкать
Знакомым, заколдованным напевом,
Смирившим их несчетные века!

Хор владык земли.

И золото наше и власть также наша,
В руках у нас есть чудотворная чаша;
Мы тушим огонь и души и ума,
Их вмиг пеленает тяжелая тьма.

Вестник.

Глушцы, глупцы! Блуждаете вы сами,
Как в полутьме, среди былых теней.
Сердца народа полны новой верой,
И в них разлит свет утренней зари;
Они не затемняются смиреньем;
У всех — мужчин и женщин и детей, —
Звучит напев свободный и могучий
О жизни величавой всей земли.
Свободного народа назначенье
Для них прозрачным стало, как хрусталь.
Они его исследуют глубины,
В своих сердцах оттуда вынося
Спокойную уверенность и радость;
Да! Самого себя познал народ;
И не смутит его теперь безвластье;
Поняв законы бытия,
Он радостно идет по полю жизни;
Когда же он сойдет на поле смерти,
Его глаза сильнее просветлеют.
Его душа познала, что она —
Часть вечности, что высшим назначеньем
Для всякой жизни явится расцвет,
Которого она достичь успеет;
Все, что вне жизни, то зовется — смертью.
У всех в сердцах сияет этот свет,
Такое понимание смысла жизни;
Никто не содрогнется больше в страхе;
Слова жрецов, поверьте, не найдут
Себе в народе благодарной почвы,
Но лишь в пустом пространстве пропадут.

Один из утомленных сердцем.

Как хороша народов вереница,
Несущая согласной жизни свет!
Как радостны, сияющи их лица!..
А у меня отрады в сердце нет,
Я одинок; я прожил много лет,
Но жизнь моя — холодная гробница..

Один из владык земли.

Далеко, в материках обширных,
Где лучи полуденного солнца
Из земли рождают раскаленную
Заросли дурманящих растений,
И цветов их аромат тяжелый
Пробуждает в сердце человека
Дикие, свирепые инстинкты —
Там живет в распоряженьи нашем
Множество народов чернокожих;
Их тела, подобно палисандру,
Под лучами знойными лоснятся,
И белки их глаз сверкают дико;
Призовем мы тех рабов курчавых,
Чьи сердца покорны нам и немы.
Мы прикажем кратко: „убивайте!“
И они все бросятся, как звери,
Убивать в остервененьи будут
До тех пор, пока мы им не скажем:
„Перестаньте, убивать довольно!“

Хор владык земли.

Все золото—наше и власть вместе с ним;
Мы волю народа в ничто обратим,
Мы вдребезги сердце его разобьем,
Весь мир — это наше владенье, наш дом.

Вестник.

Иллюзии!.. Народ объединился;
Объединили сами вы его
Владычеством и деспотизмом вашим!
Былая ложь старинных предрассудков
Не разделяет больше друг от друга
Тянувших прежде долгими глотками
Из горькой чаши яд повиновенья;
Свет воссиял повсюду в головах
Как белокурых, так и смугло-черных;
И Азия свободно вышла первой
В ряду народов, сбросивших оковы.

Один из владык земли.

О горе! Рушится все в прах,
Все перед нами закружилось...

Другой.

Цвет нашей мощи!.. — ты зачах...

Первый.

Да! Солнце власти закатилось.

Второй.

О, наша гибель, ты близка,
Нам смерть грозит в лучах свободы..

Первый.

И мы, царившие века,
Сойдем под сумрачные своды.

Второй.

Там будем жизнь свою влачить...
Там ждет нас, вместо пиршеств праздных,
Ряд тусклых дней однообразных...
Ах, кто же так захочет жить?

Первый.

Кто может жить, когда в руках
Изломан власти жезл могучий,
Когда нависли грозно тучи,
И солнце скрылось в небесах?..

Один из уставших сердцем.

Быть может, не буду так тяжело подавлен,
Быть может, порву одиночества нить,
Коль буду судьбой от себя я избавлен,
И тягостных дней не придется влачить.

Один из владык земли.

Молчи, дитя духовной гнили,
Тебе возвышенность чужда!
Все, что века соорудили,
Растопчут грубые стада!

Второй.

Увы! Веков кумиры пали,
Повергнут в прах закон святой...
Не мы ль лук жизни изгибали
Самодержавной тетивой?

Первый.

Поблекли высшие красоты,
Умолк мечей победных лязг;
Жизнь превращается в болото,
В собранье мелких, пошлых дразг.

Хор уставших сердцем.

Как воля меркнет и слабеет!
Как сильно сердце холодеет!..
Так пусть же исчезает то,
Что тускло, дряхло и пусто.

Хор владык земли.

Во всем великом — потускненье,
Нет больше прежней красоты..
Такая жизнь — нам отвращенье...
О ночь! сокрой из сожаленья
Нас всех под кровом темноты!..

(Колонны рушатся и погребают их под своими развалинами).



ЖЕРТВА

NET OFFER

ДРАМА В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

1921

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Устойчев—народный комиссар.

Виктор—солдат.

Вера—его мать.

Люба—его невеста.

Павлов—рабочий.

Иван—крестьянин.

Вестник, Рабочие и Работницы.

Место действия—Советская Россия.

Время действия—зима первого года революции.

Действие первое

Сцена изображает большой зал в здании рабочего совета.
Устойчев, Виктор, Вера, Павлов, Иван, рабочие
и работницы.

Хор рабочих.

Среди смятения гибнущего мира,
Когда пожар, бушующий кругом,
Сжигает формы жизни обветшалой,
Достигли мы, чего еще ни разу
Не мог достигнуть ни один народ.
Свободными людьми мы возродились,
Власть вырвавши из цепких рук господ,
Чтоб нам самим на новой наковальне
Свою судьбу уверенно ковать.
Взглянув назад, нельзя не содрогнуться,
Как крут был путь, как труден был подъем.

Голос из хора.

Да, много мук пришлось переносить,
Но духом мы не падали, мы знали,
Как тяжка смерть постыдная рабов,
Жертв прихоти хозяина... А сколько
Хозяев погубили мы?... Не знаем:
Они погибли, их тела безвестно
Погребены в безбрежности вселенной.
Следы их смерти так же были стерты,
Как слабый след их жалкой, пошлой жизни.

Хор рабочих.

Но наша жизнь иной оставит след...
Среди холмов проходим мы толпою,
К вершинам горным пролагая путь,
В желанный мир свободы лучезарной,
И вольный воздух веет здесь над нами.

Голос из хора.

Да, вольный воздух веет здесь над нами,
Стоим мы на просторной высоте,
И пропасти со всех сторон зияют.
Стоим, пока, как будто, одиноки...
О, мать земля! Мы первые твои
Свободные сыны под этим небом...

Хор рабочих.

Да! бедные крестьяне, с давних пор
Порабощенные, теперь явились
Здесь первыми свободными людьми!
Вокруг, увы! еще под игом стонут
Великие народы на земле,
С их мнимою свободою и славой.
Вот Франция, когда-то так красиво
Разрушившая феодальный строй;
Британия, в стране своей так рано
Сознавшая свободу гражданина;
Германия, где тысячи рабочих
Рвались вперед в прошедшие года...
На много мы их всех опередили
И потому, как ни сильны, ни горды,
Смущает нас, что одиноки мы.

Голос из хора.

Да, одиноки, и свобода наша,—
Что на вершине дерева гнездо!

Другой голос.

И ею, как гнездом могучий ветер,
Играет дерзко власть чужих народов,
Качая ветви, накрывая ствол.

Хор рабочих.

Далекие товарищи и братья,
Которых мы считали до сих пор
И мудрыми и сильными! Не вы ли
Нам указали, как бороться с рабством,
Внушая нам уверенность в победе!
Услышьте нас! Не покидайте нас!
Не допускайте гибели свободы!
А без поддержки вашей устоять
Она не в силах... Если же погибнет
Свобода наша, то для вас ведь также
Назад событий стрелка повернет.

Голос из хора.

Пока свобода светит не для всех,
Она терпка, как виноград незрелый,
И неверна, как мартовское солнце.

Другой голос.

Сладка свобода, если светит всем;
Тверда, как сталь, всеобщая свобода!

Первый голос.

Товарищи! мы сделаем ее
Всеобщей! Пронесем по всей земле
Ее святое, огненное знамя!

Второй голос.

Воспряньте же, товарищи и братья!

Хор работниц.

Вперед, вперед, друзья, без замедленья!
Мы подарим добытую свободу
Всем братьям, изнывающим по ней!
Она у нас в руках, как дар священный,
И вскоре дрогнет мир под мощным шагом
Народов вольных!

Хор рабочих.

Вперед, вперед, друзья, без замедленья!
Обогатим мы наших дальних братьев
Добытым нами светлым достоянием!

Устойчев.

Товарищи, забывшие борьбу!..
Как плохо вы постигли суть свободы!
Ужель она тот дар, который можно
Давать другим и брать из рук чужих?
Нет! надо взять, завоевать свободу,
Взять приступом, как кряж горы высокой,
Стремясь всем сердцем к этой выси горной,
Тая в груди решимость, веру, силу!

Мы ничего не можем дать, как дар,
Мы можем пробудить лишь отзвук воли,
Той воли, что так мощно движет нами;
Должны мы пробудить ее в миллионах
Таких сердец, в которых воля та
Еще пока принижена, забита,
Таясь в сердцах лишь в виде скрытой силы,
Как сила мощных, быстрых горных вод
Таится в льдах, как будто неподвижных.
Но как же нам освободить ее?
Как сдвинуть грузный камень униженья,
Который гнетом подавил друзей
И их сердцам не позволяет биться?
Наш долг велит нам это совершить,
Разжечь в пожар стремление к свободе,
Хотя б ценою гибели своей!..
На нас глядит история веков
И сфинкс ее загадочный нам шепчет:
„Ответьте мне сейчас или погибайте!“

Голос из хора.

Вот новая, труднейшая задача!
Я снова бездну вижу пред собой!..
Давно ль я думал, что достиг уж цели?
Как мало понимал я ход событий,
Как неразумен, как беспечен был!
Но я мои исправлю заблужденья,
Я пробужу, зажгу сердца других!
Как ты далек, товарищ зарубежный,
Преград не счесть меж мною и тобой!..
Как показать тебе наш серп и молот,
Наш светлый знак под яркою звездой?

Другой голос.

Как выполнить столь трудную задачу?
Сомнение тяжко мучает меня...

Первый голос.

О славный вождь наш! За тобою слово:
Скажи: как быть, что делать, как начать?

Устойчев.

Товарищи! в стремлении будьте стойки,
И мы найдем, что надо нам найти:
Путь к разуму и сердцу наших братьев.
Не могут рвы и грозные окопы,
Делившие рабочих разных стран,
Препградой быть: клич новый вещим словом
Перелетит чрез земли и моря:
В России труд отныне стал свободен,
Он всем народам предлагает мир!
Эфир свободный будет нам к услугам,
Как прежде он к услугам был господ;
Он разнесет весть радостную дальше,
Чем те слова предательства и лжи,
Которые так часто оскверняли
Его хрустально-чистые струи.
Наш клич: КО ВСЕМ, и все его услышат;
И этот день, когда благая весть
Коснется слуха чуткого народов,
Для них зардеет светлою зарей,
Как радостной, сияющей улыбкой,
Взамен однообразных, тусклых дней,
Тянувшихся унылой вереницей

В тисках неволи мертвенной и смрадной.
Товарищи! Волшебным нашим словом,
Которого народы жадно ждут,
Как ждали вы, изголодавшись, хлеба,—
Мы вмиг разбудим всех; его подхватят
Ряды солдат в окопах и траншеях,
Рабочие на верфях и заводах
И женщины, залитые слезами.
Как в городах, живущих шумной жизнью,
Так и среди тихих, дальних деревень.
Друзья! В краях, войной опустошенных,
Быстрой, жадней воспримут наше слово,
Чем выжженная засухой земля
Воспринимает капли дождевые:
В России труд отныне стал свободен,
Он всем народам предлагает мир!
Товарищи! Поднимутся народы,
Надеждой окрылятся их сердца,
По всей земле раскатною волною
Единым пронесется дружный возглас:
„Не станем больше братьев убивать,
Всеобщий мир мы сами заключаем!“

Хор рабочих.

Какой восторг, какое счастье
Друзьям измученным помочь!
Мы нашей вестью их спасаем,
Дарим усталому покой,
Изголодавшемуся—пищу,
Вернем отцу его детей,
Мать—сыну, жениху—невесту...
Целительный бальзам отрадной встречи
Вмиг облегчит израненное сердце.

Хор рабочих.

Мы кликнем клич—и бойня прекратится,
Как прекращается свирепый вихрь,
И люди на земле вздохнут свободно,
Они сбегутся радостной толпой,
Чтоб насладиться благостным затишьем.
Да! только стоит кончиться войне,—
Края опустошенные воскреснут,
И раны на тебе, о мать-земля,
Залечатся трудом свободных граждан
На благо общее народов-братьев.

Голос из хора.

О мать-земля! Равнины возродятся
Упорным трудолюбьем братских рук,
И грудь твоя, истерзанная бойней,
Залечится сыновней нежной лаской.

Другой голос.

Я вижу, как ты вновь, земля родная,
Увенчана венком зеленых лавров,
Как спелые колосья золотятся
Средь тучных нив в лучах зари вечерней,
И этот блеск мерцает светлой искрой
В глазах косцов, идущих вдоль полей.

Первый голос.

О, еслиб знать, что братский наш призыв
Уж долетел к товарищам в окопы
И им зажег сердца!... О, еслиб видеть
Нам радость их, улыбки и восторг!

Некоторые голоса.

О, еслиб знать, что их сердца созрели
Для тех идей, что землю обновят!

Другие голоса.

О, еслиб знать, что их сердца готовы,
Вмиг возродясь, ковать священный меч!

Женский голос.

О, еслиб знать, что там, в траншеях темных,
Забитые живые мертвецы
Воспрянули и возродились духом,
И радостно глядят в глаза друг другу!

Виктор.

Товарищи! Могу ответить вам
На всё, что знать стремитесь вы так страстно.
Я сам один из этих мертвецов,
Томившихся в глубоких подземельях,
Где жили мы, как дикий зверь живет.
Я пережил ужасные страдания,
Когда готов с отчаянья погибнуть;
Все испытал я: холод, голод, жажду,
Лишение сна, смертельную усталость,
Когда и солнцу светлому не рад!
А этот ужас бесконечной бойни,
А этот адский грохот, крики, стоны,
Что превращают наше сердце в камень!
Все это перенес я, и глубоко
Страдания эти врезались в меня.

Но, вот, вчера нежданно весть спасенья
К нам долетела сквозь туман и холод:
Отныне труд в России стал свободен,
Страхнул с себя он рабское ярмо!
А вслед за тем явилась весть вторая,
Как за одним аэропланом в небе
Нередко тотчас следует другой:
Советская Россия предлагает
Народам мир, как первый братский дар,
Как первое свое завоеванье!
Какой благословенный, светлый миг!
И черный ад, который окружал нас,
Отчаянье бессильного желанья
Стать человеком, вырваться из ада —
Вдруг отошли куда-то, побледили,
Как будто всё, что нами пережито
Лишь тяжким мимолетным было сном.
Мгновенно я воскрес; волнуясь, мысли,
Одна другой отрадней, проносились
В уме моем; и все, что мы считали
Навек погибшим — сразу возродилось:
Товарищество, человеколюбье,
Возможность мира общего народов!
Безмолвно мы глядели друг на друга,
Но наши лица резко изменились,
Как по приказу палочки волшебной:
Все разом стали будто бы моложе,
В душе у всех расцвел цветок прекрасный,
Что был не в силах прежде распуститься.
Рассеиваться стал седой туман
И в облаках засеребрился месяц.
И вот, в ночном торжественном безмолвии
Мы поднялись из сумрачных могил.

Мы поднялись... Не так, как это прежде
Мы делали; не с тем, чтобы подкрасться
Тайком к врагу, неся с собою смерть,
Не так, как нас, бывало, выводили
При первом блеске утреннего солнца
В дурмане тяжком пьяного угара
И ободряли нас все тем же криком:
„Эй, молодцы, еще разок!... Смелее!“
За нашей же спиной шли другие
Ряды солдат — то наши сторожа,
Которые, когда мы колебались,
Безжалостно расстреливали нас.
Нет! В этот раз — по нашему желанью
Мы поднялись свободными людьми.
Держали мы в руках своих не ружья,
А белые и красные знамена
И чутким сердцем ожидали чуда...
И перед нами чудо совершилось!
Из под земли, среди равнин пустынных,
Вдали поднялись тысячи людей,
Как мы, изнеможенные страданьем,
Забрызганные слюкотью и кровью,
И к нам пошли навстречу... Видим, машут
Знаменами такими же, как наши;
На лицах их сияет так же радость,
Они идут с приветом, словно братья!
А в воздухе так тихо, так отраднo...
Непобедимой, чудотворной силой
Нас потянуло радостно друг к другу...
Святое, человеческое чувство,
Что столько лет в нас зверски подавляли,
Внезапно разорвало все оковы
И прозвучал, как гром, великий клич:

Товарищи!... О, верьте, никогда
Не слышалось такого ликования;
Пред ним бледнеет торжество побед,
Так часто потрясавших эту землю.
И бросились в объятия мы друг к другу,
Мы целовались, плача от восторга
И чувствуя, что радостно от сердца
У всех кора отходит ледяная,
Как под лучами мартовского солнца
Сбегает снег с полей оледенелых.

Хор работниц.

Благословение часу тому,
Когда победа наша прозвучала,
Вратоубийства она разогнала
Грешную тьму!
День незабвенен великий братанья,
Сердце цепи свои расковало
И матерей совершились желанья:
Бойни кровавой больше не стало!...

Женский голос.

День благодатный! Слава ему!

Другой женский голос.

Радостью сердце затрепетало!...

Хор рабочих.

Что начали—мы до конца доведем,
И против людей угнетавших восстанье

Мы с братьями дальними дружно начнем;
Томились они, как и мы, под ярмом;
Пробудим в их разуме силу сознания,
И вспыхнут сердца их, забыв колебанья,
Могучим огнем.

Вера (Устойчеву).

Скажи, товарищ, что постановил
Совет тех лиц, которых мы избрали
На столь ответственный и трудный пост?
Которым мы вручили полномочья
Осуществить теперь же нашу волю,
Дав полную возможность поступать
Уверенно, решительно и смело,
Тогда как мы, сознаюсь, колебались.

Устойчев.

Товарищи! Я и пришел сказать
О том, что постановлено советом
Всех ваших выборных и разъяснить
Причину этого постановления.
Остаться мы должны едины волей!
Текущий миг сравнил бы я с клубком
И бережно он должен быть размотан,
Чтоб драгоценной нити не порвать
Единого и общего стремленья;
Не то—все рухнет, все—чего достигли
Товарищи! вы знаете: германцы,
Держа в тисках всю Среднюю Европу,
Могучи силой, но отнюдь не правом,
Они ведут войну с позорной целью,

Как и вели властители России;
Цель их—грабеж, богатая добыча,
Германское господство над всею;
И вот они дерзнули в бой вступить
С французами и Англией богатой,—
Властителями Запада, которых
Союзниками нашими зовут.
И те могучи силой, но, пожалуй,
Своею утонченностью ума
Еще могучей; удалось вдохнуть им
Их волю—в жизнь общественного строя;
Они искусно отравить сумели,
Как смертоносным ядовитым газом,
И ум и душу своего народа...
Товарищи! Нет общего у нас
Ни с теми, ни с другими; мы воздвигли,
Вдали от ложных их знамен, пред всеми,
Великое, святое наше знамя,
Сияющее равенством и братством.
Нас вдохновляет здесь иная сила,
Иной порыв; на лжи и на обмане
Построено их царство; мы же — дети
Льшь истины; труба ее — у нас;
И мы трубим, и мощною волною
По всей земле несется наш призыв.
Сердца господ сжимаются от страха;
Сердца рабов становятся светлей.
Товарищи! вот выборных решение:
Союзников мы наших приглашаем,
Как и врагов, совместно обсудить
Условия желаемого мира:
Он восстановит поправное право
И защитит все слабые народы

От хищничества сильных. Если ж наши
Союзники откажутся принять
Участие в том общем совещаньи,
То сядем мы со Среднею Европой
Одни за тот же стол, и не смутят
Нас обвинения будто бы в измене.
Вот выборных решение. Его
Я сообщаю вам и всем, кто выбрал
Нас в совет и передал нам в руки
Власть полную решать вопрос. Пред всеми,
Чье сердце полно волею единой,
Единым и желаньем и надеждой,
Торжественно я объявляю это.

Голос из хора.

Да здравствует наш славный предводитель,
Ведущий нас так смело к нашей цели!

Другой голос.

О, не оставим мысль об общем мире
Ни на минуту!

Первый голос.

Вождь наш! Продолжай!

Устойчев.

Товарищи! Ваш бой сердце нам слышен;
Ведь ваше сердце вместе с тем и наше!
Уже везде гремит призыв: „Народы!
Братоубийство тотчас прекратите
И обсуждайте справедливый мир!“

Властители придут; они не могут
В том отказать; единое желанье
Живет давно в душе у всех народов;
Вершители судеб, хотя с презреньем
И злобою тот слушают призыв,
Но все ж придут. А это будет значить,
Что занялась уж новая заря
Перед восходом нового светила,
Которое всю землю озарит.
Мы, слабые, заставим содрогнуться
Своих врагов могучих, потому что
Несем мы то, что завтра же разрушит
Их грубое, позорное насилие.
Мы вместе сядем с лютыми волками
За тот же стол; с волками, что глядят
На человечество, как на добычу.
Нас разделяет бездна; но не им
Мы наши мысли скажем, а народам!
Да! для народов, обогранных кровью,
Звучать правдивый будет наш призыв,
Как чистый ключ журчит водой хрустальной.
И припадут к нему народы жадно,
Как путник в зной, от жажды истомленный.
Мы скажем: „Братья! Вы пожать боитесь
Протянутую к вам так дружно руку;
Какое дело вам до усиления
Могущества господ кичливых ваших?
О, положите же предел насилию,
Вам стоит пожелать — и вашей будет
Свободная земля свободных граждан!“
Я слышу скрежет посланцев господ
При первых звуках этого призыва.
Еще у них одних в руках, как прежде,

Вся сила разрушенья; незнакома
Им мощь души, мощь правды; слепо верят
Они лишь в силу пуль, штыков и бомб,
Да ядовитых газов... И с презреньем
Они глядят на нас, оружием слабых,
Готовые нас сдунуть, как пушинку
Сдувает вихрь; и прямо нам в лицо
Они смеются, нагло издеваясь.
Известно им, что наше войско жаждет
Лишь мира; что слабо сопротивление
Окопов наших; что из них потоком
Идет народ домой, бросая ружья.
Но каждый день спокойно продолжаем
Мы повторять крылатые слова,
Уверенные, что в окопах люди,
Сквозь шум и гам и окрики начальства,
Расслышат наш товарищеский зов
„Солдаты наши бросили оружие,
Вот подтвержденье наших братских чувств!
И вы, рабочие всех стран, спешите
Взять с них пример и вы добьетесь тотчас
Не только мира — братства всех народов!“
Мне слышатся повсюду шум и клики
И ликования тысячей народа,
Толпы идут, увитые цветами...
Солдаты славно выполнили дело!
По всей земле проносится братанье,
Как сноп лучей из-за нависших туч.
Стихают голоса, что так крикливо
К убийству звали; чистые порывы
Души и сердца явно победили,
И жизнь кипит победно на земле.
Затем опять призыв к борьбе и снова

Мечей бряцанье; это начался
Наш бой, священный бой; могучей волей
Чеканит мы звенящие монеты;
Свершается ряд подвигов великих...
Как смерть красна героев в миг борьбы!
Свобода! светлый луг на горной выси!
В скале отвесной нашего страданья
Отважно мы пробьем к тебе дорогу,
Как ни был бы высок и крут подъем!

Голос из хора.

О, слава вам, которые с волками
Одни за нас решились воевать!
Но, нет! вы не одни: все наши мысли—с вами,
Мы вас на подвиг будем вдохновлять!

Другой голос.

Мы не покинем вас, мы не оставим
Вас одинокими в далекой стороне;
За вами вслед мы жар сердец направим,
Вы будете согреты им вполне!
И громче прозвучит призыв могучий,
Внушенный нашею глубокой верой в вас,
И наши голоса, как стройный хор созвучий,
Поддержат вас в великий этот час.

Павлов.

Нет, мы не пустим вас в ту даль одних,
Руководителей столь близких сердцу!
Нет!.. Дело там найдется и для нас,
И мы сказать свое сумеем слово;

Мы выберем товарищей; они
Пойдут к врагам в окопы и расскажут,
Какую мы ведем у нас борьбу,
О том, как наша слабость стала силой,
Когда мы все слились в единстве воли.
Мы им укажем путь, который был
Усеян поражениями, но все же
Привел к победе; скажем откровенно,
Что мы, услышав ваш призыв внезапный:
— Возьмите власть, рабочие, крестьяне!
Весь мир на вас в дни эти уповает
И возрожденья радостного ждет!..—
Заколебались, содрогнулись сердцем
И повторяли: „Этого не будет!
Возможно ль нам, без знания и без силы,
Народы к новой жизни возродить?“
Расскажем, как мы, наконец, решились;
Прогнали тех, кто нас впрягал в ярмо,
И как куем мы крепкими руками
Грядущий мир из нынешней войны.

Иван.

Мы им расскажем, как сладка свобода,
Что — раз отдававший ее — не станет
Иной питаться пищей.

Павлов.

Мы предстанем
Свидетелем, как мужество народа
И воля крепнут быстро, год от года,
Когда народ умно руководим,
Внушаем здравых мыслей светлым роем...

Иван.

Мы скажем всё, мы ничего не скроем;
Мы без боязни сердце обнажим.

Женский голос.

Найдем слова блестящие, как луч.

Другой женский голос.

Найдем слова мы теплые, как кровь.

Люба.

И сладкие, как первая любовь;
Воспрянут духом братья, встрепечутся,
И ваш призыв мы им повторим вновь.

Первый голос.

Мы души их суровые согреем,
И возродить их способы найдем.

Второй голос.

Мы семена благие в них посеем,
Как пламенем — сердца им обожжем.

Люба.

Вокруг себя объединить сумеем,
И колесо событий повернем.

Устойчев.

Товарищи! Мысль ваша превосходна;
Да, вы должны пойти, чтоб нам помочь
И подготовить словом убежденья
К тому призыву братские сердца.
Но сможете ли вы туда проникнуть?
Они еще в железной дисциплине,
Как за тюремной, крепкою решеткой,
И вырвались оттуда лишь на час.

Виктор.

Товарищи! В окопы к ним проникнуть
Не трудно ночью темной и туманной,
Когда кругом в полях ни зги не видно.
Мы знаем слово, что с волшебной силой
Вмиг разрывает цепи дисциплины;
Его услышав, каждый караульный
Нас проведет туда, где в полумраке
Нас жадно ждет товарищей толпа.

Люба.

Присев у их костров, мы путь к свободе
Через ночную тьму откроем им,
И юные сердца, страдавшие в невзгоде,
Мы нашей радостью победной оживим.

Голос из хора.

Едва блеснет заря на небосводе,
Мы дружным хохотом их тотчас оживим.

Люба.

Они на вольность и взглянуть не смели,
Унылые, в духовных кандалах;
Но мы укажем путь беднякам к светлой цели
И заиграют искры в их глазах.

Голос из хора.

Да, искры радости запляшут в их глазах
И сердце светлою надеждой озарится.

Люба.

Да! Наше слово быстро проникает,
Как солнца луч, в духовную их тьму;
Так южный ветер к жизни вызывает
Чуть видную зеленую траву.
Готовность к подвигу в душе их назревает,
Как налитой, раздувшийся бутон,
Еще толчок — и развернется он!
Им ваш призыв, товарищи, откроет,
Что скрыто в их душе от них самих;
Они пойдут за нами, — только стоит
Им кликнуть клич...

Виктор.

Мы завоюем их!

И тех, кто до сих пор по злему наущенью
Грозить был должен смертью им,
Мы также призовем по братски к возрождению
И также быстро победим.

Устойчев.

Пусть будет так, как оба вы хотите,
Вас движет сила из глубин души,
Она свершить не малое способна...
Товарищи! Все те из вас, кто знает
Язык обманутых тех братьев и желает
Скорей помочь очистить их сердца
От мерзости, которою так щедро
Наполнило их издавна начальство,
В них подавляя чувства человека, —
Пусть обратятся к Виктору; он будет
Руководитель ваш; его словам
Вы следуйте во всем... Товарищ Виктор!
Ты наилучший выбор сделай сам
Средь вызвавшихся на такое дело;
Больших достоинств требует оно:
Выносливости, стойкой, твердой воли,
Спокойствия и тонкого уменья
В неблагоприятной почве находить
Средь недоверья и предубежденья
Места, где можно словом победить.
Достоинства все эти есть у вас,
Так действуйте ж, друзья, как можно лучше.

Виктор.

Охотно я, исполненный надежд,
Вернусь в окопы; местность мне известна
И лучшие из братьев зарубежных;
Не как чужой приду я — как товарищ,
Доверье их мне облегчит задачу.

Устойчев.

Нам предстоит обоим тот же труд;
Тебе в глубинах, мне—на выси горной;
На полпути мы встретимся с тобой,
Подобно двум стальным могучим сверлам,
Сверлящим гору с севера и с юга,
Когда пробит туннель, они сойдутся,
Как победители... Теперь—прощайте,
Товарищи!.. Поддержанные вами,
Приступим мы к намеченной задаче.

Павлов.

Привет тебе, руководитель наш!

Вера.

О Виктор, сын мой!
Лишь ты один остался у меня,
Других детей война меня лишила;
Три сына пали в битвах; дочь моя
Во время бегства нашего погибла,
И я осталась в горе, одинокой.
Но вот, вчера ко мне вернулся ты!
Я обняла тебя в безумном счастье,
Ласкала я тебя и день и ночь.
Дрожащими от радости руками.
В разбитом сердце расцвела весна,
И кровь моя застывшая согрелась.
Теперь должна я вновь с тобой расстаться...
Что ж! Я сама пошла тебя туда
На новую, не малую опасность;

Сама я говорю: ступай! Быть может,
Вернешься ты, быть может—нет... Повсюду
Тебя подкараулит может смерть.
Я знаю это; все же повторяю:
Ступай, ступай!.. Я это говорю
Не только языком, но также сердцем;
Готова я вполне на эту жертву.
Ведь это—столь давнишняя мечта
Пойти в окопы к братьям не с оружием,
Несущим смерть, но с радостью в душе,
Во имя мира, дружбы, единенья,
И дать им то, что сразу утолит
И жажду их духовную и голод.
Ступай, мой сын, и поведи с собой
Еще других таких же юных, сильных!..
У нас в селе уже четвертый год
Невспаханы поля, и хлеб не сеян,
Но мы привыкли к голоду; охотно
Готовы мы и дальше голодать,
Чтоб дать возможность выполнить ваш подвиг;
Иди же с миром, чтобы приобщить
К нему сердца далеких наших братьев.

Виктор.

О мать моя! Тем, чем я стал теперь,
Решимостью моей и твердым сердцем
Обязан я вполне твоим заботам!
Не знаем мы, вернемся ли назад,
Но все вдохновлены единым чувством—
Великой нашей цели послужить.
Коль я останусь жив,—тебе не мало
Я расскажу отрадного о том,
Как пробудились духом наши братья...

О, Люба, жизнь моя, ведь будем мы
С тобою вместе? Ты без колебанья
Идешь туда делить со мной опасность?
Тебя не устрашает призрак смерти?
Ты знаешь ли, что ожидает нас,
Коль попадемся мы? Кратка расправа;
Приткнут к стене, скомандуют — и грянет
Обычный залп, и обагрится снег
Потоком крови; на навозной куче
В пустынном поле, всеми позабыты,
Валяться будут два безвестных трупа.
Я этому свидетель часто был,
Но не страшился вовсе.

Люба.

Виктор, друг мой!
Еще ни разу в жизни не видала
Я смерть в лицо; не знаю, содрогнусь ли
Я перед ней... Вернулся ты вчера
И вновь уходишь!.. Это невозможно!
С тобой я не расстанусь!.. Если надо,
Готова я с тобою умереть.

Виктор.

Тогда ничто разъединить не может
Меня с тобой... Ничто!.. до самой смерти!..
Товарищи! Не забывайте нас
И нашего возврата ожидайте.

Голоса из хора.

Да! будем вас с надеждой ожидать
И думать о друзьях, полны волненья,
И мысленно все время посылать
Слова любви и ободренья.

Один голос.

Товарищи! в вас вся надежда наша!
Скажите там, как страстно мы желаем
По-братски руки всем пожать;
Как переполнилась давно терпенья чаша,
Как вести мы желанной ожидаем,
Что, вот, идут, идут нас поддерживать.

Другой голос.

Скажите им, что мы стоим непоколебимо
Средь бурь, глядя вперед с постов сторожевых.

Первый голос.

Скажите им, как нас невыразимо
Обрадовала б весть о возрожденьи их!

Второй голос.

Скажите им, что, рядом с ними стоя,
Освободим мы мир от зла и власти тьмы.

Третий голос.

Скажите им, что в нашем новом строе
Мы землю превратим в цветущие холмы.

Первый голос.

Что имя громкое их светлого героя
Средь наших дорогих имен вписали мы.

Второй голос.

Либкнехт—то имя,
В блеске венца
Имя воителя,
И просветителя,
И пробудителя,
Имя бойца!

Третий голос.

Всем им скажите—
Бойни не длить,
И научите
Смелыми быть.
Пламенно веря
В освобожденье,
Лютого зверя
Сопровивленье
Надо сломить!
К нам, их товарищам,
Пусть поспешат,
Общим пожарищем
Мир обновят!
Мы в изобилии
Пролили кровь;
Много усилия
Надобно вновь.
Всех убеждайте,
Всем разъясняйте,
Что мы свершим,
Как порешим
Дальше идти,

И по какому
Страшно крутому
Шли мы пути.
Всем говорите:
„Не допустите,
Чтобы свобода
Окостенела;
Благо народа—
Общее дело“!

Действие второе

Устойчев, Виктор, Вера, Люба, Павлов, Иван.
Впоследствии Вестник. Хор.

Устойчев.

Товарищи! Известно вам, что мы
Большое потерпели поражение;
Все эти господа подпишут мир,
Грозящий их владычеству, тогда лишь,
Когда их к этому принудит воля
Народная или страх пред этой волей.
Мы бросили наш пламенный призыв,
Как факел, через головы кичливых,
Высокомерных посланцев и ждали,
Не вспыхнет ли за их спиной пожар
И заревом не обагрится ль небо.
Подчас казалось, будто слышен треск,
И вам известно, что однажды пламя
Вдали блеснуло; да! протест всеобщий
Раздался в их войсках; но прежде чем
Могли мы обсудить, как наилучше
Нам поддержать начавшийся пожар,
Он вновь погас, и все кругом стемнело.
А эти псы, что окружали нас,
Как окружают гончие оленя,
Когда от ран он истекает кровью,
Готовы были выпить нашу кровь.

Товарищи! Властители—езде
Похожи друг на друга, как бы разное
Они ни назывались!.. Верьте: тигры
Насытятся скорее кровью жертвы,
Чем эти господа своею властью.
Когда на фронте бой совсем затих
И началось желанное братанье,
Они сумели—хитростью отчасти,
Отчасти же насильем—прекратить
Братанья эти... В городах же стачки,
В то время возникавшие нередко,
Все протекали в мелочных торгах
О повышении заработной платы,
О ценах продовольствия. И вот,
Противники бесстыдно сняли маски,
Которые надели на себя,
Когда боялись в армии восстания;
И увидали мы перед собой
Их подлинные лица без прикрытия,
Их зверскую, животную натуру...
Они кичились силою их власти
И, издеваясь, спрашивали нас:
„Уж не серьезно ль полагали вы,
Что можно победить войска германцев
Бумажной бомбой—тучей прокламаций?
Солдаты ваши не хотят сражаться,
Бросают ружья и идут домой;
Но наших войск не может тронуть яд,
Который разлагает ваше войско;
Мы крепко держим их в своих руках,
Они идут туда, куда им скажут;
Нам стоит приказать—и мощным вихрем
Они ворвутся тотчас внутрь России,

Легко все ваши крепости займут.
На что же вы надеетесь? Не в силах
Оказывать вы нам сопротивление;
Так будьте же разумнее: примите
Условия наши; если ж безрассудно
Сегодня их отклоните, то завтра
Принуждены вы будете принять
Условия, еще куда тяжелее!"
О, каждое подобное глумление,
Как острый шип, вонзалось в наше тело...
Простите мне, товарищи, что я
Не в силах дальше продолжать рассказа;
Мне сдавливает горло... Я сносил
В моем упорстве долго эту пытку,
И вот, теперь все то, что перенес,
Невольно выливается наружу.

Вера.

Товарищ, продолжай... излей словами
Всю боль твоей истерзанной души,
Все наше одиночество, всю немощь,
Чтоб мы могли, с тобою разделив
Твои страдания, облегчить их бремя...

Устойчев.

Благодарю тебя от всей души,
В ней снова брезжит свет, когда я вижу,
Вокруг себя товарищей моих...
Да! чувствовали мы, что нет исхода,
Что надо нам, иль принимать условия

Позорные врага, иль, отказавшись
Их подписать, готовыми быть к бою.
Я долго, долго выхода искал
В мучительных сомнениях; наконец,
Во мне созрело твердое решение:
Мы не должны, не можем подписать
Постыдный договор! Миллионы братьев,
Которых мы едва освободили
Из под ярма господ своих,—вновь будут
Тем договором отданы во власть
Других господ... Была еще надежда:
Мы думали: ужель среди народов
Не будет взрыва, бурь негодованья.
Протестов жарких против договора,
Который нас заставили принять?
Но все кругом молчало... Мы смотрели
С подавленной душою друг на друга.
Мучительно тянулся день за днем...
С бесцветного, нахмуренного неба
Все время падали бесшумно хлопья
Сырого снега, пеленая землю,
Казалось, что те хлопья погребали
На веки наши мертвые надежды.
Товарищи! Мы дольше не могли
Сносить подобной пытки! Было ясно,
Что состязанье между коммунизмом,—
Еще столь юным, сильным лишь идеей,
И старой властью,—сильною штыками
И рабским чувством темного народа,—
На первый раз проиграно... И вот,
Что мы сказали этим людоедам
(Ответа мысль принадлежала мне):
„Народ измучен наш и жаждет мира,

Бороться с вами мы не в состоянии;
 Но мир, которого хотите вы, не мир,
 А лишь дневной грабеж и преступленье,
 Насилье над миллионами людей,
 Мы на него не можем согласиться.
 Мы говорим: меж нами нет войны,
 Но нет и мира... Мир обозначает
 Добрососедство, полное доверье
 Во всем друг другу; этого меж нами
 Нет и не может быть; полны коварства,
 Глядите вы на нас с безумной злобой".
 Вот, что сказали мы, и отказались
 Подписывать позорные условия.
 Но правильно иль нет я поступил,
 Товарищи, я этого не знаю,
 Я мучаюсь сомненьями при мысли,
 Что этим мы поставили на карту
 Жизнь или смерть столь многих, многих тысяч.
 Врагам лишь стоит пожелать—и могут
 Они на нас обрушиться лавиной
 И выхватить насильем грубым то,
 Чего мы им не дали добровольно.
 Я верно ль поступил—покажет время,
 Но я считал своим священным долгом
 Не загрязнять печатью малодушья
 И слабости того святого дела,
 Которое мы выполнить взялись.
 Товарищи!.. Да, тяжело мне было,
 Но на своем посту я устоял,
 Поддержанный все тою же надеждой,
 Что, может быть, и запад и восток
 Пожаром вспыхнут. Вот на чем основан
 Был мой отказ решительный врагам,

Павлов.

Ты верно поступил, руководитель,
 Мы ждали все, что так поступишь ты.
 Мы ценим высоко твою отвагу
 И стойкое терпение, с которым
 Пытался пробудить ты, одинок,
 Среди врагов твоих высокомерных
 Те чистые, высокие порывы,
 Которыми пылает наше сердце.
 А то, что там все эти господа
 Так грубо издевались над тобою,
 Тебе и нам, конечно, безразлично.
 Но вот, чего не можем мы понять:
 Когда ты возвестил про перемену,
 Которая, как солнце, разгоняла
 Ночную тьму кровавого насилия,—
 Как, вслед за тем, не дрогнули народы,
 Не сбросили с себя оковы страха?..
 Как массы, видя, что влекут их снова
 По старому пути к братоубийству,
 Не вспыхнули в негодованьи дружном
 И не разнесся крик по всей земле:
 „Нет!.. Мы—не повинемся вам боле!“
 Как, почему не поднялись их руки?
 Как их язык и тут остался косным?
 Зачем они не сбросили цепей
 И против власть имущих не восстали?

Голос из хора.

О братья! Неужель в вас только изумленье,
 И не влечет к себе свобода вас ничуть?

Другой голос.

Не мы ль зажгли для всех здесь светоч возрождения?
Не наши ль топоры вам пролагают путь?

Первый голос.

Вы медлите — и в нас невольно опасенье,
Что вам тяжелого обмана не страшнеть.

Виктор.

Товарищи! Позвольте разъяснить
Духовный облик вам немецких братьев;
Я проникал не раз в окопы к ним
И даже вглубь страны; повсюду Люба
Меня сопровождала, и, куда б
Ни приходили мы, со всеми братски,
Товарищески мы вели беседу.
Мы спрашивали всюду, почему
Не начали они восстанья также
И не объединили с нами сил,
Чтоб дружным натиском очистить землю
От этой роковой чумы — от власти.
По их ответам чувствовали мы,
Что их сердца трепещут, как и наши,
Но слышали и грустного не мало;
Мы не нашли у них того, что нами
Так мощно движет: сплоченности воли,
Единой, смелой, твердой, как гранит;
Она у них истерта в пыль и мусор.
Нет в них самоуверенности гордой,
У многих души страшно измельчали.

Не будем мы, товарищи, скрывать
От вас картин нередко неприглядных,
Мы вам передадим одну лишь правду.
Встречали мы изверившихся часть;
Свободное товарищество, братство
И равенство для многих превратилось
В несбыточный какой-то смутный сон,
Который им давно когда-то снился
В дни безрассудной юности. Их мысли
И пожеланья лишь к тому стремились,
Чтоб теплое отвоевать местечко
У очага хозяев, оттеснивши,
Прогнавши тех, кто раньше там сидел;
Зайскиванье было, как у псов,
Но даже пес принижен не настолько.
Других встречали мы — слова их тяжело
Бывало слушать!.. — полных яркой злобы,
Годами накопившейся в их сердце
На сильных мира, на своих господ.
Беседуя, они глядели вниз,
Чтоб мрачным взглядом глаз себя не выдать;
Но долгие лишения превратили
Таких людей в безвольных и бессильных.
„Не слишком рано“, — пасмурно они
Твердили нам, — „увы! но слишком поздно
Для поколения нашего... Виновы
Во всем руководители...“ Как горько
Раскаивались многие из них
В своем непоправимом колебании
В тот грозный день, когда страну объяла
Тьма адская преступнейшей войны
И августовское затмила солнце!
Встречались и такие, чьи слова

Как будто бы надежду подавали:
„Чтож! сделать ничего нельзя теперь,
Сердца объаты холодом и тьмою,
Предательство везде нас окружает
И каждый совершенно одинок.
Но, наконец, и наш придет черед;
Вернемся мы домой — тогда настанет
Расплаты грозный час и для господ!“
Я видел, как они, дрожа от гнева,
Сжимали кулаки, как наливались
Кипучей кровью жилы на висках.

Павлов.

Кто вечно лишь о подвигах трубит,
Которые когда-то совершались
Под руководством нового вожда,
Тот не работник на великой ниве,
Боец в душе найти всегда сумеет,
Куда и как ударить на врага.
А тот, кто утешает вас, что „завтра,
Мол, выступим“ — когда настанет „завтра“
И новая опасность пригрозит, —
Тот вновь свое отложит выступленье.
Нет!.. Кто свободе предан, тот приступит
Сегодня же к борьбе за ту свободу!
А если все ж наш западный товарищ,
Который был так часто там обманут,
Не научился этому, то, значит,
Он ничему еще не научился,
И помощи ждать тщетно от него,

Люба.

Товарищ Павлов! За такое рвенье
Я уважаю искренне тебя;
Но ты несправедлив; тебе известно ль,
Какая сила связывает братьев
На Западе цепями предрассудков,
Привычек и традиций устарелых?
В своем рассказе друг мой показал
Вам темную лишь сторону, нарочно
Изобразив картину в мрачном свете,
Чтоб вы не слишком смело полагались
На помощь наших западных соседей,
Но верили б лишь в собственную силу.
Однако, я неправды не скажу,
Вам сообщив, что там, где мы бывали,
Встречаются и яркие цветы,
И я вас всех обрадую их блеском.
Беседовала с многими нередко
Мужчинами и женщинами я
Из всех земель Германии обширной
И находила мыслящих и твердых,
И, слышите ли? — все они, — да, все! —
На мой вопрос: „что будете вы делать,
Коль вам прикажут вновь на нас напасть?“
Давали мне ответ один и тот же, —
Он выливался искренне из сердца:
„О, мы тогда откажемся идти!
Звезду надежды вы зажгли народам;
Мы не поднимем против вас оружия!“

Женский голос.

Сестра, спасибо! Золотое слово
Ты нам сказала... Вот где ключ к сердцам

Далеких братьев! И душа готова
Отдаться вновь заманчивым мечтам.
„Мы не поднимем против вас оружия...“
Как это чудно, сладостно звучит!
Товарищи! Вы чувствуете ль?.. В небе
Опять заря желанная горит.
Тьму нашего отчаянья победно
Рассеивает снова светлый луч...
Далекие, возлюбленные братья!..
Смелей вперед! Настанет светлый день,
Когда равны все будут без изъятия...
Прочь, прочь от нас зловещей ночи тень!

Мужской голос.

Мы с нашими далекими друзьями
Храм радости людской соорудим;
Нет недоверья более меж нами,
Свободные, мы стали близки им.

Люба.

Однажды, непроглядной зимней ночью
Сидели мы у тлеющих костров;
Шел крупный снег, пушистой пеленою
Бесшумно заволакивая землю,
Изрытую снарядами, как будто
Ей тяжкие залечивая раны.
Огонь мерцал; я пристально взглянула
На ближнего товарища, который
Столь ценные слова нам произнес.
Он бледен был, и ясно было видно,
Как впалые его трясутся щеки.

Он продолжал: „мы сильно провинились
Пред Францией, пред Бельгией, пред вами
Своим тупым повиновеньем власти,
Но все ж мы не настолько низко пали,
Чтоб по приказу нашего начальства
Вновь безрассудно кинуться на вас —
Борцов за идеал социализма.
Скорее мы умрем, чем так поступим“...
И голос у бедняги оборвался,
Его лицо подергивалось нервно.
И в полумраке, окружавшем нас,
Стал раздаваться всюду смутный шопот:
„Мы тоже не пойдем... Нет, нет... Довольно!..
Вы положиться можете на нас“.
И шопот становился громче, громче —
По мере, как слова переливались
Все далее и далее средь войска.
И серые фигуры появлялись
Из глубины белеющих окопов.
Один порыв, единое стремленье
Могуче потрясало все сердца
Невольников, полузарытых в землю,
И мертвая равнина оживилась
Единым кликом тысячей солдат;
Подхватывался он, передавался
Все далее и далее, как будто
В тот миг войска слились все воедино.
Лишь офицеры сумрачно молчали,
Беспомощно, пугливо озираясь;
Они бессильны были, как подченка
В водовороте бурном океана.
Когда все стихло, встала я и громко
По направлению к войску прокричала:

„Я ваши передам слова собратьям,
И, знайте, велика их будет радость!“
Поэтому, товарищи, не бойтесь,
Не поддавайтесь также мрачным слухам;
Доверье к братьям в сердце сохраните,
Вонзите в землю посох вашей воли.
Когда же малодушные со страхом
Вам закричат: „они идут!“... Спокойно
Зажгите свечи, отворяйте двери,
Все выходите дружно с хлебом-солью
К гостям на встречу дорогим, желанным.

Иван.

О Люба! нас замучили сомненья;
Надежда, как отлив морской волны
Отхлынула; в угаре опьянения
Металась воля; были мы полны
Вопросов, тщетно ждавших разрешенья:
„Ужель не в силах правда проложить
Сквозь толщу лжи свой путь прямой к народу?
Ужель мы можем только защитить
Братоубийством юную свободу?“
Рыдания горло сдавливали нам,
И все кругом казалось тускло, серо...
Ты радость возвратила всем сердцам,
В нас снова в братьев пробудилась вера.
Нам душу окрылила эта речь;
О, радуйтесь, товарищи: не надо
Нам против братьев поднимать наш меч!
Нас ждет за наши подвиги награда:
Они сумели к нам друзей привлечь.

Хор женщин.

Благословен их возглас отдаленный!
С тяжелой болью сдерживался он,
Но прогремел, от уз освобожденный,
И к нам сюда тобою принесен,
Как пурпурный цветок единства благовонный.

Хор мужчин.

Благословенны те, что поклялись
Осуществить идеи братства;
Благословен порыв, в котором все слились,
И те огни, которые зажигались
У них в сердцах, не знающих злорадства.

Устойчев.

О Виктор мой и Люба, дорогие
Товарищи! Ваш труд и бывших с вами
Нам, несомненно, пользу принесет.
Да! продолжайте раздроблять устои
Старинной власти: рабопечный дух,
Покорность темного народа, недоверье
Его к своим неисчислимым силам.
Я вижу: глубоко потрясено
Все здание былого деспотизма,
И близок светлый день, когда оно
Вдруг рухнет перед мощью коммунизма.
Но все ж себя не надо обольщать,
Товарищи, надеждою чрезмерной;
Она, увь, нас любит отвлекать
С дороги хоть и длительной, но верной.

Несите слово братское туда,
В окопы, но не слишком уповайте
На подвиги товарищей далеких;
Не забывайте: не прошли они
На западе суровой нашей школы,
Они стоят лишь у дверей ее.
Ночь постепенно уступает свету,
И за отливом следует прилив
Не сразу... И в утробе созревает
Не сразу плод... Так и в сердцах людей
Лишь медленно растет и зреет воля,
Не так легко им воплотить ее.
Так будьте ж терпеливы, не спешите,
Не ожидайте многого от них,
Свою свободу зорко сторожите,
Едины будьте в действиях своих!

(Уходит).

Женский голос.

Благословенны вы, приславшие сюда
Нам братские слова, столь сладкие для сердца!

Павлов.

Товарищи! Но все ж не допустите,
Чтоб вкрадчивая эта сладость их
Вам заглушила звуки слов других:
„Свою свободу зорко сторожите,
И твердо верьте лишь в себя самих“.

Женский голос.

Благословен цветок тот благовонный,
Который прислан нам в тех дружеских словах!

Вестник.

Товарищи! Измена!
Они идут!.. Враг начал наступать!
Вновь появились беглецы
Предвестником зловещим!
Везде, на всех дорогах
Картина страшная опять!..
Толпы детей, и стариков, и женщин,
Голодных, обмороженных плетутся..
Ползут, как туча над землей пустынной,
И всюду раздается вопль и плач.

Люба.

Чего же ты волнуешься напрасно?
Они, поверь, как братья к нам идут.

Вестник.

Ошиблась ты: они идут, как грозный
Всесокрушающий в пути своем поток.

Люба.

„Мы не поднимем против вас оружия,
Скорей умрем!..“ Вот были их слова!

Вестник.

И те слова, товарищ, были лживы..
Зачем, зачем доверились мы им!..

Голоса спасающихся женщин.

Растоптаны нивы, посев уничтожен;
Наш враг вероломен, в словах своих ложен!
Древни зажег он!..
Из выбитых окон
Дым клубами валит... Над глазами пашен
Сплошь заревом грозным свод неба окрашен.
Ах, что же нам делать? Куда нам спастись?
Страна беззащитна... Как, чём защищаться?
Враг движется быстро потоком победным..
О горе нам бедным!..

Виктор.

Скажи, товарищ: что постановил
Совет солдат? Хотят они сражаться?

Вестник.

Ах, духом пали многие из них..
Одни твердят: „наш долг—сопротивляться;
Теперь не то, что прежде; мы должны
Отстаивать добытую свободу“.
Другие же качают головой:
„Не можем мы бороться; мы бессильны;
Все рухнуло у нас, а враг силен...“
Есть и такие, у которых странный,
Болезненный какой-то блеск в глазах;
Они твердят: „У нас теперь иное
Оружие имеется в руках;
Мы победим великим светом правды,
Могуществом не пушек, но идей!“
По своему так рассуждает каждый;
Единой воли нет; она распалась,
Как сноп несвязанный, на тысячи колосьев.

Павлов.

„Рабочие!.. свободу сторожите,
А вы, солдаты, сплоченными будьте!“
Вот что сказал наш лидер на прощанье;
Он явственно предчувствовал беду!
Поступим же, как он увещевал нас!
Подумайте: теперь не то, что раньше;
Всё изменилось: мы теперь свободны,
Мы все принадлежим самим себе;
Они ж принадлежат еще начальству
И по приказу двинулись опять,
Чтоб нас лишить свободы,—так глубоко,
Так пламенно зажегшей нам сердца.
Они идут, стремясь ее похитить!
Вы ж медлите свободу защищать!
Мужайтесь же!.. Скорее формируйте
На страх пришельцам красные отряды!
Не прикрывайте именем блестящим
Всей малодушной слабости своей,
Она его, поверьте, недостойна.
Мы горячо, всем сердцем жаждем мира,
Но не того, позорного, который
Нас превратит в беспомощных рабов!
Нет! Если так—то лучше бой кровавый,
Борьба и смерть за высший идеал!
А раз они запуганы начальством,
Обмануты, ослеплены настолько,
Что дали повести себя, как стадо,
И против нас, свободных, вновь идут,
Нарушив подло данное нам слово
И осквернив прямой их братский долг,—
То дайте ж им почувствовать, что значит

На новый строй России посягать!
Пусть врежется урок ваш им глубоко
В их каменные, низкие сердца,
Пусть врежется на грозном поле брани
В их мертвые, кровавые тела!

Вера.

Товарищ Павлов! От подобных слов
Отвёртывается невольно сердце;
Слова твои нам чужды, непонятны,
И мы никак не можем верить в них,
Мы, верившие в лучшие заветы,
Которыми в течение многих лет
Питали нас; они всосались в сердце,
В ум, в нашу волю; их осуществленье
Для нас являлось подвигом, который
Обязаны мы были совершить.
Вы, лидеры-товарищи, учили,
Что сплоченность рабочих—та скала,
Где новый строй победно водрузится;
Но никогда не говорили нам,
Что надо будет направлять винтовки
На наших бедных, зарубежных братьев,
Чтоб научить их мыслить, как и мы.
Безумно-горько нам их заблужденье,
Но неужель, их следуя примеру,
Падем мы так же низко, как они?
Нет, не оружием, смертоносным телу,
Мы можем души братьев излечить!
Отравленные ядом предрассудков
Излечатся лишь истиной одной.

Сам посуди: товарищи-солдаты
У нас повсюду бросили оружие,
И по домам рассеялись полки;
У нас не существует больше фронта,
И вся страна открыта, беззащитна...
Однако, в ней рабочие живут,
Храня в себе великие заветы.
Рабочий каждый—светлая звезда,
Которая повсюду разливает
Лучи любви и стойкости и правды,
И те лучи, увидишь, победят!..

Павлов.

Твое, о Вера, собственное сердце
Есть та звезда, что, свет свой отражая
В других сердцах, рисует этот мир
В сиянии ослепительно-блестящем.
Твоей души движенья благородны,
И благородна сказанная мысль,
Но нам она теперь приносит гибель;
Да! то, что сердцу кажется спасеньем,—
Погубит нас!.. Ведь вихрем мы неслись
Вперед, вперед, и ни один товарищ
Не отставал от нас... Теперь же надо,
Товарищи, немного отступить,
И, меч схватив, который нами брошен,
Его направить против совращенных
Не для того, чтоб научить их мыслить.
Как мыслим мы, но чтобы не позволить
Им погубить надолго нашей мысли;
Не допустить, чтоб там, где расцветала
Жизнь новая под ярким блеском солнца,
Вновь воцарилась сумрачная ночь.

Мы боремся за царство коммунизма,
Чтоб он наполнил мир своим сияньем!..
Погибнем мы—погаснет и рассвет,
Всем возвестивший день освобожденья.

Рабочий, стоящий за выступление.

Товарищи! Он прав; наш долг—сражаться,
Как страстно сердце ни желало б мира!
Спасенье человечества зависит
От стойкости, с которой мы дадим
Отпор врагу; мы любим наших братьев,—
Сопротивленья требует любовь!

Рабочий, стоящий за мир.

Нет! Никогда потребовать не может
От нас любовь кровавого поступка!
Насилием приводятся к единству
Одни рабы; оно в них развивает
Все низкие и злобные инстинкты.

Рабочий, стоящий за выступление.

О, вас послушать, значит, дать возможность,
Как молотом, разбить наш новый строй,
Хрустальное ядро, источник высших
И лучших форм для жизни обновленной.
И коммунизм, к которому стремились
Так страстно люди, тщетно погибая,
Вновь превратится только в звук пустой.

Рабочий, стоящий за мир.

Коль поступить по вашему желанью,
То море крови нас разъединит
С рабочими на западе; с упреком
Те скажут нам: „Вы, свергнувшие власть
Насильников из ненависти к бойне,
Вы поступили сами, как они!“

Рабочий, стоящий за выступление.

Кто скажет так, тот сам не понимает,
Что говорит; недурно бы тому
Взглянуть на это более серьезно.

Рабочий, стоящий за мир.

Да,—если вслед речам медоточивым
Не обагрим мы рук своих в крови.

Рабочий, стоящий за выступление.

Свободу защищая, будем твердо
Все время помнить,—хоть сегодня мы
И вынуждены с братьями сражаться,—
Что эти братья завтра же протянут,
Опомнившись, нам дружескую руку.

Рабочий, стоящий за мир.

Кто вступит в бой хоть раз, держа оружие,
Тот власти пушек душу отдает.

Павлов.

Мы коммунизму отдали всю душу,
Облагородит он поступок наш,
И осветит нам путь, хотя бы мрачный.

Вера.

О, Виктор, сын мой!.. Что же ты молчишь,
В тяжелое раздумье погруженный?
Не видишь ты, как ждут они тех слов,
Которые рассеют их сомненья
И прекратят столь тягостный разлад?
Им не ясна их собственная воля,
Они еще блуждают, как в потемках;
Твой факел должен осветить им путь,
И двинутся они в согласьи дружном.
Так почему ж не отвечаешь ты?
Так почему ж не вымолвишь ты слова,
Чтоб спорящим товарищам помочь?
Что ж медлишь ты?

Виктор.

Мать!.. Медлить—никогда
Я не любил... Нет... Все я делал быстро...
Мне всякий раз шептал какой-то голос—
Не знаю, как назвать бы мне его:
Призвание, убеждение или совесть,—
Но он шептал решительно и твердо,
И пред собой я видел ясно долг,
Как будто мне таинственная чья-то
Указывала на него рука.
Но, вот, теперь, во мне двойится воля;

И я не знаю, как мне быть, что делать,
Куда идти... Я сердцем жадно пью
Твои слова... они его вскормили!..
Но вспомню лишь Устойчева—и тотчас
Другое „я“ пробудится во мне;
Оно душе неведомо и ново.
Ах, не готовит ли мне жизнь теперь
Иную волю, новые задачи
И с ними муки новые?.. О мир!
Желанный мир!.. Мы жаждали тебя
Так долго, так напрасно!.. Претерпели
Так много бед... Жертв сколько принесли!..
Мы чувствовали: ты, что белый голубь,
У нас в руках тревожно трепетал..
Как мы хотели ласково погладить
Твой нежный пух и перья крыл твоих!
Но, вот, теперь, ты снова улетаешь...
Чтож! отпускаем сами мы тебя!
Мы отдаемся в плен властям всесильным,
С которыми бороться мы клялись!
Ужели нет нам выбора иного:
Иль ринуться с оружием на братьев,
Иль предоставить грубому поправью
Свободы нашей юные ростки?
Ужасный выбор!.. Ах!.. Куда исчезла
Уверенность моя в моих поступках?
Куда девалась эта стойкость воли?..

Мужской голос из хора.

О, Виктор, брат наш!
Что мучит так тебя, и нас всех мучит!
Надломлены как сила, так и воля;
Не знаем мы, что делать, что начать...

Другой голос.

Готовы были мы к насилию над властями;
Когда пробил удара час,
Не дрогнула рука, не отказалась...
Но никогда не снилось нам
Насилье против наших братьев.

Третий голос.

Мы их хотели победить речами
Горячими и яркими, как солнце,
Привлечь к себе сердца их, как магнитом,
В них пробудив желание свободы.

Одна женщина из хора.

Ужель нам все утратить, чем мы жили?
Отдать себя безумному порыву
И братьев убивать во имя братства?
О, мрачное какое пробужденье!
Какой конец пленительного сна!..

Другая женщина.*

Ах! разве нет для нас пути иного?
Жизнь менее мучительно отдать,
Чем от мечты любимой отказаться!..

Третья.

Товарищи!.. Есть... есть и путь иной:
Жизнь менее мучительно отдать,
Чем навсегда отречься нам от братства!

Первая женщина.

Не мало я предшественников знаю,
На избранном пути отдавших то,
Что можно в жертву раз принести, не боле!..

Вторая.

Спасение рождается из жертвы!

Третья.

Мы нашей кровью братьев напоим,
Чтоб их сердца могли воскреснуть.

Первая.

Согласны мы страданье перенести,
Лишь пусть восторжествует наша правда.

Вторая.

Безропотно мы жертву принесем,
Чтоб волю пробудить в порабощенных.

Павлов.

Порой не то, что кажется по виду,
Является для нас тягчайшей жертвой;
Суровый долг нам может повелеть
Изгнать из сердца лучшие движения:
Сочувствие, любовь к своим собратьям...

Товарищи! без вас мы ничего
Начать не можем... Знайте: ваша воля—
Фундамент нашей власти... Не забудьте:
От вашего решения зависит
Вся будущность народов на земле!
Вы колесо истории вертите,
И можете создать для поколений
Века расцвета или тяжких мук.

Вера.

Вы, юноши, вы, сына моего
Товарищи и верные друзья,
Вы, бывшие взамен отца малютке,
Вы, матери и жены, чьи сердца
Перенесли жестокие страдания!..
И вы, невесты, для которых жизнь
Еще скрывает розовые дали!..
Скажите вашим близким, что вы живы!
Вы избраны на подвиг... Может быть,
К прекрасной жизни или к прекрасной смерти;
Вы рождены для службы идеалу...
Взгляните: вот единственный мой сын;
Вы знаете, что он и добр и верен;
Товарищами избран он давно
В руководители... Мой сын родился,
Когда отца уж не было на свете..
Его отец свободе отдал все—
И силы все и жизнь... Он был повешен
При тусклом свете раннего утра
Среди двора казарм... Он был опасен
Для государства... Чтож!.. Я не рыдала,
Рождая сына... Выше мук рожденья

Светило мне отрадное сознание,
Что в этом сыне были семена
Великого, прекрасного... Когда же
Ребенка грудью стала я кормить,
Я поклялась, что буду жить, чтоб сделать
Мое дитя бойцом, подобным мужу,
И пахарем тернистой нивы жизни
И сеятелем, бросающим повсюду
Восстания живые семена.
Вот для чего я выкормила сына,
Чтоб он призвал товарищей к борьбе,
Чтоб в этом был он им руководителем!..
И сын мой превзошел мои надежды...
Когда возникла страшная война,
Вокруг себя собрал ядро друзей он,
Готовивших восстание в войсках.
Когда нужда, и голод, и мученья
Истерли в клочья старые знамена,
И признаки глухого недовольства
Всё чаще, чаще стали повторяться,
Однажды он—в момент приказа войску
О наступлении—громко вдруг воскликнул:
„Не повинуйтесь, братья!.. Расходитесь!
Тот, кто вас тащит на убой—ваш враг!
Ваш друг—рабочий, всюду, где б он ни был!..
И тысячи послушались его
И, бросивши оружие, поспешили
К себе домой... И крах произошел...
Вот для чего, товарищи, вскормила
Я сына,—чтоб он колоколом был,
Зовущим на борьбу поработенных...
Не для того вскормила я его,
Чтоб бросился с оружием он на братьев,

Обманутых и совращенных властью,
И поборол насильем заблужденья...
Нет, лучше я его увижу мертвым,
Чем изменившим нашей светлой цели...
Но мне давно его знакомо сердце,
Ручаюсь я, что не подымет он
Оружия на совращенных братьев.
Но чтоб рассеять заблужденья их,
Пойдет он к ним, огнем любви пылая,
С доверьем в сердце, с знаменем в руках,
Чтоб побороть неправду силой правды,
А с ним пройдет не мало и других.
И если заблудившиеся братья
Откликнутся на дружеский призыв,
Увидя к ним идущих с веткой мира,
То данные когда-то обещанья
Вновь раздадутся серебристым звоном.
Из рук невольно выпадет оружие,
И засияет солнце из-за туч;
Единство и братание бесправных
Закончит то, что начато давно.

Виктор.

Ты самому себе меня вернула,
О, мать моя! Ты исцелила вмиг
Раздвоенность души моей томимой;
Во мне опять едина воля, снова
Я чувствую прилив могучих сил!..
И даже, еслиб было слишком рано
Идти туда, и еслиб не решились
Заблудшиеся братья перейти
Через порог, чтоб совершить свой подвиг—
Ну, чтож тогда?.. Мгновение—и смерть...

Она мне не страшна, когда я знаю,
Что из нее победно возродится
Жизнь новая, и что из нашей крови
Товарищей единство расцветет.

Вера.

О, дорогой мой сын, ты вновь воскрес;
Все хорошо, что б дальше ни случилось!
Теперь же мне—вы, матери, ответьте:
Вы для чего вскормили сыновей?

Одна из старых женщин.

Вскормили их, как ты, мы для того,
Чтобы они в товарищах будили
Все лучшие движенья доброй воли,
А не за тем, чтоб силою оружия
Искореняли злую волю в них.

Вера.

Ответьте, жены, мне, какой любовью
Вы любите теперь своих мужей?

Одна из молодых женщин.

Любовью, ожидающей от них
Во всем лишь высшего!

Вера.

А вам, невесты,
Какими снятся ваши женихи?

Одна из девушек.

Жених мне снится, помощь подающим
Тому, кто слаб, измучен, кто в беде...

Вера.

Мы победим, товарищи... поверьте.
Как победил и в нас теперь рассвет;
Товарищество новой силой жизни
Сломило первобытные инстинкты,
Инстинкты мести, самосохраненья..
О матери!.. идите к сыновьям,
К супругам—жены, к женихам—невесты,
О, станьте на колени перед теми,
Которые дороже вам всего;
Смягчите им сердца душевным словом,
Журчащим тихо, как весенний дождь,
Душевной кроткой речью и слезами,
В которых луч надежды заблестел..

Павлов.

Товарищи!.. Самообман жестокий
Вас, точно как во сне, влечет туда,
Где горькое настанет пробужденье!..

Вера.

Не поддавайтесь вздохам в этом споре;
Созрело время, как в утробе плод:
Поверьте мне, что мировое горе
Нам золотую жатву принесет.
Но не берите в руки меч суровый,
Нет!.. в ваших чувствах стойким надо быть!
Он не пригоден в этой битве новой,
Одна любовь в ней может победить!
Уверенным вперед идите шагом,
Чтоб силой духа души им согреть;
Не под военным,—но под мирным флагом
Сердцами братьев можно завладеть!

Одна из молодых женщин.

О мать!.. Горячее спасибо!..
Да!.. ты вдохнула силу в нас,
Чтоб близких сердцу нам направить
На новый, светлый, славный путь!
Мы нежно их возьмем за руки,
Поможем им освободить
Сердца от старых, полусгнивших,
Полуизношенных скорлуп.
И дорогое обещанье
Мы, как цветок, сорвем с их губ.

Одна из старых женщин.

Сестра! И наши сыновья
С твоим отправятся на подвиг,
На подвиг братства и любви, —
Залог расцвета лучшей жизни!
Мы знаем сыновей сердца..
Не мы ль вспоили их слезами,
И им внушили до конца,
Что высоко ценилось нами!..
Они останутся верны,
В час испытаний, убеждению,
И, силой светлую полны,
Не поддадутся искушению.

Вера.

Скорее каждая к герою поспешите,
Чтоб он на подвиг свой был вами вдохновлен.

Виктор.

И от сомнений всех его освободите,
Как матерью моей я был освобожден.

(Матери, жены и невесты уходят; остаются Вера, Люба и
мужчины из хора)

Люба.

Я вижу, как невеста молодая
Поспешно к жениху любимому идет
И, перед ним колени преклоняя,
Глядит ему в глаза и за руку берет,
И нежно шепчет, в звуках изливая
Всё то, что сладостно в душе ее поет...
И в сердце у него невольно содроганья;
Любимой девушки он выполнит желанья...
А вот и мать склонилась в умиленьи
Пред сыном с чистою, открытою душой;
Он головой поник в почтительном смиреньи
И тотчас клятву дал, что долг исполнит свой;
И матери глаза сияют в восхищеньи,
И гладит ласково морщинистой рукой
Героя юного она, в любви безбрежной,
И тихо говорит ему с улыбкой нежной:
„Явились вы очистить свет от пятен,
С лица земли след братской крови смыть;
Завидный жребий вам судьбой назначен —
Великий идеал осуществить;
Уже ль удел героя не приятен:
Грядущему спасенье подарить?..
Благословение утробам, вас родившим,
И матерям, на подвиг вас взростившим!“

Охватывает всех благоговенье,
И все сердца сливаются в одно:
„Мы человечеству несем объединенье,
Нам новый мир соорудить дано!“
И слышны клятв торжественные звуки...
Вот с мест своих все тихо поднялись,
В молчаньи матери свои скрестили руки,
Глаза невест восторгами зажглись,
И, ослепленные победой над друзьями,
Невесты скромно никнут головами.
Но вот они их снова поднимают,
И, трепеща от радости живой,
На женихов восторженно взирают,
Сливаясь с ними общию душой;
Герои завтра утром выступают
И свято долг исполнят братский свой.

(Матери, жены и невесты возвращаются; каждая из них держит за руку сына, мужа или жениха; таким образом они проходят по сцене)

Один из молодых людей.

Среди народов угнетенных,
С печатью рабства на челе,
Насилием поработенных,
Мы первые свободны на земле.
На что отцы отважиться не смели,
Мы совершим!.. Мы мир идем зажечь!
Наш панцырь — стойкое стремление к данной
А истина — наш острый меч. [цели,

Голос из хора.

Это — рожденье.

Другой голос.

Кого?

Первый голос.

Источника сил.

Второй голос.

Кем же рожден тот источник?

Первый голос.

Братской любовью.

Второй голос.

Где засиял его блеск?

Первый голос.

Среди угнетенных.

Второй голос.

Слава ему на земле!

Хор предназначенных к смерти.

Сегодня новый день занялся перед нами:
К себе товарищей клянемся мы склонить
Не принуждением, не острыми штыками,
Но словом правды победить.

(Они на мгновение молча останавливаются с поднятыми вверх руками; после этого обходит сцену другая группа)

Один из числа других мужчин.

Давно без счета слово „братство“
Произносилось на земле,
Но только ныне облачилось
Оно в живую плоть и кровь.
У нас есть щит единый — правда,
Одно оружие — любовь,
Всеисцеляющая раны
И те, которые она
Подчас сама наносит сердцу.

Голос из хора.

Это — рождение.

Другой голос.

Кого?

Первый голос.

Источника подвигов.

Второй голос.

В чем же он выражен?

Первый голос.

В братской любви.

Второй голос.

Где засиял его блеск?

Первый голос.

Среди угнетенных.

Второй голос.

Слава же, слава ему.

Хор предназначенных к смерти.

Дар убежденья мощен и чудесен!..
Под сенью новых мировых знамен
Раздастся звук веселых братских песен,
И будет мир от тьмы освобожден.

(Они удаляются в вечерних сумерках)

Одна из женщин.

Они исчезли в дали неизвестной...

Другая женщина.

Сиянья этих золотых сердец
Осветят даль... И этот свет прелестный
Разгонит тьму страданий, наконец.

Люба к Вере.

А если там товарищи не внемлют?

Вера.

Ужель все чужды братству и любви?

Люба.

Увы! сердца еще у многих дремлют.

Вера.

Свобода, знай, рождается в крови.

Действие третье

Вера, Люба, Павлов, Устойчев, Хор.

Одна из женщин хора.

Их смелые сердца, отбросив заблужденья,
Хотят великую победу одержать;
Чуть свет—они ушли, полны одушевленья,
Во имя долга жизнь готовые отдать.

Ушли, единственным оружием имея
Любовь и истину, с сиящим лицом,
Чтоб старый, ложный страх товарищей рассея,
Объединить сердца, отравленные злом.

Другая женщина.

А мы, которые с волненьем ожидаем
Великого события в тиши,
Теперь мы громко к вам о помощи зываем,
О, силы разума и пламенной души!
Вы поддержите их в тяжелом испытаньи!..
Грядущее!.. в сегодня превратись!
Ведь человечество давно живет в страданьи
И в заблуждениях... О, сумрак! разойдись!
Пусть вновь не прозвучит из серого тумана
Ответ губительный: „не время! слишком рано“!

Одна из невест.

Я слышу, будто бы заветные ворота,
Так долго запертые, скрипнули вдали,
И к миру путь открыт...

Другая женщина.

Откройте же, ворота!..
Ужель мы мало жертв кровавых принесли?

Вера.

Совершается таинственно рожденье
Великого!.. Я чувствую мученья,
Как будто бы я вновь стать матерью должна...

Первая женщина.

Да! завязи плодов готовы распуститься..
И ожиданием душа моя полна.

Вторая женщина.

Жизнь, смилуйся! Пусть, наконец, родится
Все то, чего давно мы сеем семена,
И тщетно кровью мать-земля не истощится!..

Одна из молодых женщин.

Чу! слышатся шаги и голоса...

Другая молодая женщина.

Поют...

(Все прислушиваются).

Первая.

Сестра! Напев у них как будто погребальный...

Люба (Вере).

Прижми меня к себе, о мать... мне страшно тут!

Одна из других женщин.

Надежда! Не покинь нас в этот миг печальный...

Вера (Любе).

Дитя мое!.. Их путь опасен был и крут.

(Появляются рабочие в горе и отчаянии).

Первый рабочий.

Погибли...

Второй.

Кончено...

Третий.

Да!.. В сердце сражены...

Первый.

Убиты...

Второй.

Пулями...

Третий.

Нет, черною изменой!

Первый.

О, вероломные!..

Второй.

И лживые!..

Третий.

О, как
Осквернено теперь святое имя
Товарища!..

Первый.

Презрительно отвергли
Протянутую им по-братски руку...

Второй.

Нет веры более...

Третий.

Растоптана в грязи
Железными копытами...

Первый.

О, жены,
К вам не вернутся более мужья!..
О, матери!.. Грустна вам будет старость.

Люба.

Они погибли?

Второй.

Все...

Вера.

Пал Виктор первым?

Третий.

Он впереди был всех...

Люба.

А перед смертью
Он вымолвил ли что-нибудь?

Первый.

Да, тихо
Он прошептал: „Придет благословенье...“
Склонился я над ним, чтоб лучше услышать,
И видел губ его предсмертное движение,
В глазах—глубокое явилось просветленье,
А на лице была спокойствия печать.

Люба.

Рассказывай подробно, без утайки,
Как он погиб и кто его убил?
Все опиши, нас не щадя нисколько;
Пусть в сердце навсегда любовь иссякнет,
Иссушится—она теперь беспцельна,
Нет, хуже этого: она—помеха
Нам для расплаты, ставшей горьким долгом.

Первый рабочий.

Не много тут рассказывать, товарищ;
Не более, чем о морском циклоне,
Разрушившем мгновенно целый город;
Циклон пронесся—и погибли люди,
Жилища снесены до основания.
Случилось так и тут: одно мгновение
Сгубило нас и лучшие надежды...
Когда мы шли, к нам много на пути
Товарищей идейных прибывало,
Желавших умертвить братоубийство
Великой силой братства и любви,
Как умерщвляются лучами солнца
Больные клетки в теле человека..
Толпа росла; мы дружно подвигались;
Уверенность нам наполняла сердце
И выливалась в мощных звуках пенья...
Вот, наконец, мы прибыли туда,
Где, по словам разведчиков, быть должен
Форпост их войск. Вдруг выстрел прогремел,
Послышалось гудение снаряда..
За ним второй, и вот, над головами
Раздался страшный, смертоносный грохот
От лопнувшей гранаты, и на нас
Посыпались чугунные осколки.
Убило многих; все же остальные
Неустрасимо двинулись вперед,
И в их глазах огонь не помрачился,
И не ослабла вера в силу правды,
Когда же мы приблизились настолько,
Что первые ряды могли нас слышать,—
У нас раздался мощный громкий голос,

И полетели золотой птицей
Призывы к миру, к братству и единству.
Те продолжали наступать на нас
С неистовым, грозящим смертью, криком;
Затем команда, залп... и на губах
Товарищей моих мольба о мире
Сменилась бледной судорогой смерти...

Одна из женщин.

О черствые, бездушные сердца!

Другая.

Вы обагрили руки братской кровью!

Первая.

Не вы ль нам говорили: никогда
Не оскверним себя братоубийством?..

Вторая.

Слова пылали их.

Первая.

Они клялись!

Вторая.

Но эти клятвы оказались лживы...

Первая.

Все лживо в них: улыбка, взгляд их глаз...

Вторая.

О братья! мы растерянно блуждаем
В каком-то царстве ненависти, лжи...

Вера.

Но неужель никто из них не дрогнул,
Не вырвал из рук своих винтовки,
Стрелять готовясь в беззащитных братьев?
Ужель никто из них при виде брата,
К ним шедшего с приветливой улыбкой
И павшего сраженным их же пулей,
Не отшатнулся с криком острой боли?
Ужель никто, увидя ветку мира,
Увидя наши светлые знамена,
Забрызганные свежей братской кровью,
Не скрыл лица, не пролил жарких слез
Стыда, раскаянья в своем поступке?..

Первый рабочий.

Никто из них не плакал, не бросал
Оружия, чтоб поклониться к брату;
Нет, каждый метил в нас и убивал.

Второй рабочий.

Их каменному сердцу чуждо чувство...

Третий рабочий.

И нам сердца вы превратили в камень!

Одна из невест.

На небе свет последний угасает,
И вера в братьев в сердце умирает.

Одна из жен.

Не то, что отняли вы мужа у меня,
Которого любила я глубоко,
Не то, что потускнеет солнце дня
В моей печальной жизни одинокой,
Но то, что вы убили навсегда
Светившую мне веру так жестоко,—
Вам не простится, знайте, никогда!..

Одна из матерей.

Нет, не за то, что мы должны страдать
И перенести тяжчайшие невзгоды,—
Ведь все,—да, все!—готовы мы отдать
Во имя братства, равенства, свободы,
Лишь было б легче на земле дышать,
Лишь жили бы с улыбкою народы...
Но вот за то, что отравили кровь
Вы страшным ядом ненависти к братьям,
Убили в нас доверье и любовь,—
Вот, вот за что вы преданы проклятьям!

Та же жена.

Померкло солнце, всюду мгла...
Да, вера в братьев умерла.

Та же мать.

О, злоба к высшим—нам отрадна,
А к братьям—мучит беспощадно.

Люба.

Товарищи! оружие дайте мне!
Я не дрожу; взгляните: я спокойна;
Закалена душа моя в огне,
И встречу я шрапнелей свист достойно.
Не вскрикну я, вонзая острый штык
В грудь моего товарища и брата;
Не брат он мне; он враг мне—лют и дик,
Его убью я, бешенством объята!..
Я наклонюсь над ним, чтоб услышать
Предсмертный хрип последнего дыханья;
И хладнокровно буду я внимать,
Как стонет он, как ищет состраданья,
Как он зовет невесту или мать,
Чтоб хоть на миг их видеть на прощанье...
Но он умрет один, как зверь лесной,
Его не слышит мать его родная...
О, двинемся, товарищи на бой,
С оружием смерти, злобою пылая!..

Одна из женщин.

Нет, не раскрыв широкие объятия,
Не с пальмовыми ветками любви,
Не для того, чтоб крикнуть им: о братья!..
Мы двинемся, шепча угрозы и проклятья,
Чтоб наказать виновных без изъятья,
Чтоб растоптать врагов своих в крови!

Все женщины.

Мы двинемся подобно урагану!

Одна из молодых женщин.

Не для того, чтоб тягостную рану
Врагам бальзамом дружбы исцелить,
Но чтоб, в ответ позорному обману,
В них подлую измену истребить;
Мы ненавидим их, и я не стану
Бесчувственных предателей щадить.

Все женщины.

Мы пронесемся бешеным пожаром!

Один из мужчин.

Мы им доверились, но в них доверья нет.

Другой мужчина.

„Вы—братья нам“, мы говорили с жаром...

Первый.

Мы призывали их... Увы! всё было даром...

Второй.

Братоубийство—вот их был ответ!

Третий мужчина.

Устойчев!.. верить мы тебе не пожелали;
Столь низменной души мы в них не допускали.
О, научи ты нас, как надо поступить,
Чтоб их насилие насильем сломить!

Первый.

В нестройную толпу внеси порядок!

Второй.

Сковав нас всех в одно, скажи, куда идти.

Третий.

На сердце—тягостный, мучительный осадок,
Все мысли спутались... нас, темных, просвети!

Люба.

О, двинемся скорей!.. и миг тот будет сладок,
Когда изменников растопчем на пути!..

Устойчев.

Товарищи! Мы двинемся, конечно,
Но не сейчас—хотя, быть может, вскоре—
С уверенностью полною в себе
В защиту дорогой нам всем свободы,
Которая для нас ценнее жизни
И всем плоды чудесные дарит.

Мы двинемся, но всё ж не так, как вы
Теперь желаете; не с чувством злобы
И не в угаре мести кровожадной...
Проснулся в вас невольно голос крови,
Инстинкт вражды, присущий и животным,
Господствовавший долго в человеке:
Клокочет в вас теперь порыв отмщенья...
Но мы—мы люди новые, и нами
Сознательная воля управляет,
Хотя бы даже и в борьбе за жизнь.
Товарищи! Так где же ваша стойкость?
Вот как при первом тяжком испытании
Потухло в вас товарищества пламя!
Возможно ли, чтоб гневный ваш порыв
Убил самоотверженности чувство?
Забыли ль вы, в чем мы клялись друг другу,
Взяв в руки власть и тотчас повернув
Великий руль общественного строя
К спасенью угнетенных на земле?
В священный этот час мы поклялись
Не ликовать поспешно в час победы
И не впадать в отчаянье в невзгодах,
Но все удары стойко выносить,
Направив взор к великой нашей цели;
Мы поклялись не дать себя вовлечь,—
Как ни был бы наш дерзкий враг преступец,—
Во власть бесчеловечной, дикой злобы,
Чтоб нам такую слабостью души
Не дать врагу предлога попытаться
Восстановить надорванные силы.
Но вот в чем мы всего сильнее клялись:
При всех поступках наших твердо помнить,
Что наша цель—единство угнетенных.

Клялись мы не отчаиваться в том,
Что то единство, наконец, наступит,
Но уповать на это, как на солнце,
Хотя бы ночь и длилась на земле...
Клялись к единству все направить мысли,
На нем одном сосредоточить волю.
И вот, теперь, я спрашиваю вас;
Намерены ль вы броситься на братьев,
Которые, в их грубом заблуждении,
Подобны тем, какими прежде были
И вы нередко в темноте своей?
Но эти братья ведь бороться будут
Когда-нибудь за тот же идеал!
Намерены ль теперь вы бросить в них
Огонь вражды и бешенства и мести,
Чтоб этим всех полуслепых заставить
Врага от друга ясно различать?
Товарищи! Свет ненависти—тусклый,
Не греет он, но лишь слепит глаза,
Их разъедая ядовитым дымом;
Свет братства же, щадящего других,
Всем согревает сердце, проникая
Своими животворными лучами
В тайник души, и озаряет мир.

Один из стариков.

Изменник недостоин милосердья.

Одна из старух.

Они убили лучшие порывы
И новой жизни потушили свет.

Старик.

Да! растоптали в прах надежду мира.

Старуха.

И отдали себя во власть господ,
Чтоб убивать товарищей!

Старик.

Пощады

Не может быть!.. И да падет их кровь
На их же собственные головы за это.

Один из молодых людей.

Их сердец назначенье
Не для братской идеи;
Пусть же грозное мщенье
Испытают злодеи.

Одна из молодых женщин.

Их отравы погубит
Зелень братского мира;
Пусть же руки обрубят
Им за это секира.

Молодой человек.

Погублено ими грядущее племя!

Молодая женщина.

И вырвана с корнем из сердца любовь,
Рассеяно в прах животворное семя...

Старуха.

Борьба без пощады! Тут медлить не время!

Оба мужчины и обе женщины.

Падет пусть на них же пролитая кровь!

Устойчев.

Товарищи! Упорная борьба
И составляет наше назначение,—
Борьба со злом,—пока не превратит
Она земли в цветущую планету,
Сияющую ярким светом братства!
Не против же борьбы я говорю,
А против ненавистничества, злобы,
Слепой, не братской, зверской, безрассудной,
Мечтающей о мести, не о битве.
Отдавшись всей душой такому чувству,
Вы впрямь подобны матери безумной,
Своих детей убившей потому,
Что долгая их слабость, беззащитность
Беднягу выводили из себя.
Так поступив, вы сами подорвете
Всю вашу мощь, всю внутреннюю силу.
Ужель возможно сразу вырвать с корнем
Покорность, рабство, дух повиновения

У тех людей, в которых эти чувства
В течение столетий вкоренялись?
Возможно ли порвать одним ударом,
Одним порывом братского доверья,
Одним полетом благородной мысли
Милльоны нитей, сросшихся глубоко
С душой, и с сердцем, и с умом людей?
Вы, словно дети, мало оценили
Ту силу вековую, которой
Былое сплетено и с настоящим
И с будущим... Да, как детей беспечных,
Я вас предупреждал; вы не хотели
Меня послушать, в страшном нетерпении
Стремясь сорвать незрелые плоды
Еще не укрепившегося братства.
Стремленья ваши были благородны,
Но все же потерпели неудачу,
Насколько мы здесь можем все судить.
А, впрочем, кто же может поручиться,
Что ваш поступок был сплошной ошибкой?
Что многие из них не осуждают
Себя теперь, суровее чем вы?
Что многие из них не проклинают
Себя за этот Кайнов поступок?
Как можно знать, что кто-нибудь из них
Не побросал оружия с омерзеньем,
Предпочитая смерть братоубийству?
Скажите, разве все вы были там?
А если даже были, то, конечно,
От вас могло что-либо ускользнуть.
Кто, кто из вас нам утверждать решится,
Что он все ясно видел, все заметил?
Я с перебежчиками долго говорил,

Пришедшими с опасностью для жизни,
Чтобы сражаться с нашей стороны;
Они сказали: „многие из наших
Товарищей жестоко на себя
За наступление это негодуют,
И чувствуют к убийству отвращение,
И доказать намерены на деле
Раскаянье, не только на словах;
Они пришли бы, если б только смели;
Они придут, когда вы разрешите,
И голос ваш их в этом ободрит“.
Товарищи!.. Нет, нет, вы не ошиблись,
И не напрасно паши наши братья!
Но было бы ошибкой, если б вы
Своей рукой в порыве безрассудном
Вдруг погубили начатое дело.

Люба.

Устойчев! Говори же, что нам делать!
Бороться призываешь ты... Но как?
Ты говоришь: не мстить, не ненавидеть...
Чтож? Вновь довериться, и в радужных мечтах
Нам завтрашних друзей и братьев видеть
В сегодняшних озлобленных врагах?

Устойчев.

Я вам скажу, товарищи, что делать:
Высоко водрузив перед собой
Наш идеал, святое наше знамя,
Чтоб блеск его везде вам виден был,—
Отстаивать наш новый строй в России,
В великой колыбели коммунизма.

Для этой цели надо отогнать
На долго жажду тишины и мира;
Придется за свободу лить нам кровь,
Работать, голодать, бороться с нашим
Отчаяньем, с потребностью покоя;
Придется вновь напрячь все наши силы
И выправиться нам во весь наш рост;
Должны мы вновь сформировать войска
И новую вдохнуть в них дисциплину,
Не старую, где корнем был лишь страх,
Порабощавший душу человека;
Нет, новую... Она обогатит,
Возвысит человеческую личность,
Имея основанием—убеждение...
Как стройный лес в лучах зари вечерней
Нам кажется одной сплошной стеною,
Так наша воля твердая к борьбе
Должна блистать одним сомкнутым строем,
Одной стеной в лучах любви к свободе.
Всё то, чего другие государства
Достигли для своих преступных целей,
Должны и мы теперь достичь во имя
Высокого, святого идеала.
Не может в лжи быть больше сил, чем в правде,
Не допускает этого природа!
Питомцы лжи и ненависти будут
Всегда слабей, тщедушнее питомцев
Любви и истины...—вот в чем теперь
Я вижу нашу первую задачу...
Она трудна; должны развал и хаос
Мы превратить вновь в стройное созданье
И отогнать от собственного сердца
Привычные неряшество и слабость.

Но тут еще не все; о самом трудном,
Товарищи, я вам не говорил:
Должны мы ненавидеть то насилие,
Которое придется применять;
Оно — остаток свергнутого строя,
Глубоко ненавистного для нас.
Насилие же против наших братьев,
Нас унижая в собственных глазах,
Должно вдвойне для нас быть ненавистным;
Да! с братьями борьба — должна сжимать
Мучительно, жестоко наше сердце;
И раны, наносимые друзьям,
Болезненно должны в нас отзываться.
И снова, каждый день, и без конца,
Должны мы к ним идти, как шли сегодня,
С горячим словом правды на устах,
Неся в руках с любовью ветку мира,
А в сердце — чувство равенства и братства;
И даже в миг, когда принуждены
Мы направлять на них оружие смерти,
Которое наносит раны телу,
Наш дух совместно выступать обязан
С иным оружием, чтобы исцелить
Их души, одураченные ложью.
Нельзя руке слабеть в сопротивленье,
Ни сердцу в братском, человеческом чувстве,
Ни голосу в душевном увещании.
Так на стебле единой воли — должен
Двойной быть цвет двоящихся поступков.
Да! Мы должны, и раны нанося,
Их исцелять, и, даже убивая,
Жизнь новую творить и пробуждать...
Вот каково вторичное задание;

Его решать должны мы терпеливо,
Без устали... Во истину оно
Нам требования грозно предъявляет
Сверхчеловеческие! Все же братья,
В призвание наше сохраняя веру,
Должны найти достаточно мы силы,
Чтоб даже и тягчайшее свершить,
Хотя б нам было суждено погибнуть
При совершении! Но — вам всем известно,
Товарищи, что не погибнем мы!

Один из молодых людей.

Я вижу сквозь глубокий, темный лес
Далекое, но яркое мерцанье.

Одна из молодых женщин.

Я вижу пред собою выси гор,
Стремящиеся к голубому небу.

Молодой человек.

Проникнем мы через дремучий лес!

Молодая женщина.

Взберемся мы по крутизнам нагорным!

Молодой человек.

Во мне как будто окрылилась мысль.

Молодая женщина.

Подавленность как будто облегчилась.

Устойчев.

Товарищ Вера! Всем, столь дорогим,
Пожертвовала ты! Твои страдания—
Неисчислимы. . И в твоей душе
Всего, что происходит, отзвук слышен,
Как в раковине шум далекий моря.
Нашли ль в ней отзвук и мои слова?
О, подкрепи твоею силой—нашу!
Мы обращаемся к тебе, как дети;
Ведь ты—источник правды и любви,
Твои слова для нас всегда так ценны!

Вера.

Устойчев! видишь ли: моя душа
Терзается, как матери утроба.
Да! Из меня часть собственного „я“
Жестоко вырвана, разбито сердце...
Но все ж не затемняет глаз моих,
Как час назад, туманная завеса,
И стало у меня светлей на сердце.
В твоих словах грядущее открылось;
Огромная стена, перед которой
В отчаянии мы плакали,—исчезла.
Считали мы победу слишком близкой
И слишком легким путь, ведущий к ней.
Мечтали мы о подвиге волшебном,
Ведущем прямо к братскому единству;

Надеялись, что тысячи сердец
В один короткий миг созреют сразу...
Да, в жертву дорогое принося,
Мы думали страданиями своими
Заполнить пропасть между серым камнем .
Бесплодных скал и берегом цветущим,
Сиявшим взору где-то там, вдали.
Да! Создали мы голую фигуру,
Ее назвали жизнью и наивно
Надеялись, что нашими руками,
Короткими и слабыми, покроем
Ее большие, сложные изгибы.
Теперь мы ближе к истине, чем прежде;
Теперь себе мы лучше уясняем,
Как тяжела, как длительна борьба,
В которую доверчиво, по-детски,
Вступили мы; мы видим, что наш путь
Чрез тернии ведет нас к нашей цели...

Люба.

Да! бездна развернулась предо мной...
О, лишь бы сил душевных не утратить!..

Вера.

Товарищи! Не дайте затемнить
Отчаянью печальных ваших взоров;
Оно—не для бойцов за новый мир!
Свершили мы свое дневное дело,
А завтра—ждет нас новая задача.
Так запасемся ж новой, стойкой силой!

Мы, чтоб помочь товарищам и братьям,
Пожертвовали самым дорогим;
Так первенца когда-то приносили
В своем усердии люди в дар богам,
Чтоб жатва на полях была обильной,
И община насытилась бы ею.
И нам полезна будет наша жертва,
Как это было и для тех людей;
Как и они, мы жертву приносили
Из чистого, святого побуждения—
И думали, наивные, при этом:
„Тягчайшее уж нами свершено“.
Но, вот, теперь мы ясно понимаем:
„Тягчайшее осталось впереди“!..
Не знаем мы всего, что ожидает
Нас в будущем; быть может, нам придется
Пожертвовать мечтами дорогими,
Принудить нашу руку к злему делу,
К суровому поступку, пред которым
Невольно содрогнется наше сердце,
При том не раз,—а много-много раз!
Быть может, чтобы дать, в конце концов,
Желанную победу Коммунизму,
Придется нам погибнуть, превратившись
В суровых, очерствелых коммунистов.
Но если даже и погибнем мы,
Подобно кораблям на бурном море,
И если сердцу нашему придется
Спуститься вниз с тех радужных высот,
Где незапятнанно любовь сияет,
Ошибки все же мы не совершим,
Служа своим товарищам и братьям,
Как не свершили и вчера ошибки.

Одна из молодых женщин.

Не заблуждались мы, не победили нас;
Самих себя мы в жертву отдавали
И вновь теперь, без слез и без печали,
Готовы всем пожертвовать сейчас.

Один из стариков.

Единая цель, но средств к ней есть не мало;
О, бодрствуй, дух, а сердце—гибким будь;
Не каменейте, чтобы жизнь играла
На вас легко, легко дышала грудь.

Молодая женщина.

Не надо повторять, что в цели столь великой
Ошиблись мы, но бодро вдаль смотреть,
И не воспламеняться злобой дикой
И в ненависти не окостенеть.

Один из молодых людей.

Товарищи! признаться,—слишком рано
Простерли руки мы к незрелому плоду;
Хотели мы опередить победу;
Нет! нужно мерно двигаться вперед,
Чтоб прочие от нас не отставали.

Молодая женщина.

Бери лишь то, что миг тебе дает,
Ему не слишком отягчая крылья!

Молодой человек.

Возьмемся снова мы за меч,
Горя любовью к нашим братьям,
С душою, полной до краев
Кипучим, ярко-красным пылом.

Один из стариков.

Гранитной станем мы скалой,
Пусть на нее враги наткнутся—
Властители и слуги их,—
И будем отбивать мы грудью
На нас направленный удар.

Один из молодых людей.

Прекрасное, святое созиданье
И нас самих и всей земли
Мы вновь должны прервать на время
Для отвратительного дела,
Для грубой и кровавой схватки,
Губящей драгоценнейшее в нас...

Одна из старух.

Притом должны мы твердо помнить,
Что никогда не расцветет из бойни
Строй, о котором мы мечтали;
Кровавое насилие защитит
Лишь колыбель его и только,
Но самого питомца не взрастит;
Строй новый создается любовью,
Самоотверженной, святой, высокой
Терпимостью и преданностью братьям.

Один из молодых людей.

Да! мы должны нести с собой
Всепроникающее слово,
Духовный, животворный свет,
Став для других, блуждающих во тьме,
Светильником любви и правды.

Одна из старух.

С открытым сердцем будем ожидать
Товарищей, предавших нас так низко,
По темноте, в самообмане жалком;
Да, ожидать, как ожидает мать
Неблагодарного ребенка терпеливо,
Пока не бросится он снова ей на грудь.
Навек должны терпимость и прощенье
Мы на скрижалях наших начертать.

Люба.

Да! нашу цель теперь мы ясно видим;
Спустилась истина грядущих, дальних дней
И поселилась в нашем сердце;
Ничто ее не вытеснит оттуда;
Мы поняли товарищества долг,
И вера в идеал свершила чудо;
Что умерло на миг—воскресло вновь;
По крутизнам идет дорога к цели...
Ни от чего не отреклись мы—нет!
Раскапывать нам ни в чем не надо;
Лишь семя новое посеяно в душе;
Куда мы шли, туда мы и вернемся.

Старуха.

Дорога разветвляется у нас,
И мы идем зигзагами... мы будем
Идти вперед со всеми, как сейчас,
И наши все лишения забудем.

Люба.

О вы, товарищи за дальним рубежом!..
Наш путь мог быть не столь тяжел и длинен,
Не столь сильны страдания,—но в том
Ваш ослепленный дух один повинен!

Старуха.

О безрассудные!.. цветущий край кругом
Виною вашею стал мрачен и пустынен!

Люба.

Откликнись вы на наш призыв,—тогда б
Мы шли дорогой светлою героя;
Но в вас сильнее оказался раб,
Вы уstraшили истинного боя!

Павлов.

Да! был ваш дух поработчен и слаб.

Люба.

Была возможность смелою борьбою,
Ударом мощным землю потрясти;
И вслед за тем над этой же землею
Могло бы братство пышно расцвести.

Павлов.

Вы не постигли этого душою...

Люба.

Была возможность! Как морской прилив,
Сорвав напором старые плотины,
Смывает всё волнами, затопив
На много верст широкие равнины,
Так сделал бы и дружный наш порыв!

Павлов.

Вы не осмелились пойти на наш призыв!

Люба.

Теперь нас ждет задержка в наступлении,
Медлительный прибой, затем отбой,
За ростом сил—их убыль, ослабление...
И к цели то подход, то удаление
Сменяться будут долгой чередой.

Один из молодых людей.

Кровавый путь откроется для взора,
Зов к миру смолк, порыв любви угас,
И слово „братство“ прозвучит не скоро
В неистовстве сурового отпора,
К которому принудили вы нас.

Вера.

Да, грозный меч мы обнажаем ныне,
Чтоб за измену должное воздать,
Жестокость вновь царит в своей твердыне,
Сердца от страха будут трепетать,
И многим матерям о милом сыне
В домах роскошных суждено рыдать.

Люба.

Невольно сердце будет тяготиться
Всем, что достигнуто в кровавой той борьбе;
Не раз придется нам друг к другу обратиться
С вопросом: „Ах, когда ж всё то осуществится,
Что целью мы поставили себе?“

Вера.

Да, тяжкие нас ждут в дороге затрудненья,
Да, страшен будет путь и в стужу и в мятьель,
Отчаянье сожмет сердца без сожаленья
И будет нам шептать, что призрак наша цель.
Но все ж мы выдержим, постов не покидая,
С оружием в руках останемся мы там,
На силы новые всем сердцем уповав,
На то, что явятся они на смену нам.

Один из молодых людей.

Да, уповав, что придете
В порыве новом, как в броне
И чувства рабские сотрете
Вы кровью вашею вполне;
Да, лишь на это уповав,
Врагов мы выдержим напор,
Средь мрака стойко ожидая
Ваш возрожденный, светлый взор.

Одна из молодых женщин.

О, пусть терзают нас мученья,
Лишь стало бы потом светло;
Пусть в нашем сердце помраченье,
Лишь человечество б цвело!

Вера.

О, мы для цели величавой—
Созданья братства на земле—
Готовы снести и сон кровавый
И потонуть в кровавой мгле!

Люба.

А вы, товарищи и братья,
Что предали жестоко нас...

Одна из женщин.

Вы все виновны без изъятья...

Люба.

Слышна ль вам буря в этот час?

Вера.

Борьба со смертью вам видна ли?

Один из мужчин.

Когда же вы придете к нам?

Одна из молодых женщин.

Ищу я силу вашей стали.

Один из молодых людей.

Я рвусь всем сердцем, братья к вам.

Вера.

Нас жажда братства истомила...

Люба.

Когда ж вы к нам найдете путь?

Вера.

Чтоб в нас влилась и ваша сила...

Люба.

Чтоб сердцем к сердцу нам прильнуть?..

ВОССТАНИЕ

DE OPSTANDELINGEN

ДРАМА В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

1910

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Христалов, лидер рабочих.

Петров, один из столпов социал-демократии в России.

Мария, пропагандистка.

Радом, делегат Петербургского Совета Рабочих Депутатов.

Измаил, юноша.

Делегаты углекопов.

Делегаты транспортных рабочих.

Делегаты фабричных рабочих.

Солдат.

1-й и 2-й офицеры, члены военного суда.

Хор рабочих, рабочих, юношей и девушек.

Солдат.

Действие в южно-русском порту в период революции
1905 г.

Действие охватывает несколько месяцев и происходит отчасти вне рамок реальности.

Действие первое

Христалов, **Петров**, **Радом**, **Мария**, **Измаил**,
три рабочих делегата, хор.

Сцена изображает просторное помещение на фабрике или в мастерской. Голые стены. Два фонаря, спускающиеся с потолка, тускло освещают помещение.

На сцене находится прямоугольная трибуна, с двумя лестницами как по сторонам, так и по середине. Посреди трибуны возвышается наковальня, образующая как бы вторую трибуну, с задней стороны переходящую в просторную, высотой почти в один метр, полукруглую балюстраду, оставляющую как раз в середине место для свободного прохода. При поднятии занавеса, **Христалов** стоит (вправо от зрителей) у наковальни. Позади него, на скамье, прилегающей к балюстраде, сидят **Радом** и **Петров**. Впереди **Христалова**, совсем вправо в углу, на самых последних ступенях сидит **Мария**, на следующей ступени — **Измаил**. Влево от наковальни, на последних ступенях трое рабочих депутатов образуют группу. По двум противоположным сторонам — хоры: слева — стариков, справа — юношей и девушек. Главные действующие лица одеты в слегка стилизованные русские костюмы, равно как и мужчины хора. Женщины хора одеты в простые, бледнолиловые платья и в темно-красные вышитые головные платки.

Христалов.

Товарищи! Мы, выборные ваши,
Созвали вас сюда для обсуждения
Назревшего, великого вопроса...
Примите же сердечный наш привет!

Товарищи! Не легкая задача
Нам предстоит... О еслиб между нами
Царило единенье и согласие!
О еслиб осмотрительность и смелость
Стояли здесь у нас всегда на страже!
О еслиб увенчалось совещанье
Свершеньем дела, подвигом народным,
Как стебель распустившимся цветком!
О еслиб дать источник новой силы
Поднявшимся рабочим всей земли!

Голос из хора.

Каким путем извилистым и темным
К победе нас история ведет!
Подавленные тяжкою нуждою
В борьбе за жизнь мы лили кровь и пот.

Другой голос.

Воспрянем же воскресшею душою,
Сознание нам цепи разобьет!

Первый голос.

Мы были слабы, долго колебались;
Под окриком решительным господ
Как тростники покорные качались;
И нес ярмо в молчании народ.

Второй голос.

Но дни бессилья навсегда умчались,

Первый голос.

Как горько вспоминать об этих днях!
Как нас томил их ход однообразный!
Как глух был стон отчаянья бессвязный,
Как страшен блеск болезненный в глазах!
Как душу жгло желаний тщетных пламя!..

Второй голос.

Но как за то отрадно вспоминать
Тот день, когда решились мы поднять
В лучах зари высоко наше знамя!
Когда народ духовно осознал
Свой будущий великий идеал!

Третий голос.

Откуда к нам сознание явилось?
Как этот свет живительный возник,
И сердце вдруг надеждой озарилось?
Кто укрепил колеблемый тростник?
Возможно ль, чтобы искра превратилась
В такой пожар—так быстро, чуть не в миг?
Пред всеми нами чудо совершилось,
И тайну чуда вряд ли кто постиг.

Христалов.

Товарищи! Из тьмы времен внезапно
Восходит день, скрывающий в себе
Зачатки многих лет давно минувших,
И, как живой птенец из скорлупы,

Из ваших уст появится решение,
Назревшее в душе у вас давно,
Навеянное прежними годами...
Намерены ль и дальше вы терпеть
Давящее вас иго капитала?
Питается он вами, словно волк;
Он губит ваших жен, детей и братьев,
Единственное грабит их наследство:
Здоровье, силы, молодость; глушит
Он радость вам своим свинцовым звоном!..
Жестоким, растлевающим насильем
Он выжимает жизненные соки,
Он мучит до последнего дыханья
Людей, полузадохшихся в дыму...
Нет! этого не выразишь словами...
Его вина—огромная гора,
Нависшая у нас над головами,
И стрелам нашей ненависти злобой
Не долететь до первого уступа!
Но ненависть своим порывом жгучим
В нас пробудила ясное сознание,
Готовое всех двинуть смело в бой.
Она теперь—нам вырастила жатву,
Нам создала ряды героев юных,
Готовых провестись по всей стране,
Как ураган, который все сметает,
Но и несет благие семена.
И вот, везде, по всей стране обширной,
На встречу тем героям созревает
Единое, сильнейшее стремление
Идти вперед. Случается, что вдруг
Один порыв охватывает мощно
Всё человечество; раскрылись шлюзы—

И с ревом хлынул бешеный поток
И разлился широкой пеленою,
Заполнив русла высохших ручьев
Низины с темной, ржавой водою.
И вот теперь, насторожившись, мир
Ответа ждет от пролетариата,
Подобного натянутой струне;
Ждет отзвука на грозные события,
Которыми богаты эти дни...
Товарищи! Никто иной, как вы,
Ответ дадите нам на все вопросы,
Тревожные, как крик пугливый чаек.

Мария.

О если б прозвучал ответ желанный
И тотчас успокоил эти крики!..
О если бы день братства наступил
Сегодня же!..

Христалов.

Твоя душа Мария,
Полна любви и нежных, сладких грез!
День братства, без сомненья, наступит,
Но не сейчас, а после долгих дней.
Кровавою борьбою оскверненных.
Товарищи! Рабочие заводов
Теперь на вас с волнением глядят
И жадно ждут,—когда вы поведете
Их на борьбу с тлетворной силой смерти.
Крестьянин бедный, темный ваш собрат,
Подобно вам ярмом поработченный,—
Как сможет он, без помощи, один

С себя ярмо насильственное сбросить?
 Отчаяньем бичуема, толпа,
 Свиристствует, поместья раззоряет,
 Дав волю старой затаенной злобе;
 Но все напрасно; власть везде осталась
 Незыблемой; и прежде чем пожар
 Пожрет усадьбы — сами же крестьяне
 Опустят руки, духом упадут,
 Вернутся вновь к полям опустошенным...
 Их успокоит налетевший ветер,
 Насыщенный дурманом сладким веры.
 О, жалкая беспомощность телпы
 Слепой и темной, ощущью идущей!..
 Какая польза, что восставших много
 И мало притеснителей? Лишь вы,
 Товарищи, способны дать толпе
 Разрозненной и потому бессильной,
 Устойчивость; объединить ее,
 По верному пути направить смело
 На стойкую, упорную борьбу.
 Товарищи! полет крылатой мысли,
 Вам озарявшей жизненную тьму
 Чарующим, прекрасным светом знания,
 Сам по себе бесплодным может стать.
 Блестящие слова, подобно пене
 От волн морских, на золотом песке
 Играющей отливом многоцветным,
 Мгновенно испаряясь, исчезают;
 Все толкованья существа свободы,
 Как ни были бы мудры и глубоки,
 Все гимны ей и клики в честь ее
 Пройдут бесследно мимоветной тенью,
 Пока не воплотится дух свободы

В сердцах у вас в действительную мощь,
 Пока не пропитает он собою
 Всех ваших мыслей, слабых и туманных,
 Не превратит их в действительный порыв...
 Так пламя проникает внутрь железа,
 Сливаясь с ним, с его тяжелой массой,
 И превращаясь в кованный булат,
 В блестящий меч, нанести удар готовый.

Голос из хора (говорящий выступает
вперед).

Твои слова, товарищ дорогой,
 К себе внимание наше привлекают,
 Как облака, несущиеся в небе,
 Как волны моря под крылами вихря.
 Они во мне сознание пробуждают,
 Я начинаю познавать себя,
 Спадает с глаз туманная завеса...
 Скажи, куда зовут твои слова?
 Какая мощь незримо в них сокрыта?
 Ты нас ведешь на новые пути,
 Открой их нам, мы жаждем откровенья..

Измаил.

Передо мной в словах твоих предстала
 Живая сила с непреклонной волей,
 Могучая, как снежная лавина;
 Далекие открылись горизонты
 Для новой жизни светлой и прекрасной;
 В твоих словах я гул услышал бури,
 В них блещут розы алые борьбы,
 В них слышен отзвук подвигов героических.

Чего же время требует от нас?
Неведение—в груди сжимает сердце
Железными тисками; кровь жестоко
Стучит в висках... Где ж новые пути?
Открой их нам, мы жаждем откровенья!..

Христалов.

Не я, другой вас вскоре поведет
На склон холма, где образ лучезарный
Великих дел и подвигов, которых
Вы жаждете так долго и так страстно,
С улыбкой взглянет, наконец, на вас.
Но прежде чем то пламенное слово
Вас унесет, подобное потоку,—
Товарищи, поймите хорошо
В чем состоит источник вашей силы,
В чем суть ее и в чем ее основа!..
Я вас спрошу, товарищи: кто вы?
И почему надежда вдохновляет
Вас в этот миг, как прежде никогда
Ничьих сердец она не вдохновляла?
Я сам за вас отвечу: потому что
На ваши плечи налегла вся тяжесть,
И вы, весь груз выдерживая стойко,
Не давите стоящих ниже вас...
Источник вы тепла и света,—пламя
Под сводом исполинского строения
Среди колонн общественного строя.
О пламя трудовое, не пылай!
Ползи ползком, змеею извивайся
Вдоль лестниц, стен, укромных закоулков
И вдоль стропил, таясь в холодной тьме,
Пусть жизнь замрет во всем обширном зданьи!

Я вам теперь, товарищи, скажу
В чем состоит основа вашей силы:
Основа та—ваш труд; питает он
Весь организм страны, всего народа.
Подобно кислороду атмосферы,
Питающему при дыханьи кровь,
Труд извлекает жизненные соки
Из лона окружающей природы
И их дает всем людям на земле.
Как наше сердце медленным биеньем
В себя вбирает клапанами кровь,
И гонит вновь ее по венам тела,
Так соки жизни посылает труд
В сеть сложных жил общественного строя.
Он—легкие и сердце организма.
И стоит вам труд этот прекратить,
Не прикасаться вашими руками
К печам, к станкам, к орудьям производства,—
Сейчас же жизнь на части распадется,
Разложится, и вскоре гнить начнет,
Как начинает гнить и наше тело,
Когда замрет, застынет в жилах кровь...
Труд—основанье нашей общей жизни.
Она—есть плод и первенец труда;
Погибнет труд,—замрет и жизнь с ним вместе.
Но вы, бросая тяжкую работу,
Суровую сопутницу нужды,
Разбивши цепь, которою вы были
Пригвождены к работе навсегда,
Стремясь спастись от хищных этих взглядов
И цепких рук, укрыться от вампира,
Сосавшего нещадно вашу кровь,
Впивавшегося жадно в ваше сердце,—

Впервые вы от грубого труда,
Губившего и молодость и силы
Бессмысленным, тупым однообразием,
Вступаете, ликуя, в новый мир
Осмысленных поступков, чтоб достигнуть
Великих целей—братства и свободы.

Голос из хора.

Я вижу свет сквозь толщу черных туч,
Нависших над усталою землею;
Товарищ, продолжай, освободи
Весь горизонт от этой мглы тяжелой.

Христалов.

И вот, теперь вы поднялись из шахт,
Покинули подземные трущобы,
Где слышался железный стук лопат,
Душила сырость, спертый, затхлый воздух;
Спустились с верфей; грохот молотков
Не раздается, повторенный эхом,
Средь острова стального кораблей,
Похожих на чудовищ океана;
Покинули вы фабрики толпой, *
И тотчас смолк в их каменных громадах
И шум машин и резкий визг станков,
Которых оживляли ваши руки,
И ржавчина с'едает блеск железа...
Вы вырвались из темного пространства,
Где капитал могущею рукою
Из ваших пор доходы выжимал,—
Заводы стихли; с площадей и улиц

Несется необычное жужжанье,
Как будто пчел, роящихся весной;
Пульс жизни бьется сильно, быстро, нервно...
А там, вокруг кипящих городов,
Раскинулись несметные деревни,
Загадочное море мутных тайн.
Вот, город и деревни погрузились
Как будто в жизнь обычную свою,
Там каждый занят собственной заботой
И кутается в них, как в длинный плащ,
И общество молчит в тяжелых муках.
Власть напрягает все свои усилия,
Чтоб хлынувший поток остановить,
Она поднять высоко хочет руку
И напрягает глотку, чтобы крикнуть;
Бессильно опускается рука,
Как будто околдованная чем-то,
И хриплый голос сдавлен и беззвучен.
Приказы все властей, подобно птицам
С надломленными крыльями, кружатся
Беспомощно в могучем, грозном вихре.
А вы, сойдясь миллионною толпой,
Покрывши вашим множеством равнины,
Как покрывает их седой туман,
Соединились вновь, вы вновь едины,
В единстве этом—ваших сил залог!
Все рушится кругом, и в этом крахе
Лишь вы одни являетесь вождем;
К вам, к вам летят мольбы всех угнетенных,
К вам за поддержкой простирают руки,
Вы—власть в стране, вы—сила, вы оплот!
Вы установите порядок новый
.. Среди обломков и развалин жизни

И, высоко поднявши ваше знамя,
Укажете бушующим волнам,
Крутящимся беспомощно в теснинах,
Открывшийся простор социализма.

Голос из хора.

О вера, затаенная в душе,
В грядущую прекрасную победу!
Поддерживала ты меня в нужде,
И как звезда, сияющая с неба
Сквозь ветви, обнаженные зимой,
Мне жизнь мою отраднo озаряла.
О радость, охватившая меня!
Я чувствовал всегда, что тихо тлеет
В моей душе трепещущая искра
И ветра ждет, чтоб вспыхнуть наконец.
О, пронесись скорей желанный ветер,
Освободи таящиеся силы
Моей души, дай мощно раздробить
Теснины скал, чтоб волю дать потоку
И с гулом пронестись по всей стране,
Ниспровергая дерзкие преграды.

Другой голос.

Из глубины моих печальных дней,
Из тяжких ран, нуждою нанесенных,
Из тьмы безправья, оскорблявшей чувство,
Из тайника надежд и упований,
Скрывавшихся в измученной душе,
Вдруг подвинулось теперь волною мощной
Стремление к решительной борьбе.

О, ценное зерно самосознания,
Которое я бережно лелеял..
Теперь могу тебя посеять я,
И вырастут дни новые, надеюсь,
Бурливо проносящиеся дни,
Достойные быть жизнью человека!
Я чувствую, как крепнут силы духа,
Забыты мной и робость и нужда,
Так тягостно мне мучившие сердце.
Живая мысль рождается в мозгу,
Душа кипит в негодовании гордом,
Как море в бурю волнами кипит,
И, пенясь, разбивается о берег.
Давно, давно я чуда ожидал,
И чудо предо мною совершилось.

Христалов.

Товарищи!.. Но не моя рука,
Разбив теперь последние оковы,
Направит снаряженный ваш корабль
В широкое, свободное пространство..
Из Петербурга прибыл к нам товарищ;
Сейчас расскажет все подробно он
Про грозные последние события;
Отчасти вы уж знаете о них
По краткому и беглому известию;
Оно сперва обрадовало нас,
Но после не на шутку ужаснуло.
Товарищ этот пережил те дни,
Когда один порыв неудержимый
Внезапно охватил сердца рабочих,
И всколыхнулось все, как океан.

Он видел, как рабочие, волнуясь,
Готовились к решительному шагу,
Как этот шаг был, наконец, свершен.
Затем он был свидетелем разгрома,
Когда погибло все в потоках крови,
Когда в душе, взамен надежды светлой,
Осталось лишь отчаянье немое.
Однако, ночь беспомощности жалкой
Была короткой... с заревом кровавым
Взошло победно солнце—жажда мести!..
Товарищ Радом вам сейчас расскажет
Об этих днях ужасных, об измене,
О гибели рабочих беззащитных.
Он скажет вам, чего теперь от вас
Товарищи в несчастьи ожидают,
От ваших сил, от ваших братских чувств.
И пусть его крылатые слова
Падут в сердца чувствительные ваши,
Как семена на почву тучных нив;
Пусть вспашет их плуг вашего страданья,
И подготовит воспринять посев,
Который должен дать благие всходы,
Обильные, созревшие плоды,
И, выведя товарищей из ада,
От гибели и смерти их спасти.

Голос из хора.

Пусть он от нас не скроет ничего
К нам посланный товарищ наш достойный,
Мы с трепетом приветствуем его,
Участника кровавой бойни.

Пусть говорит, как целили в упор,
Как выстрелов сверкнуло пламя,
Как гнев народа грозно распростер
Над городом отмищенья знамя.

Увидим мы событий страшных ход,
Как женщины молили слезно,
Как шел толпой доверчивый народ
На гибель в зимний день морозный

Увидим мы, как пролитая кровь
Темнит рассказ, подобно туче.
Картина страшная расстрела ныне вновь
Сожмет нам сердце болью жгучей.

Услышим мы, как раненный стонал,
И как бессильно замирало слово,
И злоба против тех, кто посылал
На смерть рабочих, вспыхнет снова.

Уже ль вновь ночь и не видать зари?
Глаза у всех становятся суровы...
Товарищ, к нам пришедший, говори;
Тебя мы выслушать готовы!

Радом.

Я вам сюда, товарищи, принес
Привет живых, увещеванье мертвых;
То и другое здесь объединилось,
В один поток бушующий слилось,
Чтоб влиться в ваше трепетное сердце.
Вы, только вы, способны исцелить

Тяжелые, зияющие раны;
Лишь в вас залог решительной борьбы,
А в ней одной—все наше исцеленье!
Да! лишь борьба проложит светлый путь
Через туман и серый пепел смерти.
Товарищи! В кровавый этот день
Жизнь нашу пропасть грозно раздвоила
На прошлое—до памятного дня,
И будущее... Прошлое исчезло
В туманной мгле, как сон полузабытый,
Взамен его восходит яркий день
С палящим зноем, угрожая бурей.
Невольно сердце погрузиться хочет
Всё в ту же пропасть, в это море крови,—
И мрак тяжелый стелется кругом...
О горькое, о страшное бессилье!

Мария.

Товарищ дорогой! Мы жаждем слышать
Рассказ твой о кровавом этом дне;
Всё передай, что там происходило;
Мы жаждем окунуть страдания ваши
В родник целебный искренних сочувствий,
Мы жаждем слиться нашими сердцами
С товарищами дальней стороны.

Радом.

Спасибо за сочувствие, спасибо,
Твои слова—целительный бальзам!..
Позвольте же, товарищи, припомнить
Как это всё тогда произошло,
И не забыть подробностей ужасных,

Чтоб этот день пред вами здесь предстал
Во всем его кровавом ореоле.
Едва забрезжил тусклый зимний свет,
Толпы рабочих стали собираться
Со всех сторон в окраинах столицы,
Ведь шествие, назначено в тот день!
То шествие, что их спасет от бедствий
И превратит их жизнь из мрака в свет!
Да! шли они, как к матери ребенок,
За утешеньем к белому царю;
В сердцах доверье, а в руках—иконы.
Гапон ведет поющую толпу;
Мужчины—с обнаженной головою,
И женщины—все в праздничных нарядах.
А с ними рядом, словно как агнята,
Бегущие за стадом торопливо,
Шли дети беззаботною походкой.
О, тысячи проклятий тем злодеям,
Которые расставили им сети,
Чтоб сразу истребить, одним ударом,
Такое множество невинных жертв!
А вы, солдаты, с мертвыми сердцами,
Жестоко искалеченными ложью,
Где грубой властью в сор обращено
Живое человеческое чувство!..
Вы—наша плоть, вы—наши сыновья,
В чаду непостижимого обмана
Стреляли в нас!.. Не грезятся ль теперь
Вам призраки убитых вами братьев?..

Мария.

О, расскажи нам всё, всё до конца,
И не смущайся ужасом кровавым...

Радом.

На всех путях, ведущих в центр столицы,
Расставили ряды живых преград;
Лишь через них толпа могла проникнуть...
И вскоре исполинская змея,
По улицам туманным извиваясь,
Вплотную подошла к стене солдат
И всадников с оружием блестящим.
Мы видели дыханье их коней,
Как в воздухе в пары оно стучалось...
Какая знаменательная встреча!
Остановились первые ряды
В тяжелом, нерешительном раздумьи,
И замерло биение сердец...
По воздуху пронесся шорох крыльев,
Неясный звук ответа на вопрос,
Единственный вопрос, собой затмивший
Все прочие, как солнце затмевает
На небе звезды; и вопрос тот был:
„Жизнь или смерть“? Увы!.. была ответом
Для многих смерть, лишь для немногих — жизнь.

Голос из хора.

О бедные убитые собратья!

Радом.

Сидевшие недвижно на конях,
Как изваянья, всадники очнулись;
Все сделали они рукою жест
Один и тот же; раздалась команда
Стрелять в тойну, — одна, затем другая...

В рядах блеснул предательский огонь,
Зловещий треск прорезал гулко воздух,
И стихло все... Лишь чей-то слабый голос
Чуть слышно простонал среди толпы,
Так над пучиной темного пространства
Трепещет пламя слабое свечи.
А вслед затем... как крик лесного зверя,
Который ранен пулями на смерть
И мечется в последних содроганьях,
Пронесся страшный вопль из груди тел,
Что корчились в снегу окровавленном, —
Страданья и отчаяния вопли!..
Он нарастал, в нем зазвучала злоба
И ненависть, и погребальный звон
Над верою, веками освященной,
В святыню, покровителя - царя,
Над верою в величие престола,
Над грудью растоптанных надежд..
Святое царство! Где теперь твой пурпур?
Угас он, как падучая звезда...
А этот вопль отчаянья и гнева
Поднялся к небу огненным столбом,
Застыл на миг в своем дыму кровавом
Над скошенной, мятущейся толпой
И, колыхаясь, превратился в стоны...

Голос из хора.

О бедные, израненные дети!

Радом.

Как после рубки леса, между пней
Еще стоят отдельные деревья,

Которыя щадили дровосеки,
Стоят недвижно, жалки, одиноки,—
Так в этот миг немногие из нас
Остались невредимы над рядами
Товарищей израненных иль мертвых...

Измаил.

Но дальше, дальше!.. Горесть по убитым
И ненависть к убийцам сжали сердце...
Найдите ж выход, скорбь, негодование,
Себе дорогу смело проложите,
Иль вы, как змей, задушите меня!..
На что ж тогда решились остальные?
Что сделал тот, кто оставался жив?
Что можем мы здесь предпринять и сделать?
Как отомстить за пролитую кровь?

Радам.

Товарищ юный!.. ты что рвешься пылко,
Порывисто вперед, стремясь достигнуть
Всего, что сердце требует твое!..
А также вы, товарищи и братья,
Что слушали в молчании меня
С болезненно горящими глазами;
Вас научил, я знаю, горький опыт
Быть сдержанными в тяжкие минуты...
Прислушайтесь еще к моим словам,
Они разгонят утренней зарею
Весь мрак повествованья моего.
Да! многое от вас теперь зависит...

Вы знаете, какие нам подачки
Кидает власть, когда мы ищем права;
Вы знаете, что ожидает нас,
Когда мы обращаемся к престолу
С покорной, верноподанной мольбой.
Товарищи! один тот день кровавый,
Железный день—свершил мгновенно то,
Чего свершить не в силах были наши
Старания в течение долгих лет.
Его стальные, кованные пальцы
Одним движеньем вырвали на век
С глубокими, кровавыми корнями
Из сердца одураченной толпы
Наивную, ребяческую веру,
Что благодать всегда нисходит свыше,
И что с престола явится спасенье
От долгой, изнурительной нужды...
Да! В этот день из сумрачной пучины
Всплеснула вверх кровавая волна
И обогрила вмиг до шеи кровью
Всех тех, кто оказался невредим;
Проходит та волна по всей России,
Проносится потоком многоводным,
И с двух его отвесных берегов
Народ и власть впиваются друг в друга
Глазами, потускневшими от злобы.
Идет молва о Красном Воскресеньи
По всей стране и всюду поднимает
Рабочий класс—на смертную борьбу.
Последний стон товарищей убитых,
Над нашею равниной прозвучал
И докатился до ущелий горных.
Вот, что прервало мертвенную тишь,

Висевшую завесою над Польшей,
 Вот что, как гром, неожиданно потрясло
 И сердце власти, древний Кремль Московский.
 Мы слышим: пробуждается Москва,
 И даже горы дальние Кавказа
 Вдруг огласились многократным эхом...
 Вы слышите ль ужасный этот стон,
 И смертный вопль, и крики многих тысяч?
 Вы знаете ль, куда он вас зовет?
 Он призывает вас к борьбе кровавой
 За хлеб, за кров, за право на свободу,
 Чтоб силою добыть их у господ,
 А не выпрашивать себе, как милость!
 Свершите ж то, что сделать упустили
 Товарищи в наивности своей;
 Они свои сознали заблужденья
 С раскаяньем в тускнеющих глазах;
 Стучат сердца их похоронным маршем
 Над их разбитой вдребезги надеждой.
 Какой тяжелый, безотрадный жребий,
 Лишь умирая, в смысл проникнуть жизни!
 Идти, как скот, безмолвно на убой,
 Не оказать штыкам сопротивления,
 И видеть смерть завидную борцов,
 И горизонт далекий в ярком блеске,
 В который им не суждено вступить!

Мария.

О, пусть судьба дарует ныне нам
 Одно лишь преимущество пред ними:
 В БОРЬБЕ погибнуть, умереть с сознаньем,
 За будущее братства и свободы,
 Которые наступят неизбежно!

Душа со смертью может примириться
 В таком сознании и уснуть спокойно,
 Но все же сердце мучится мое
 При мысли о несчастных наших братьях.

Радом.

Товарищи! Вы вправе сожалеть
 О той сердечной муке, их сразившей,
 Терзающей теперь и ваше сердце.
 Вы можете их смерть освободить
 От пелены тяжелого тумана
 И вознести высоко, как маяк,
 Своим огнем рубиновым манящий
 На новый путь, на новые моря.
 Вы можете стереть с их плит могильных
 Тягчайшее, печальнейшее слово,
 Которого грустнее — ничего
 Не отчеканил ум в своем страдании.
 То слово, столь прискорбное: „напрасно!“
 Его сотрете вы единым взмахом,
 Лишь стоит вам, о братья, захотеть!
 А из земли, обильно напоенной
 Горячей кровью бедного народа,
 Взойдет не то, что думают владыки,
 Не чахлое растение рабских чувств,
 Нет! вырастет лишь дерево свободы
 И принесет нам чудные плоды.
 Товарищи! вы в силах сделать это,
 Так сделайте, прошу я вас о том!...
 Я вижу слезы на глазах суровых,
 Текущие обильно по морщинам,
 Которыми заботы и нужда

Избороздили вам глубоко лица...
О если эти слезы помогли
Очистить вашу душу, ваше сердце
От трусости, от пятен эгоизма,
Которыми тлетворное дыхание
Былого рабства загрязнило вас!
Чтоб зеркало души кристально-чистой
В себе глубоко, ярко отразило
Товарищей страдания и смерти;
Чтоб всякий вред, обиды, униженья,
Которые наносят вашим братьям,
У вас в душе, как в фокусе, пылали...
И вот тогда кровавый этот день—
Двадцать второе января ¹⁾—не будет
Огнем соломы, тотчас же погасшим
Под тяжкою стопой абсолютизма;
Нет! с треском из под этого копыта,
Пылая ярко, искры разлетятся,
Они зажгут нешуточный пожар,
И он сожжет все плевелы гнилые,
Которые посев наш заглушают,
Удобрят плодородною золой
Он ниву жизни...

Наши братья пали,
Чтоб облегчить вам тяжелое ярмо.
Так протяните смело ваши руки,
Сорвите плод их страшной, черной смерти!
Из их убийства пышно расцветет
Цветок победы, если все вы, братья,
Объединитесь в дружную семью.
Миллионы пролетариев повсюду

¹⁾ По старому стилю—9 января.

Во мраке притеснения и рабства
Уже зажгли светильники свои.
Уж началось тех светочей мерцанье...
Объедините ж ваш великий гнев,
Всю ненависть, весь пыл негодованья,
Объедините братскую любовь
К товарищам, томящимся в неволе,
Объедините это все в кольцо,
В одно кольцо гигантского восстанья!..
Оно растет и крепнет с каждым днем
И щупальцы могучие простерло
От Риги, Лодзи до Владивостока,
От льдистых тундр до Азии пустынь!..

Голос из хора.

Наши темные товарищи
Шли к царю с глубокой верою,
Шли найти успокоение
От нужды и от забот.
Истомленные от голода
Шли они с детьми и женами,
Шли с надеждою и думами:
Вот где мы найдем спасение!..

Другой голос.

Да! несчастные надеялись,
Что наступит облегчение...
Шли они к царю державному
Как к заступнику-отцу.
О, мечтание напрасное!..
Сети были им расставлены.

Первый голос.

Шли, бедняги, безоружными,
Шли с мольбою и с иконами;
В их глазах — надежда светлая;
Царь-отец их должен выслушать,
Он тогда узнает истину,
Посочувствует их жалобам
И прогонит царь неверных слуг,
Утолит он жажду острую,
Жажду хлеба, справедливости.

Второй голос.

Да! светился взор надеждою,
Как звездою лучезарною...
Но бедняги были встречены
Заряженными винтовками.

Первый голос.

О, бездушным был созданием
Приказавший их расстреливать,
Утолить свинцовой пулею
Муки сердца, муки голода
По желанной справедливости...
Пули, словно град посыпались...
Ох вы, птицы, птицы бедные,
В страхе многие попрятались,
Но от смерти не избавились.

Второй голос.

Расстреляли их, как стаю птиц,
Смертью бедных словно тешились...
Где же видано или слыхано
В мире что-нибудь подобное?

Первый голос.

Где-то там в могилу общую
Их тела окровавленные,
Безымянные, безвестные
В ту же ночь злодеи кинули.
А меж тем в кварталах города
В неприветливых окраинах
В эту ночь не спали многие:
Вот вернется сын, вернется муж...
Ждали долго по напрасному.

Второй голос.

Словно псы, избиты бедные,
Тайно ночью похоронены...
Опасались, видно, изверги,
Чтоб не вспыхнуло восстание...

Третий голос.

Злодеи боялись
Убитых рабочих,
Бессильным при жизни
Смерть силу дала.
Их раны зияют
В крови под землею,
Зовут днем и ночью
К жестокому мщению.
Над братской могилой,
Как будто над черной,
Над вспаханной нивой,

Поднялся тяжелый
Туман темнокрасный,
И слышатся стоны
Из тьмы подземельной:
„Товарищи, братья,
О нас вспоминайте!
Мы пали, простерши
С надеждою руки
К великому солнцу
Сияющей правды,
Чтоб ею, о братья,
Вас всех обогреть!
Мы пали с сознанием,
Что смерть ради правды,
Для пользы народной,
Не так тяжела...
Но вы, о живые,
С трепещущим сердцем.
Чьи взоры сверкают
Как на небе звезды,
Чьи щеки румяны—
Что будете делать?
Ужель вы снесете
И стерпите это?
О горе нам, бедным,
Напрасно погибшим,
Коль вы, о живые,
Не вздрогнете сердцем
Над нашей могилой!..

Четвертый голос.

Товарищи, спите
В могиле спокойно...

Ведь в каждом рабочем
Горят ваши раны:
Ведь голод жестокий,
На смерть вас пославший
Терзает и наше
Рабочее сердце.
Теперь вы умолкли,
Но ваше молчанье,
Как светлое солнце,
Лучом разгоняет
Тяжелый туман,
И смерть ваша будит
В нас новую жизнь.
Из вашей могилы
Восходит сиянье
Грядущего дня!..

Пятый голос.

Мы все встрепенулись
И духом и телом,
Мы страх позабудем,
Не станем дрожать.
Единым желаньем
Охвачены души:
Иль сразу могила,
Иль светлая жизнь!
Идите же с фабрик,
С заводов и с верфей,
Спешите из шахт!..
Пусть в море блуждает
Средь ветра и бури
Корабль без матросов;

Пусть город огромный
Во тьму погрузится,
Пусть смолкнет движение,
Пусть жизнь в нем замрет,
И будет стоять он
Как пасмурный, мрачный
Немой исполин!..

Шестой голос.

Придите разрушить
Мир этот неправды,
Расторгнуть оковы,
Придите, о братья,
Великое дело
Скорее свершить!
Повсюду рассеял
Вас труд подневольный;
Сойдитесь же вместе,
В единую слейтесь
Великую силу:
*Единство в поступках
Свободу вам даст!*

Смотрите, как смело
Вперед мы стремимся,
Как сильно, как быстро
Растем и растем!
Внимайте, как громко
Звучат наши клики,
Мы—бурное море
С могучей волною!

Мы всюду разлились,
Мы рушим преграды
Мы полны отваги
И действенных сил!

Седьмой голос.

Идите, смотрите!
Бедняги убиты,
Расстрелян народ!
О спящий, проснись же:
Ведь сотни рабочих
На смерть сражены!..
Вы видите ль раны,
Потухшие взоры,
Вы видите ль кровь?
Уже ль не проснетесь,
Ужели смолчите?
О нет, братья, нет!..
Рассеялся ужас,
И ночь прояснилась,
И мы воскресаем:
Томительный голод
По правде и хлебу,
Что длился столетья,
Растет и растет;
Его утолим мы,
Иль смерть смело примем
Для пользы народной!..

Многие голоса.

Да! правды и хлеба
Иль смерти за братьев!..

Петров.

Товарищи! Не надо волноваться!
В себе самой уверенная сила,
Как многоводная река, спокойно
Течет к конечной цели—к океану;
Нуждаемся мы более всего
В уверенной, спокойной твердой силе.
Да, наконец, те узкие теснины,
В которых мы так долго задыхались,
Раздвинулись, но перед нашим взором
Не залитая солнышком равнина,
А дикий, бесконечный, грозный хаос,
Где предстоит тяжелая борьба,
И лишь вдаль, за темными горами,
Синеет в небе ясная лазурь.
Лишь день за днем, лишь год за годом можем
Мы жить теперь... Увы, нам неизвестно
Достигнем ли мы вскоре нашей цели,
За то известно хорошо, что многих
Из нас в ближайшем ожидает смерть.
Так двинемся же с трезвым пониманьем
Всего того, что ждет нас впереди!
Не можем мы мечтать о близком мире,
Не нужны нам и ложные надежды,
Чтоб окрылять себя энтузиазмом,
Подобно буржуазии—в борьбе.
Мы силы почерпнем из голой правды,
Мы ясно видим свет социализма
И ждем его; поступки наши—стрелы,
Летающие в одну и ту же цель.
Покончить мы должны с самодержавьем,
Завоевать законные права,

Которые бы создали нам почву
Широкую для классовой борьбы,
Чтоб нам в сердечном, братском единении
С товарищами Западной Европы
Достичь совместно общей нашей цели.
Должны мы социальным нашим строем
Трудящимся дать помощь, обуздав
Эксплоатацию рабочих классов,
Но вместе с тем и от капитализма
Мы многое желаем получить:
Познания, рассудительность, развитие,
Все лучшие культурные плоды,
Которых человечество достигло.
Нам жить пришлось пока лишь на задворках,
Но не хотим мы, вырвавшись на свет,
Обрушиться на старую культуру,
Как варвары, как дикая орда.
Нет, вырасти хотим мы величаво
Из сердца человечества, внося
В жизнь новые, великие законы,
Хотим создать среди народов братство,
Взрастить его, как всем доступный сад,
С роскошной тенью, с чистыми ручьями
Среди пустынь—плодов братоубийства.
И вот, когда гигант-капитализм
Пожрет себя, и ветхой чешуею
Спадет с него гнилая оболочка,—
Мы ринемся толпою на нее,
Растопчем в прах, по воздуху развеем—
И тотчас же увидим пред собой
Прекрасный мир с зелеными лугами,
С приветливой, чарующей улыбкой,
Наш новый мир, сменивший старый мир.

Мария.

Спасенье близко—чувствуем мы все;
Социализм несет его с собою!..
Социализм!.. Он создан нашей жизнью
И смертью... Ах! не божество ли он,
Которое окинет ясным взором
С сияющей от радости земли
Вселенную?.. Окинет и осветит!..
Свою любовь к такому божеству,
Из-за которой мы переносили
Так много мук, теперь мы воплотили
В единство человечества, как в мрамор.
О, дай нам сил не ослабеть в борьбе,
О, улыбнись нам сладкою улыбкой,
Среди терзаний сердце укрепи
И успокой пред приближеньем смерти!

Голос из хора.

О, верим мы в тебя, социализм,
Горит любовью наше сердце к братьям...
О, успокойте ж, вера и любовь,
Движеньем ваших крыл благословенных
Волненье наше, наше содроганье
Пред муками, пред приближеньем смерти!

Христалов.

Товарищи! Слова у нас в устах
Подобны топору, который рубит
Канаты все, мешающие нам
Пусть наш челн в бушующее море.

Да! каждое из наших громких слов
С могучим звоном падает на чаши
Весов истории, путь, освещая, указали
Товарищам рассеянным везде.
Поэтому старайтесь, сколько можно,
Когда вам надо с речью выступать,
Себе самим давать отчет строжайший
О каждом слове в ней произносимом;
Измерьте хорошо его полет,
И взвесьте, каково оно... Ведь это
Не облачко, несущееся в небе
И быстро исчезающее там.
Нет! ваше слово—сила и решение,
Звено могучей напряженной цепи,
И жизнь и смерть зависят от него.
Теперь слова подобны шлюзам; если
Откроете вы их—струя событий
Стремительно затопит всю страну.
Товарищи! Тот день, который должен
Когда-то засветиться для рабочих
На всей земле—уж светится для нас.
Как иногда взбирающийся в гору
На высоте невольно остановлен
Крутым подъемом, так и мы в раздумьи
Пред выбором: назад или вперед...
Назад—сквозь ту же темноту ущелий,
Где мы с трудом взбирались в эту высь,
Иль все вперед, взяв за руки друг друга...
Вот в чем вопрос! Теперь пусть каждый взвесит
Всю мощь, всю силу собственного духа
И мощь своих товарищей, пославших
Его сюда глашатаем от них,
Пусть сердце содрогнется в нем при мысли:

„Раз мы пойдем—возврата больше нет“.
Кто вынес стойко это содроганье
Пусть говорит... Позвольте мне, друзья,
Вас всех спросить теперь поочередно;
На мой вопрос ответьте откровенно,—
Как отвечали совести своей,
Как жизнь сама должна бы здесь ответить.
(Обращаясь к депутатам от углекопов).

И вот, к вам первым обращаюсь я,
Товарищи, которые из темных
Глубоких шахт усердно добывали
Бесформенные угольные массы;
Титаны вы, которые не раз,
А каждый день, и не с высот небесных,
А из утробы сумрачной земли
Земное солнце доставляли людям—
Огонь и жар... О, братья углекопы,
Вы ближе к сердцу матери-земли,
Чем все другие, ближе вы и к сердцу
Труда... О, братья, кто же, как не вы,
Его тревожно бьющееся сердце?..
О сердце!.. неуже ль отступил ты?..

Голос из хора.

Прислушайтесь!..

Другой голос.

Внимание!

Третий голос.

Наш товарищ

Сейчас ответит вам. Его прислали
К нам люди изнуренные нуждой;

Они, дыша тяжелой черной пылью,
Работают во тьме подземных шахт.
Хозяева жестоко попирали
В них пламя человеческого чувства...
О, если бы вдруг вспыхнуло оно!..

Первый голос.

Прислушайтесь!

Второй голос.

Внимание!..

Третий голос.

Товарищ

Сейчас начнет.. Какой повеет ветер
От слов его?

Депутат от углекопов.

Товарищи!.. Принес

Я вам привет от бедного народа,
Томящегося в черных глубинах.
В привет том товарищеском светит
Все то, что озаряет нашу жизнь...
Черна была, товарищи, жизнь эта.
Когда для всех сияет яркий день,
Для нас—все ночь, без всякого просвета!..
Спускаемся мы утром в трюм подземный,
Там—узкие проходы в глубь земли,
Как норы крыс, и снова разветвления...
Внизу нас ждет опасный, тяжкий труд;

Нас сторожит с угрозой смерть повсюду,
Ее мы можем встретить каждый миг.
А если и останемся мы целы,
И глубь земли извергнет нас под вечер
Измученных, покрытых слоем угля,
Полуослепших в едкой, черной пыли,
То на земле нас встретит та же ночь...
Как грустен жалкий жребий углекопа!..
Хозяева бездушны, сердцем жестки,
Как руды в подземельной глубине,
Им дела нет до горьких наших жалоб.;

Голос из хора.

Скорбью сердце наполняют
Братьев тяжкие труды...
Что их жизнь, как не пустыня,
Чаша горя и нужды?
Каждый день одно и то же
В душной шахте под землей,
Не для них сияет солнце
В ясный полдень золотой!
Часто смертью угрожает,
Им землистый потолок
И тела их превращает
В окрававленный комок...
Есть одно им утешенье:
Уповать теперь на нас;
Ах, когда бы луч надежды
В наших братьях не угас!
Освещает он приветом
Все, что в жизни так темно;
Пусть же будет этим светом
Сердце их озарено!

Рабочий углекоп.

О, сколько лет клубок страданий наших
Все нарастал!.. Товарищи и братья!
Где солнца нет, не может там быть речи
О свете и о радости.. Однако,
И наши потускневшие глаза
Вдруг озарились, но не светом солнца,
Не ласковым сиянием луны,
И не мерцаньем звезд на темном небе,
Встречавших нас при выходе из шахт,—
Нет, больше, чем все это, уладила
Нас алая заря той новой жизни,
Которая должна освободить
Рабочего от гнета притеснений,
Бесправия, лишений и нужды.
Вот этот свет к нам каждый день спускался
Глубоко в шахту, разгоняя тьму;
Когда же мы под вечер выползали
Из наших ям, он нежно золотил
Лучами кровлю бедного жилища,
Он радовал и наших жен, смягчая
Суровые черты их мрачных лиц...
Товарищи!.. То свет социализма!..
О, будь стократно он благословлен!
Он научил нас лучшим, высшим чувствам;
Он научил друг в друге видеть братьев
И их любить; он думать научил
С горячим чувством радости на сердце
О тех миллионах близких и далеких
Товарищей, которые, как мы,
Работают при тягостных условиях;

Он научил нас также—ненавидеть
Холодной, непреклонною душой...
Он научил надеяться!.. О, помню,
Какой был это благодатный день,
Когда надежда в первый раз пригрела
Тот ледяной отчаянья покров,
Который нам сковал так крепко сердце.
Впервые мы почували весну
В глубоких, мертвых, беспросветных шахтах;
Как ласково она дарила нам
Ее лугов живительную свежесть!
И создал ту весну—социализм!..

Когда же весть о красном воскресеньи
До наших шахт глубоких донеслась,
А вслед за ней примчалась весть другая,
Как за волной бежит вослед волна,
О том, что вдруг по всей стране обширной
Возвысил голос труженик с угрозой
И поднял знамя красное восстанья,
Приведшее хозяев в страх и трепет,
Тогда нас всех безумно охватило
Порывистое, страстное желанье,
Тоска по теплым солнечным лучам,
По зелени лугов и рощ тенистых,
По синему, сияющему небу...
И вышли мы из сумрачных могил
Все, как один... И шахта опустела..
Мы более не спустимся в нее.
Нет! лучше смерть, чем прежние мученья!..
Рабочие сознали мощь свою
И над страной распустили знамя,
Где вписаны все требования наши.

Голос из хора.

Прислушайтесь!..

Другой голос.

О радость!

Третий голос.

О Рассвет!..

Четвертый голос.

Мужайся же, рабочий шахт глубоких,
Не знаящий света солнечных лучей!
Довольно ты, несчастный, задыхался
В холодной тьме сырой тюрьмы твоей,
Перед твоими скорбными глазами
Тянулись вереницы мрачных дней,
Теперь ты сам встать решился с нами;
Иди же, друг, на помощь нам смелей!..

Христалов

(обращаясь к депутату от транспортных рабочих).

Товарищи, ведущие борьбу
С властителями вечными вселенной,
Стесняющими род людской: с пространством
И временем! Вы делаете близким
Далекое; огромный шар земной
Становится в руках у вас пирушкой,
Когда вы мысль людей передаете
На много тысяч верст—почти мгновенно,
Как мысль сама рождается в мозгу!..

Какой вы нас порадуете вестью,
Телеграфисты, труженники почты?
А вы, кондуктора, и машинисты,
И стрелочники—что постановили?
Что скажут силы транспорта морского—
Портовые рабочие?.. Все вместе—
Вы главная артерия страны,
От вас зависит кровообращенье,
Вы можете его остановить.
Согласны ль вы придти друзьям на помощь?
Вы можете одним своим ударом
Подать сигнал к борьбе по всей стране
И затопить ее разливом бурным
Восстания смелого рабочих масс.
Одним толчком пробудите вы к жизни
Миллионы сил, дремавших в полусне.
Товарищи! Но знайте: тех, кто смело
Сражается в передовых рядах,
Разят тех раньше вражеские пули;
Насилие готово вас схватить
За горло первых и связать вам руки.
Но вас так много, вам ли утрапиться
Угроз закона, этих черных туч
На синеве рабочего единства?
Мы ждем ответа от тебя, товарищ...
О, если б дух решимости пронесся
У вас в рядах! О, если б мощный вихрь
Склонил их волю к действию теперь же!
Идите же вперед, чье выступленье
Одно способно правильно пустить
Корабль борьбы по водному пространству!
Решайтесь тотчас! Ваше колебанье
Расстроит все и быстро сломит нас.

Голос из хора.

Внимание!

Другой голос.

Слушайте!

Третий голос.

Товарищ отвечает;
Его послали те, что опытной рукой
И время, и пространство побеждают,
Чрез горы и моря проносятся стрелой.
Власть низко гнула их и гнетом и нуждою,
Калеча братского сознания ростки.
О, если б голос их пронесся над страной,
Как волны мощные разлившейся реки!

Первый голос.

Внимание!

Второй голос.

Слушайте!

Третий голос.

Товарищ начинает;
Мы с жадностью его ответа ждем.

Депутат от транспортных рабочих.
Товарищи! Привет примите братский

От труженников всей железной сети,
От всех рабочих доков и портов!
Хотя они разбросаны повсюду,
И многие из них сегодня мчатся
По разным направлениям, но их мысль
Стремится к вам, к связующему центру,
И их сердца пылают здесь, меж вами,
С таким же жаром, братья, как и ваши.

Голос из хора.

Прислушайтесь! Пославшие его
Все за одно — и сердцем вместе с нами!

Транспортный рабочий.

Товарищи. Сознаться: было время,
Когда у нас о том лишь думал каждый,
Как собственную участь облегчить,
И не было сознания единства.
Служащие на линиях дорог,
Огромным разделенные пространством,
Совсем чужими были друг для друга;
Среди рабочих порта возникали
Нередко ссоры, неладья и драки
Из-за куска сухого хлеба; каждый
Хотел подняться на плечах другого,
Завистливо смотря на тех, кто выше,
Презрительно на тех, кто ниже был,
И наша жизнь, без цели, без сознания,
Текла в нечеловеческих условиях.
На нашей бессознательности глупой
Власть строила могущество свое.

Но благодатный свет социализма
Проник и к нам, наполнив наше сердце
Прекрасным чувством братского единства;
Сознание это вмиг соединило
В единую рабочую семью
Себя считавших чуждыми друг другу;
Союз создан транспортными рабочими
И, как с горы охватываешь взором
Далекое пространство и вершины,
Так высшая видна нам стала цель:
Всеобщее единство всех рабочих,
К которому должны мы все стремиться.
Сознание великой этой цели
Настолько глубоко проникло в ум,
Так мощно овладело нашим сердцем,
Что, говоря о собственных невзгодах,
О наших упованиях и надеждах,
Имели мы в виду не только нас,
Но всю семью трудящихся на свете.
А слыша весть о всем, что угнетало
Иль облегчало ваше сердце, братья,
Мы разделяли вашу боль и радость.
Так общность интересов всех рабочих
Нам согревало душу, словно солнце.
Вы видели, насколько жизнь жалка
В позорном рабстве, как ярмо неволи
Давило нас и в пепел превращало
Все лучшие движения души.
И встрепенулись мы, воспрянув волей,
Почуввав пробуждение сознания,
Мы поняли вполне, что наше место —
В передовых рядах; что мы должны
Быть первыми в великом состязании

И главный нанести врагу удар,
Себя самих подставив под удары.
Сознание это гордостью и счастьем
Наполнило нам пылкие сердца.
А все законы, что грозят нам карой,
Не более для нас, чем паутина,
Которую мы тотчас же сметем.
Да! Ярче всех карающих законов,
Придуманных здесь выродками власти,
У нас в сердцах начертаны слова
Великого закона всех рабочих:
Быть солидарными... И мы с надеждой:
Товарищи, глядим теперь на вас.
Сердца рабочих транспорта, как туго
Натянутые струны только ждут,
Чтоб их коснулись смело вы рукою,
И все они откликнутся с восторгом!
Подайте лишь сигнал—и в тот же день
Все разом остановятся колеса.
Причины нет бояться. Пусть направят
Нам прямо в грудь враги свои винтовки;
Пусть раздадутся выстрелы; не могут
Ведь мертвецы взамен живых работать,
Живые же по прежнему не будут,
Пока страна не озарится солнцем
Законных прав и требований наших.

Первый голос.

Мужайтесь!

Второй голос.

Радуйтесь! Мы победили!..

Третий голос.

Мы победим, сомнений в этом нет!
Товарищи помогут нам, мы знаем.

Первый голос.

Мы выслушали с радостью ответ
И бой великий смело начинаем.

Второй голос.

Да, мы готовы выступить сейчас,
Стремясь к победе, стройными рядами,
Но, вы, о братья, поддержите нас,
И смело в бой идите вместе с нами.

Христалов

(обращаясь к депутату фабричных рабочих).

Товарищ! ты приносишь нам решение
Трудящихся в бесчисленных заводах—
Десятков тысяч и мужчин и женщин;
В твоём лице приветствую я их,
Пославших к нам, тебя для сообщения
Того, что там постановили вы.
В твоём лице приветствовать могу я
Зародыш исполинский тот, откуда
Распустится цветок социализма—
Фабричный пролетариат... Товарищ!
Скажи, вполне ль готовы эти массы
С их сумрачным, загадочным лицом,
С их взором, где огонь пылает скрытый,

Готовы ль все они на шаг, который
Их поведет из гавани спокойной
В открытую и бурную пучину?
Известно ль им, что может принести
Шаг этот тем, кто на него решится?
Свершив его, вы пустите в страну
Чудовище, которое, быть может,
Сожрет врагов, но и запустит в вас
И в ваших жен клыки свои и когти.
Способны ль вы все это перенести?
Не обольется ль кровью ваше сердце,
Когда, рыдая, взмолятся о хлебе
Измученная голодом семья?
Вас захлестнет нужда волною черной,
И будет вас держать в своих когтях...
Не раздадутся ль в вас тогда проклятья?
Не проклянете ль вы и этот час,
И вас самих и ваших смелых братьев,
Толкнувших вас на роковой поступок?
Что, если вы, не выдержав мучений,
Возопиете к небу, горько плача,
Как будто по потерянному раю,
По топкому болоту прошлой жизни?
Что, если тусклый светоч ежедневных,—
Хоть скудно, но оплаченных,—трудов
Покажется вам ярким светом солнца,
Которое уж больше не взойдет?
Так отвечай же нам, товарищ, прямо:
Все эти массы темные рабочих
Не дрогнут ли пред тем, что предстоит?

Голос из хора.

Прислушайтесь, товарищи!..

Второй голос.

Внимание!

Третий голос.

Пред нами тот, кого послали нам
Измученные тягостным страданьем,
Которым смерть—целительный бальзам.
Их души были тернием обвиты,
Отчаянье сковало руки им;
Теперь пути к спасению открыты,
Смелей вперед! мы вас освободим!

Первый голос.

Прислушайтесь!

Второй голос.

Внимание!

Третий голос.

Наш товарищ

Готов начать.

Четвертый голос.

Как взор его горит!

Депутат от фабричных рабочих.

Нужда была нам спутницей всегдашней;
Мы часто не имели даже хлеба,
Чтоб успокоить мучивший нас голод.
И этот вечный тяжкий недостаток

Питания подтачивал нам силы.
Когда же становились мы отцами,—
Младенцев тощих жалобные крики
Мучительно терзали наше сердце,
Как некогда терзали наши слезы
Сердца отцов и бедных матерей...
Не знали нынче мы, что ждет нас завтра.
Над нами жизнь как будто издевалась
С предательскою, лживою улыбкой;
В любой из дней хозяин мог нас выгнать
На улицу. За наш тяжелый труд
Лишь медные гроши мы получали,
Достаточные только для того,
Чтоб дать возможность нам, с большим усиьем,
И завтра продолжать наш тяжкий труд.
Не знали мы, что значит—сбережение,
Которым обеспечена была бы
Уверенность хоть в завтрашнем то дне.
Чего же нам, скажите, опасаться?
Нужда не устрашает наше сердце.
С нуждой, мы, пролетарии, знакомы,
Не раз она вонзала когти в нас
И в наших жен, детей... И мы не знали
За что должны мы тяжело так страдать.
Теперь же в ней мы будем видеть подвиг,
Теперь они—те узкие теснины,
Которые нас выведут на свет
Из подземелья, из под гнета рабства,
К твоим полям, залитым ярким солнцем,
О светлая, желанная свобода!
Нужду такую мы охотно встретим,
Придется ей терзать не нас одних,
Она вопьется также и в хозяев

В их холеные, тучные тела,
Избороздит морщинами их лица.
О, пусть придет и увлечет с собою
Не только нас, но также и господ
На скорбный путь лишений и страданий;
С улыбкою мы будем ждать ее;
Для нас нужда не слишком будет горькой,
Раз горечь принесет она и им,
Ее полынь покажется нам сладкой...
Поэтому, товарищи и братья,
Не беспокойтесь, смело верьте нам:
Не связаны ничем мы с прошлой жизнью,
Ничто нас в ней не может удержать
Ни преданность семейству, ни привычки,
Всосавшиеся в нашу кровь и плоть.
Жизнь наша—ад; как нам не попытаться
Стряхнуть с себя ярмо ее целей?
Мы жаждем ран, чтоб этого достигнуть;
Рванувшись в бой, опередили мы всех,
Ведь нам, о братья, нечего терять!
Ведь знаем мы, за что рискуем жизнью:
За право стать свободными людьми
И почерпать в сокровищнице знания
Все, что в ней черпать вправе человек.
Мир обновленный равенства и братства
Неудержимо нас влечет к себе...
Товарищи! Не медлите же больше,
Подайте к наступлению сигнал!
Не можем ждать мы долее! Бурливо,
Кипит в нас кровь, и боя жаждем мы!

Голос из хора.

О радуйтесь!

Второй голос.

О радуйтесь же, братья!

Третий голос.

Смелей вперед!

Первый голос.

Мужайтесь, миг настал!
Прислушайтесь к раскатам грозным грома:
Гроза близка... К восстанью дан сигнал;
Под небосклоном, заревом объатым
Пожар великий ярко запылал!

Второй голос.

Идут на подвиг брат в союзе с братом
Грядущий свет свободы засиял!

Христалов (к Марии).

Мария! ты не мало просветила
Сердец, погрявших в тине предрассудков,
Не мало с глаз сорвала ты завесу
Тебе вполне открыты души женщин;
Скажи: что нам ответят наши сестры?
Им виден ли зари взошедшей свет?
Они пойдут ли смело вместе с нами?
О женщина—товарищ наш, ответь!
Мы с содроганьем ждем, что ты нам скажешь.
Вся наша сила разлетится прахом,
Коль отвернешься ты теперь от нас!

Но наши силы удесятятся,
Как яркий свет от тысячи зеркал,
Коль мы прочтем в твоём глубоком взоре
Сочувствие и полную готовность
Тяжелый жребий с нами разделить.
Мария, отвечай же нам: готовы ль
Все наши сестры встать ногою твердой
На новую им, высшую ступень?
Не чужды ли их сердцу наши взгляды?

Голос из хора.

Прислушайтесь, что скажет нам Мария!
Она будила женские сердца;
И новых чувств могучая стихия
Их победит, быть может, до конца.
Узнаем мы, какой огонь пылает
В сердцах сестер.

Второй голос.

Мария начинает.

Третий голос.

Внимание!

Мария.

Товарищи мои!

Прислушайтесь к словам моим, прошу вас;
Средь бурных волн речей произнесенных,
Теряется речь скромная моя.

Мы, женщины, так долго сторонились
Всего того, что волновало вас;
Мы были чужды здравого сознания,
Туманил нас чарующий обман;
Нам предстояло путь свершить нелегкий
Чтоб вас догнать; глубоко вкоренились
В нас предрассудки, ставшие для многих
Опорой жизни... Но теперь мы с корнем
Их вырвали из сердца; перешли мы
На вашу сторону; такой поступок
Свершили мы, почувствовав глубоко
Инстинктом женским, где скрывалась правда.
Да! мы готовы к вам придти на помощь,
Лелеять и беречь идею братства,
Как первенца лелеет нежно мать;
Не усташимся мы нужды тяжелой,
Ни тяжких кар со стороны врагов,
Лишь вырастить бы нам благое семя,
Которое всем радость принесет.
Да! Если час настал, то мы готовы,
Хоть, может быть, от радости волнуясь,
Но все же без малейших колебаний,
Отдать себя на жертву; мы готовы
С улыбкою пойти на встречу смерти,
Раз эта смерть засыпает может пропасть
Меж сумрачным, безрадостным прошедшим
И будущим, сияющим вдали.
Да! мы вполне, товарищи, готовы!..

Один голос.

Вы слышите?

Другой голос.

О, радуйтесь!

Третий.

Мужайтесь!

Четвертый.

О женщина! ты, наконец, пришла!
Сестра в бою поддержит смело брата,
И мать стремления сына поняла,
Их не страшит тяжелая утрата;
Невестам, женам смерть за нас светла...
О, радостью душа моя объята!

Смешанные голоса.

Как ценна женщина
С душою любящей!
В трудах помощница,
В беде — сопутница,
До гроба преданна,
Всегда заботлива,
Чутка и вдумчива.
С глубокой верою
В победу истины,
Она сражается
Самоотверженно;
В страданьи — стойкая,
Легко, безропотно
Переносящая
Все, что потребует
Любовь и преданность!
Она, готовая
На жертву тяжкую,

Свободно черпает
Из сердца чуткого,
Из сердца женского
Свои дерзания
И силу светлую...
Да, блеском радужным
Сияет женщина,
Мы согреваемся
Ее сиянием...
И решимости в нас прибавляется;
Как сочувствие женщины—сладостно!
Новой силой наш дух окрыляется,
Мы готовы и смерть встретить радостно.
Поднимите же знамя пурпурное,
Позабудьте сомнение черное,
Сердце женщины—небо лазурное
И влияние ее—благотворное.

Христалов

(обращаясь к юношам и девушкам хора).

Юноши! На ваших светлых лицах
Вижу я мечтаний отпечаток,
Нет еще в вас ненависти злобной,
Нет в глазах следов нужды тяжелой;
Девушки! Вы чисты, здоровы сердцем;
Пыл любви, на подвиги готовой,
Пробивается сквозь вашу робость,
Как заря сквозь пелену тумана.
Что вы так ликующе глядите
В час, когда столь близко испытанье?
Я не буду задавать вопросов,
В ваших душах ясно я читаю;

Вижу я: вы жаждете, как пира,
Смелой битвы и геройской смерти.
Ваши матери, отцы и сестры,
Ваши братья,—с нежною любовью
Слушавшие жадно ваши речи,—
Вас теперь принести готовы в жертву,
Если это нужно для победы;
Да, они принести готовы в жертву,
Что на свете им всего дороже.
Я сплету из этих чувств великих
Вам венок цветущий, драгоценный,
В том венке идите смело в битву.
Не смущайтесь, если эта битва
Вам не даст всего, что вы хотите,
Что себе поставили вы целью.
Люди возрождаются не сразу;
Как и плод не сразу созревает,
Долог путь и труден к их расцвету,
Он завален глыбою тяжелой
Прошлого—тяжелая преграда
Бурному, могучему потоку,
Светлое в грядущем нам несет он.
Мы—поток людской, мы с вами—силы,
Мы должны ту глыбу сдвинуть с места,
Мы—миллионы водяных тех капель,
Что упорно подмывают камень,
Проложить стараясь путь в теснине,
Чтобы дать возможность нашим братьям
Всем, кто носит имя человека,
В том потоке вырваться на волю,
На простор сияющий, огромный,
Где единым, мощным и свободным
Возродится человечество на веки.

Вот таким сознанием величавым,
Юноши и девушки, венчаю
Я вас всех, напутствуя на подвиг,
Подвиг возрожденья человека.

Измаил.

Христалов! Взор мой застилают слезы,
Сквозь них я вижу лишь твой бледный облик,
И голос твой звучит мне, как журчанье
Весенних вод; в его я звуках слышу
Призыв к борьбе за царство светлой правды.
Ужель настал счастливый этот день?
Мы молоды и трудно нам всмотреться
В глубь времени; но чувствуем мы все,
Как стеснено в груди дыханье наше,
Как тайная какая то тревога
Волнует сердце, как бушует кровь!
Мне кажется, границы ступевались,
Что резко отделяли смерть от жизни,
И смерть сама приобретает блеск.
Как сильно бьется сердце, словно хочет
Собою всю вселенную наполнить
Или вместить вселенную в себя!
Я говорить не в силах от волнения,
Товарищи! Идем, идем на смерть!
Она глядит на нас теперь с улыбкой!
О, как светла, как беспредельна жизнь,
Поглощена и смерть величьем жизни,
Как светом тень. Да! смерть и жизнь слились
В сиянии, и мы стоим, облиты
Сияньем этим... Братья, я рыдаю,
Я жизнь люблю и все же жажду смерти!..

Один из отцов.

Полюбуйтесь на этих прекрасных юнцов,
В них надежды кружат светлым роєм;
Жизнь любя, каждый ринуться в битву готов,
Умереть за идею героем.

Они рвутся вперед, закусив удила,
Словно кони в широкое поле,
Видно чуют душой, как свобода светла,
Как прекрасно им будет на воле.

Не согнулись они под ярмом нищеты,
И не слушают шепота страха;
О великом и ярком делеют мечты,
И могучего жаждут размаха.

Одна из матерей.

О дети, ступайте! Замучил нас жизненный холод,
Сердца наши пусты и в них не горит огонек,
Как житницы пусты, где царствовал зиму всю голод;
Сердца наши сухи, как пыльный истертый песок.

Мы стать матерями, о дети, еще не успели,
Как светлые грезы исчезли на век без следа,
И наши глаза от страданья и слез потускнели,
И матери радость для нас оказалась чужда.

О, слава нам, слава, что дети, взрощенные нами,
Избавят от горя в грядущем других матерей,
И им не придется, как нам, заливаться слезами
В течение долгих, бессонных, тяжелых ночей.

Ступайте, чтоб матери эти могли улынуться
Над люлькой младенца, не видя нужды впереди,
Чтоб радостью светлой с волненьем могло встрене-
нуться
Еще не замершее сердце в их юной груди.

Один старик.

Дети, ступайте! Победа ваш шаг окрыляет,
Райскою птицей свобода к вам в руки слетает,
Мы — вслед за вами пойдем, позабывши невзгоды;
В светлый простор завоеванной вами свободы.

Действие второе

Христалов, Петров, Мария, Исмаил, три рабочих
депутата, хор. Позднее солдат, рабочие, солдаты.

Сцена представляет террасу в парке, опять отделенную полукруглой балюстрадой, обвешанною на этот раз зеленым сукном. Позади платформы расположены высокие растения, впереди — низкие цветущие. В перспективе — открытое синее небо. Платформа убрана зеленью и цветами.

При поднятии занавеса, хор занимает полукругом заднюю часть сцены. На женщинах длинные пестрые передники поверх простых платьев. Впереди хора, посреди самой верхней платформы, стоит Христалов впереди слева Петров; справа на том же месте, как и в первом действии, стоит Мария, рядом с ней стоит Исмаил. Полдень. Под конец действия наступает вечер.

Христалов.

Не так, как встарь, не ночью, не украдкой,
По сторонам с опаской озираясь,
Прислушиваясь к каждому движенью
В зловещей тьме, грозящей нам бедой,
Как туча нависающая — ливнем,
Не с содроганьем крадучись в тиши
К назначенному месту совещанья,
А смело и свободно, в яркий полдень,
Мы на открытое приходим место
Для обсуждения неотложных дел.
Но прежде чем торжествовать победу
И проследить дальнейший светлый путь,

Который нас ведет к желанной цели,—
Но прежде чем раскрыть широкий свиток
Всех нами отвоеванных здесь прав,
И рассмотреть, не торопясь, их сущность,
Должны исполнить мы священный долг
Пред теми, кто отважно вместе с нами
Шли на борьбу, которых здесь уж нет.
В сиянии торжественном победы!
Сюда, друзья, сюда несите павших
Товарищей, чтоб нам взглянуть на них,
На их черты, застывшие навеки,
И содрогнуться сердцем глубоко.
Преклонимся теперь пред их телами,
И выслушаем повесть скорбных дней,
Их кратковременной, но ценной жизни.
И прежде чем нас унесет с собой
Стремглав поток, не знающий возврата,
Поток событий, бьющих, как ключи.
Из темных скал,—почтим воспоминаньем
Товарищей, растрогаемся сердцем
Пред их святой, безвременной могилой.
Несите же погибших за свободу,
Чтоб им отдать последний братский долг.

Часть хора, расположенная посреди второй платформы, позади Христалова, расходится при этих словах по обе стороны. Позади полукруглой баллюстрады показываются погребальные носилки, покрытые черным сукном. За ними три молодых женщины образуют группу, облаченную в фиолетовое сукно. Они обнимают друг друга и покрывают—незаметно для зрителя—мертвых цветами.

Голос из хора.

Внимание, братья!
Убитых несут...

Погибнув во имя
Высоких идей,
Они к идеалу
Приблизили жизнь.
Спокойны их лица,
Их немые уста,
На веки умолкло
Биенье сердец.

Другой голос.

Бережно ставьте носилки,
Сыпьте на мертвых гирлянды
Белых и красных цветов;
Нежно цветами украсьте
Бледные лица усопших,
Долг им последний отдайте,
Пойте, с дрожанием в сердце,
Им погребальный напев.

Третий голос.

Как море во мраке бушует,
Рождая, ответное эхо,
И вдруг озарится луною,—
Так их имена озарятся
В грядущем победою правды.

Первый голос.

Как звезды с далекого неба
На землю лучи посылают,
Так подвиги этих героев
В грядущих веках просияют.

Второй голос.

Раскроем почтительно книгу
Их скорбных, безрадостных дней;
Посмотрим, как жадно стремились
Они в этой тягостной жизни
К великому светлomu часу
Своей искупительной смерти.

Христалов.

Обнажите черные их раны,
Приоткройте бледные их лица...
О, как далека ты, смерть, от жизни!
Все, что в них болело, содрогалось,
Отошло, исчезло все на веки...
Жизни утлый чели пронесся быстро
И причалил к берегам пустынным...

(Смотрит долго, молча на мертвых).

Мой седой отец, о брат мой, полный силы,
О любимая сестра, о сын мой юный,
Перестал пульс жизни в вашем сердце биться,
Тихо замер он, как замирают звуки...
Чтож!.. Утолена, надеюсь, ваша жажда,
Но победы солнце вам не улыбнется,
Не услышите вы кликов ликования...
И унынье тяжело мне давит сердце...

(Христалов снова отходит. Один за другим выступают из хора говорящие и останавливаются у носилок).

Один голос из хора.

Прикройте цветами их темные раны,
Венцами нетленными храбрых венчайте,

Они, озаренные подвигом светлым,
Живут в поколениях и будут бессмертны.
Живут, как частица великой идеи,
Того, что есть лучшего здесь в человеке;
Жизнь в жертву они принесли, чтобы землю
Цветущей счастливою сделать планетой;
Что мчалась в небесном она хороводе,
Тепло лучезарной любви источая,
И чтобы созданья на ней наслаждались
Тем светом, что здесь называется жизнью.
О, вечная память отважным и мудрым,
Направившим в высь на земле человека,
Та светлая высь — это рай, нам доступный,
В который вступили усопшие наши.

Другой голос.

(Мужчина из хора выступает и указывает на первые носилки, на которых лежит труп старика).

Кем был он? Сколько перенес
Мучительных невзгод?
Пусть жизнь его, как взмах крыла,
Пред нами промелькнет.
Пусть брат его, вдова или друг
Расскажут обо всем,
Чтоб в предстоящей нам борьбе
Мы помнили о нем.

Молодая женщина

(выступив из хора, преклоняется перед носилками и покрывает их цветами).

Отец мой! ты пережил многое в жизни,
Ты вынес не мало суровой нужды,

Ты шел словно в темном, сыром подземельи,
 Но вот, под конец, ты увидел свет правды,
 Открывшийся сразу в час смерти тебе.
 Твои, честный старец, дрожащие руки
 Хотели помочь молодым раздробить
 Тяжелый, давивший дыхание камень,
 И в медленно бьющемся сердце твоём,
 При радостных звуках победного клича,
 Вновь, словно у юноши, вспыхнула кровь
 Горячим желаньем отдать себя в жертву,
 Чтоб братьев твоих от неволи спасти.
 Мы эти к свободе простертые руки
 Гирляндой душистых цветов обовьём,
 Украсим мы голову эту седую,
 В которой звучала песнь юной свободы,
 Бессмертья и славы роскошным венцом.
 Безмолвно преклонимся мы пред тобою,
 О старец, в тяжелых трудах поседевший,
 Ты искренне верил в святой идеал!
 Скорбим мы, что жизнь твоя долгие годы
 Тянулась бесцветным, унылым путем,
 Скорбим, что заря долгожданной свободы
 Так поздно, о старец, взошла для тебя,
 Но рады, что светлая смерть озарила
 Твою беспросветную тусклую жизнь.

Голос из хора.

Покройте же, сестры, цветами
 Его обнаженные раны;
 При жизни цветов он не видел
 И их не дышал ароматом.
 Пусть тихой и нежной печалью

До края наполнится сердце,
 Пусть ваши обильные слезы,
 Как жемчугом, траур украсят.

Один голос из хора.

Кем был он? Как он совершал
 Свой скорбный путь земной
 До дня, когда в предсмертный час
 Он просветлел душой?
 Друзья! Желаем мы узнать,
 Как возродился он,
 И как, в преддверьи торжества,
 Жестоко был сражен.
 Пусть родственник, вдова или друг
 Расскажут нам о нем,
 Чтоб образ старца был навек
 Запечатлен умом.

Юноша

(выступает из хора и останавливается у носилок).

Он был евреем,—значит, сыном расы
 Из угнетенных самой угнетенной,—
 И с молоком он матери всосал,
 Как тяжкое, позорное наследство
 Затравленных отцов своих и дедов,
 Все проявления жалких рабских чувств;
 Они его второй природой стали,
 Легли на душу тягостным пятном...
 Еще ребенком он всего пугался,
 При всяком шуме укрывался в погреб;
 На улице прокрадывался робко

Всегда вдоль стен, стараясь быть в тени
И сторонясь опасно прохожих,
Как бедный пес, запуганный, забитый.
Его движенья были боязливы,
Как будто бы его подстерегали
Тайком враги на каждом перекрестке.
Еврейский душный, скученный квартал
Стеною отделял его от мира,
И тяжкое проклятие веков—
Клеймо позора на челе еврея—
Топтало в грязь души его движенья,
А мертвые, суровые законы
Его народа—грубо заглушали
Все проявления радостного чувства,
Столь свойственного молодому сердцу.
Но, наконец, настало пробужденье,
И он из тьмы отверженности вышел
С воскресшей, просветленной душой.
В своем пути людей он новых встретил,
Которые его не презирали,
Но, дав ему товарищески руку,
Открыли перед ним широкий мир,
Мир братского единства угнетенных.
И вот, в нем смолкли прежние обиды,
Его ласкал пленительный напев
Тех новых слов, которые он слышал,
И он себя почувствовал счастливым,
Согретый благодатным светом братства.

Голос из хора.

Знамена красные склоните,
И ими тихо осените

Героя славное чело,
И крови ток остановите
Из ран зияющих его.

Юноша.

Наследье рабства двадцати веков
В его крови таилось как отравы,
Социализм очистил эту кровь,
Едва крылом своим ее коснулся;
О ро бость старца в смелость превратил,
Он совершил пред всеми нами чудо!
Да! человек, почувствовав себя
Товарищем среди людей свободных,
Увидел свет, сияющий вдаль,
Свет равенства всеобщего и братства,
И стал к нему стремиться всей душой,
Увидел счастье в этом достиженьи
И красоту почувствовал в борьбе
За высший идеал социализма.
О красота, о прелесть возрожденья!..
Твой дух незримо веет над землею,
Твой лик—божествен; не найти сравненья
С величественной этой красотой!

Голос из хора.

Пропойте же усопшему хваленья!
Участник он работы мировой,
Частица он великого движенья,
Для нового в веках сооруженья
На склоне лет принес он камень свой.

Юноша.

Он в миг опасности схватил оружие
И впереди товарищей пошел;
Навстречу им пылали дикой злобой
Глаза громил, чьи хищные инстинкты,
Таящиеся в звере-человеке,
Толкали на убийство и грабеж.
Но против банд грабителей отважно
Шла маленькая кучка молодежи,
Которую вел старец; в каждом сердце
Была готовность храбро умереть,
Расцветшая, как пурпурная роза.
О, как ее чудесный, алый отблеск
На юношеских лицах ярко вспыхнул,
Когда, столпившись вместе, молодежь,
С решимостью погибнуть в этом бое,
Запела хором громкий гимн свободы!
Вот тут-то сердце старца загорелось,
И тотчас сбросил с ног своих он цепи,
Которые влачил так много лет;
Он понял, что отныне наступает
И для него и для его народа
Жизнь новая, свободная от пятен
Былого рабства, мрака и позора,
И, вдохновленный, ринулся он в битву,
Чтоб в жертву принести себя... Израиль!
Ликуй и пой: родился твой спаситель!

Голос из хора.

Раб сделался борцом и трус—героем;
В борьбе с насильем пал он и воскрес,

Возвысив дух священным этим боем
До синевы сияющей небес
Пропойте же усопшему хваленья;
Участник он работы мировой,
Частица ой великого движенья,
Для нового в веках сооруженья
На склоне лет принес он камень свой.

Другой голос.

Знамена красные склоните,
И ими тихо осените
Героя славное чело,
И крови ток остановите
Из ран зияющих его.

Юноша.

Он мир себе нашел в великом братстве,
В товарищах—и родину и ласку;
Освободите же его от старых
Ненужных, утомительных обрядов,
Он сам от них навеки отказался,
Откинув прочь решительной рукою.
Товарищи! покойного несите
Не на сырое, темное кладбище
Его народа, где родные старца
В земле зарыты, где, в траву уткнувшись,
Их женщины вопят и завывают,
Обычай древний строго соблюдая
И преклоняясь перед мрачным прошлым,
Которое для вялых душ их стало
Законом и кумиром вековечным.

Нет, пусть, согласно новому обряду,
Который всех других смелей и чище,
Он приобщится к вечному покою,
Объединившись с братьями своими
И в смерти так же, как объединился
Со всеми ими он в борьбе за правду;
Пусть их сожжет одно и то же пламя,
Пусть разнесет, развеет тот же ветер
Их светлый пепел по земле широкой.

Голос из хора.

Не новая раса, не новый народ
На смену другим народились,
Среди человечества крепнет теперь
Великое мыслью единство;
Наш старец усопший—питомец его,
Единство—отечество старца.
На жертвы готовая—к братьям любовь
В сиянии радужном славы
Пусть спутницей будет герою-борцу,
Пусть с звучным, торжественным пением
Введет его в светлый, великий чертог,
Что был человечеством создан
Для славных героев, погибших в борьбе
За братство святое народов,
И пусть среди ликов героев других
Сияет лик доблестный старца.

(Юноша возвращается на свое место; из хора выступает девушка и указывает на другие носилки, на которых покоится труп неизвестной девушки).

Голос из хора.

О наша бедная сестра,
Увядавший наш цветок!
Кто повесть прежних дней твоих
Нам рассказать бы мог?
Кто знает о твоей судьбе,
Кто дух осветит твой,
Чтоб, вспоминая о тебе,
Мы крепили пред борьбой?

Молодой рабочий

(выступает вперед и останавливается у носилок).

О сестры, я о ней вам расскажу;
Сплетались вместе тесно наши души;
Мы почерпали новые идеи
Из одного источника; однако,
Я часто колебался, а она
Не знала ни сомнения, ни страха;
И вот, теперь рыдаю я над ней,
Как сирота над матерью родною.
Я расскажу, как ярко нам светила
Ее любовь среди волнений наших.
Она была не из среды рабочих,
Нужды, забот—она не знала в детстве,
Из пышного, богатого чертога,
Где юность протекает в наслажденьях,
Она спустилась к нам в юдоль печали
По собственному чистому влеченью
И молвила: „Товарищи, считайте
Меня отныне вашею сестрою,
Я молода, бодра и обладаю
Решительным и не трусливым сердцем“.

И с этого счастливого мгновенья
Ее душа, горячая как пламя,
Нас согревала в наших подземельях
И, с нежной материнскою любовью,
Поддерживала юных, как и старых,
Во всякую тяжелую минуту.
Она была свежа, стройна, красива,
И посреди толпы мужчин рабочих,
Суровых видом, иногда и грубых,
Она всегда казалась воплощеньем
Той высшей, той духовной красоты,
Которая являлась идеалом
Для многих нас, волнуя наше сердце.
В ее словах, и пламенных, и ясных,
Нам открывался новый, светлый мир,
К которому так страстно мы стремились;
И взор ее и все ее движенья
Чарующей дышали теплотою...
Когда, подчас, спор резкий возникал,
Она умела быстро успокоить
Всех спорящих; в опасную минуту,
Когда случалось даже самым смелым
Спокойствие терять и падать духом,
Ее задорный, серебристый смех
Вмиг разгонял сгустившуюся тучу.
Да! из ее души, отваги полной,
Всегда пылавшей братскою любовью,
Мы черпали, как из обильной чаши,
Идеи братства, равенства, свободы.
Однажды, помню, нам она сказала:
„Средь слов, произносимых человеком,
Нет выше слова светлого „товарищ“;
В нем чувствуется ангельская речь“.

Она была звездою путеводной,
Указывавшей ясно нам дорогу,
Наперекор лишениям и нужде,
К тем берегам далеким, где сияет
Свет жизни, побеждающий и смерть.
„О друг мой!“ говорила мне она
С улыбкою, светившейся сквозь слезы:
„Любовь тогда лишь будет чистой, светлой,
Когда объединимся мы всецело
Под знаменем величественным братства“.
И вот она, убитая, лежит,
Бесценная подруга дорогая...
У всех, кто знал ее, запечатлен
Ее святой и незабвенный образ...
О сестры! я не в силах говорить,
Ведь наши души слишком были близки,
И я теперь один, как сирота...

Голос из хора.

Тебя цветами на прощанье
И тихим пением почтим,
Всю жизнь твою, твои деянья
Потомству мы передадим
И о тебе воспоминанья
На веки в сердце сохраним.

Петров

(подходит к носилкам и смотрит на мертвую с отеческим
умилением).

О чистая душа! ты взмахом крыльев
Порвала сети роскоши преступной;
Ты дорогим явилась к нам цветком,
Твое благоуханье не исчезнет

Из сердца тех, кто знал тебя, сестра.
Ты не жалела о богатстве, блеске
Покинутых с презрением тобой,
О роскоши, в которой гибнут души...
Мы рады, что в союзе нашем братском
Сокрыла ты свое живое сердце;
Ведь лучше здесь увидеть только утро
С зарею светлой будущей свободы,
Чем там прожить весь долгий, скучный день,
Душою умирая постепенно
Среди холодных, каменных сердец.
Мы плачем, но не горькими слезами.
Мы знаем, что твоей великой жертвой,
Твоею смертью светлой и прекрасной
Ты утолила пламенную жажду
Твоей души; ты жаждала увидеть
Восход зари; его ты увидела!
А в нашем сердце, в сердце наших братьев,
Ты, как алмаз, светиться будешь вечно.

Голос из хора.

Цветами нежными венчайте
Ее холодное чело,
Сестру свою благословляйте
И никогда не забывайте
Того, что было в ней светло.
И пусть о ней воспоминанье
Вас от сомнений исцелит,
И, вызвав жажду подражанья,
В душе возвышенной желанье
Такой же жертвы пробудит.

(Они покрывают тело усопшей цветами и отходят в сторону.
Сгорбленная женская фигура приближается к носилкам).

Голос из хора.

Еще цветок оторванный сурово
Грозой от хрупкого стебля.

Другой голос.

И мы поем напев надгробный снова,
И примет жертву новую земля.

Мать

(приблизившаяся неуверенным шагом к носилкам).

Что матери, добрые люди,
Про сына сказать своего?
О смерть! ты безжалостно рано
Наметила в жертву его.
Безвременно юная сила,
О сын мой, угасла в тебе;
Ты больше не примешь участия
В начавшейся грозной борьбе;
Твоим пробудившимся мыслям
Теперь никогда не созреть,
И радостно жизненной правде
В сознания твоем не гореть!
Товарищи дружной семьею
Пришли, чтоб тебя провожать,
В глазах у них радость победы,
Которой тебе не узнать.
Тебе из источника жизни,
Журчащего светлой струей
Не черпать живительной влаги,
Которой ты жаждал душой.

Погибли твои дарованья,
А были они велики,
Не даром лелеяла с детства
В тебе я благие ростки
Да, скошен налившийся колос
И все драгоценное в нем,
На что возлагала надежды
Я трепетно в сердце моем
Не вынести мне испытанья,
Не в силах расстаться я с ним,
С моей дорогою опорой,
С единственным сыном моим.
(Падает у подножия носилок).

Первый голос.

Ах, плачьте о рано погибшем,
Изломан был бурей он.

Второй голос.

Пропойте над милым усопшим
Печальную песнь похорон.

Мария

(выступает вперед и кладет руку на плечо матери).

Нет, не надо слезных песнопений!..
Мать! твоим рыданьем безутешным
Не смущай ты наших ликований!
Пусть над прахом юного героя
Пронесутся стаей лебединой
Песни жизни, песни обновления;
Пусть напев, как голубь серебристый,

Тихо реет с мягким взмахом крыльев
Над его безвременной могилой;
Пусть над ним бесшумно веет ветер,
И цветы благоуханьем дышат,
Как над урной молодого бога.
Не успел наш юноша согнуться
Под ярмом позорящим неволи,
Не пятнал души он себялюбьем;
Он стоял в лучах зари пурпурной
С чистым сердцем, с чистыми руками;
В нем горело искреннее пламя,
И он жаждал подвигу отдаться,
Принести себя для братьев в жертву;
Видел он, как жизнь преображалась,
Слышал громкий крик: „Во имя братства!“
И рванулся он вперед отважно,
И земля вокруг него сияла,
Чист был воздух, чуялась победа,—
И он пал в сознании отрадном,
Что в борьбе свобода победила;
Слышал он, как клики ликованья
Проносились всюду над землею
По деревням, городам, по селам,
По лесам и по полям широким...
Вдруг все стихло, и,—как меркнет в небе
Под-вечер сиянье золотое
За холмами скрывшегося солнца,—
В нем сознание искрой промелькнуло,
Что настал желанный миг победы,
Промелькнуло—и исчезло в бездне...
Так не плачьте об усопшем, сестры:
С первым же глотком из кубка жизни
Он изведal истинную сладость.

Голос из хора.

Осыпьте героя живыми цветами,
Нежнейшую песню ему напевая,
И будет витать его образ незримо
По рощам тенистым грядущего рая.

Мария.

Нам отрадно, путь закончив жизни,
Отдавать слабеющие силы
В пользу братьев; мужественной смертью
Смыть позор неволи с поколений;
Но отрадней, пробудившись рано
На заре, отдать всецело в жертву
Чистое, младенческое сердце;
Дар прелестной юности пылает
Ярче всех на алтарях свободы.
Мать! Взгляни же, подавив рыдания,
Потускнвшими от слез глазами
В даль времен, и ты увидишь сына
В ярком блеске, как звезду востока
На начавшем озаряться небе.

Голос из хора.

Нет ничего прекраснее, о братья,
Чем смерть в расцвете лет, в лучах победы,
В ней—высший жребий, лучшее, что может
Дарить судьба избранникам-любимцам.

Другой голос.

Осыпьте же его цветами мая.

Первый голос.

Пропойте же напев ласкающий над ним.

Второй голос.

В садах цветущих будущего рая
О нем навек мы память сохраним.

Петров.

Остановите взор печальный
На тех, кто смело шел вперед,
И пусть вам этот миг прощальный
Глубоко в душу западет.
Их ждет великая могила,
Они жизнь отдали за нас,
Врагов насилие их сломило,
Но дух свободы не угас.
Пусть образ павших, незабвенный,
Среди упорствующей тьмы
Укажет вам на долг священный..

Хор.

Их вечно будем помнить мы.

Петров.

Пусть раны, кровью истекая,
Вас видом потрясут своим
И, жажду мести пробуждая...

Хор.

Мы отомстим, мы отомстим!

Петров.

Пусть подвиг их, как гимн победный,
Всех в час невзгод уносит в высь,
А мертвых лик немой и бледный
Напомнит вам...

Хор.

Мы поклялись!

Христалов.

Друзья! Подняв победы знамя,
Несем туда их, где до тла
Всеочищающее пламя
Сожрет их бранные тела.
В огне борьбы их жизнь, их сила
Была пред нами сожжена,
Теперь их смерть объединила,
И прах борцов одна могила
Принять с любовью должна.

Занавес опускается на несколько мгновений. По поднятии его, носилки исчезли; хор расположен, как в первом действии, по обеим сторонам нижней платформы. Христалов и Петров занимают место на верхней платформе, куда поднимается Измаил для разговора с ними.

Измаил.

Христалов! К нам пришел солдат и просит
Впустить его сюда в собрание наше;
Он от своих товарищей принес
Венок, чтоб возложить на павших братьев,
И говорит, что важное имеет
Он порученье к выборным Совета
Рабочих депутатов.

Христалов.

Пусть возложит
Он свой венок... Впусти его сюда—
Немедленно. (входит солдат).

От имени рабочих,
Твоих друзей, приветствую тебя,
Как нашего товарища. Не мало
Начальство ваше натравляло вас
На нас на всех, как на врагов народа,
Вам отравляя сердце черной ложью
И смертным ядом ненависти злобной,
Меж тем как мы, рабочие, давно
Ведем борьбу, рискуя нашей жизнью,
Лишь для того, чтоб дать возможность всем
Трудящимся жить по-людски; чтоб солнце
Свободной жизни также засияло
И для солдат... С чем послан ты сюда?

Солдат.

Товарищи! Андреевский наш полк
На сходке, бывшей во дворе казармы,
Мне поручил вам передать, что мы,
Солдаты, выносить не в силах больше
Собачью нашу жизнь и притеснения,
Которыми замучены мы все.
Нас кормят плохо, голодны всегда мы.
Одеты мы в какие-то лохмотья,
Ни днем, ни ночью нет покоя нам:
Тягчайшая сторожевая служба
И под дождем, и под палящим солнцем,
В метель, в мороз трескучий—для охраны
Заводов, фабрик, рельсовых путей—
Нас извела. Пусть охраняют сами

Хозяева иль слуги их все то,
Что ценно так для них, а мы не будем!
А бешенство и грубость офицеров,
Неистово ругающих солдат
За самую малейшую провинность!
Презрительный их тон и взгляд на нас,
Который нестерпимо оскорбляет
Так, что подчас не в силах мы сдержаться,
Чтоб не ответить... а за это—смерть,
Иль долгое сидение в остроге.
А частые тягчайшие взысканья
За каждый незначительный проступок!
Холодный карцер, и сырой, и душный,
Где мучишься на каменном полу,
Съедаемый миллионом паразитов,
Не зная сна, все ночи напролет!..
Довольно!.. Нет, мы натерпелись вдоволь,
Не будем дольше этого сносить,
Пусть знают, что мы люди, а не звери.
Составив список требований наших,
Мы выборных послали к командиру
Ему тот список в руки передать;
Мы ищем человеческого права
Не более, а если нам откажут,—
Мы возмутимся и свое начальство
Перестреляем, как негодных псов!
И вот, мы обращаемся к Совету
Рабочих депутатов с важной просьбой:
Нас поддержать при этом выступлении!
Коль вы согласны, то солдаты просят
Прислать со мною нескольких из вас
Для обсуждения данного вопроса
В сегодняшнем же нашем совещании.

Христалов.

Скажи твоим товарищам, что все
Терпящие от власти притеснения
И смело восстающие на власть
Найдут в рабочих полную поддержку,
Что мы окажем помощь им в борьбе
За их права, и что умы рабочих
Придумают, как им соединить
Всех угнетенных, чтоб одним ударом
Повергнуть тех, кто угнетает их.
Скажи, что мы воспрянули душою,
Узнав о пробуждении в войсках,
Что мы полны надежд и ожиданий.

Петров.

Еще скажи товарищам твоим,
Что нас, рабочих, угнетают те же
Лишения и та же тягота,
Которых вы сносить не в состоянии;
Питаемся заплесневшим мы хлебом,
Мы носим в стужу жалкие лохмотья,
Похуже ваших; целый день в работе,
Тяжелой, изнурительной; мы терпим
Во всем несправедливости и грубость;
На нас кричат; а нашим дочерям
Приходится нередко подвергаться
Жестоким оскорблениям от хозяев,
Терпеть их вызывающие взгляды,
Позорные и грязные намеки..
Все наши выступления, забастовки
И жертвы все—направлены к тому,

Чтоб облегчить, улучшить положение
Порабощенных масс.. Товарищ! Ясно ль
Тебе теперь, что плечи как рабочих,
Так и солдат согнуты тем же самым
Убийственным, позорящим ярмом?
Что нас и вас впрягали в одну и ту же
Высокую, большую колесницу
И принуждают варварским насилием
Везти ее все дальше, все быстрее;
На ней же, наслаждаясь, сидит
Один и тот же общий наш хозяин?
Рабочие хотят добиться прав,
Условий лучших для своей работы,
Свободы слова, стачек и союзов
Свободы независимой печати,
Рабочий добивается того,
Чего и вы желали бы добиться:
Условий лучшей жизни и притом
Для всех трудящихся.. Так вот, товарищ,
Причина, почему толпы рабочих
Волнуются и шумно наполняют
Все улицы немолчным, нервным гулом
И звуками величественных песен;
Вот для чего они ведут борьбу,
И оттого-то власти называют
Опасными крамольниками нас,
Приказывая вам стрелять в рабочих,
Как во врагов, в изменников... И вот,
Что видим мы? Те самые солдаты,
Которые вчера готовы были
Направить против нас свои винтовки,
Нам грозно загораживая путь
Стальных штыков сверкающей оградой,

Сегодня посылают к нам тебя
За помощью в борьбе, подобной нашей...
Но что случится завтра? Как придется
Нам встретить вас? С направленными ль грозно
Винтовками—все также против нас,
Иль встретимся мы братьями, и будет
Твой славный полк на нашей стороне?

Солдат

(сначала говорит смущенно, но потом все свободнее и свободнее).

Когда вчера нас повести хотели,
Чтоб шествие оружием разогнать,
То многие идти не соглашались;
Глухой пронесся ропот по казарме,
Послышались отдельно голоса,
Твердившие нам то, что ты, товарищ,
Мне только что сказал; они клеймили
Нас трусами, изменниками, если
Мы согласились бы стрелять в народ,
И убеждали не повиноваться.
Смутились мы, не зная, что нам делать.
Но наши офицеры нам сказали,
Что будто бы евреи и японцы
Убить царя—рабочих подкупили,
Чтоб после меж собою поделить
Всю нашу землю, если бы восстанье
Им удалось... И вот, обильно водкой
Поить нас стали наши офицеры,
И сами пили, чокались, шутили,
Голубчиками называли нас,
Побрякивали ласково рублями,

И обещали всех вознаградить,
Коль мы пойдем, согласно приказанью.
Мы колебались, но пошли, однако,
По принужденью, очень неохотно;
Должны мы были шествие рассеять,
Что шло вчера из университета,
Где был громадный митинг. Вам известно,
Что тут случилось; пашками хотели
Мы разогнать толпу, но вы стояли,
Не дрогнув, неподвижною стеной.
Нам говорили: „не жалеть патронов“;
И выстрелило несколько солдат,
Не дожидаясь даже приказа
Открыть огонь; нам ясно было видно,
Как некоторые в густой толпе
В объятия товарищей упали
Бесшумно, словно скошенные стебли.
И вдруг среди тишины раздался голос
Какой-то женщины: „Ну чтож! стреляйте!
Мы вовсе не боимся ваших пуль,
Давайте нам иль смерть или свободу!“
И тысячи свою раскрыли грудь,
И зазвучало громовое пенье...
Мы замерли, и жутко стало сердцу,
И каждый с содроганьем ожидал,
Что дальше будет, сам не понимая,
Как он поступит в следующий миг.
Однако же, нам не дали приказа
Стрелять в толпу. И мимо нас прошла
Толпа людей с величественным пеньем;
За рядом ряд, подобно волнам моря,
Чредою появляясь, проносился;
В толпе сияли лица от восторга,

Глаза горели непреклонной волей;
А мы стояли молча, недвижимы,
И вглядывались в шумную толпу.
Нас повели опять назад в казарму,
И грустными туда мы возвратились,
Отверженными чувствуя себя.
И многие из нас в тот самый вечер,
Украдкой сходясь, постановили...

(Колеблется продолжать).

Измаил.

Что, что постановили? Поскорее
Все нам скажи, товарищ!

Солдат (уверенно).

Не стрелять
Отнюдь в народ; а если нам прикажут,
То выстрелы направить против тех,
Кто дал приказ... Не в силах видеть больше
Мы женщин и детей, сраженных пульей,
Со взорами страдальческими. Нет,
Чтоб ни случилось...

Мария (бросаясь к солдату в величайшем экстазе).

О товарищ! брат мой!
Что можем мы на это вам сказать?
Чем выразить вам нашу благодарность?
Кошмар тяжелый роковых сомнений,
Нас мучивший жестоко день и ночь,

Рассеялся, как черные виденья
Перед восходом солнца; лишь теперь
Вздохнуть легко мы можем полной грудью.
О, как бедны слова, чтоб передать
Те братские, те искренние чувства,
Которыми полна у нас душа!
О если б те, которых мы хороним
Услышали слова свои, товарищ!
О если б им хотя-б на миг проснуться,
Чтоб посмотреть, какой обильной жатвой
Ваошла их кровь на той сухой земли,
Которую полили этой кровью. (К солдату).
Товарищ! пусть твой взор не избегает
Светящихся тебе навстречу взоров!
Мы руку все теперь тебе пожмем,
Отверженцамн вам не быть уж боле,
Вы—наши и товарищи, и братья,
И смоемся с вас темное пятно
Прошедшего... Идем скорей в казармы,
Чтоб вызвать к жизни бедные сердца
И им сказать свободы светлой слово,
Которое из мрака вырвет их...

Солдат (с удивлением):

Возможно ли? Как! Это ты, Мария,
Которая так часто появлялась
На фабриках, чтоб подстрекать рабочих
К протестам, к забастовкам?.. Нам сказали,
Что ты была какой-то злой колдуньей,
Чертовкою, и высосать хотела
Кровь царского младенца... И ты можешь
Так говорить, так нежно жать мне руку?..

Ты смотришь на меня с такою лаской,
Так дружески... ты мне согрела сердце...
Не правда ли, ты мне добра желаешь?..
В твоих глазах так много теплоты..
А я... о Боже мой!.. ты и не знаешь
Кем был я прежде...

Мария (очень тихо).

Не желаю знать!..

Да и никто об этом не желает
Здесь слушать; знаем мы лишь то, что ты
Очнулся от тяжелого кошмара,
И что душа твоя потрясена
Раскаяньем, слаба, как у младенца.
Мы, женщины, умеем лучше всех
Целить такие страждущие души.

Петров

(следивший с выражением все возрастающего беспокойства
за предшествующим).

Скажи, солдат: а прочие полки
Готовы ли последовать за вами?
Подточены ли также и у них,
Как и у вас, оковы дисциплины?
Иль, может быть, угрозы испугавшись,
Они, по старой, вьевшейся привычке
Повиноваться слепо приказаньям,
Исполнят механически все то,
Чего от них потребует начальство?
Как поведут они себя, когда
Прикажут им, узнав о нашем бунте,
Вас окружить и разгромить казармы

Огнем орудий? Могут ли они
Начать единодушное восстанье?
Иль до сих пор невежество слепое
Их крепко держит в омуте своем,
Как вас самих еще вчера держало,
И чуждые тому, что ты сказал,
Они стрелять готовы будут в братьев?
Нам крайне важно знать сейчас все это,
Чтоб приступить совместно к обсуждению,
Как действовать и как решить вопрос.

Солдат.

Уверены вполне мы, к сожаленью,
В немногих лишь полках; они поддержат
Нас без сомненья в случае восстанья;
Но есть, однако, и полки такие,
Которые остались до сих пор
Игрушками в руках у командиров;
Там наглая бессовестная ложь
О замыслах революционеров
Покрыла душу детскую солдата
Такой густою черной пеленой,
Что сквозь нее еще никак не может
Проникнуть молодое солнце правды.
При первом же приказе выступать
Полки такие (к счастью, их немного),
Как на зверей, накинутся на нас.
Но большинство полков, на сколько знаю,
Колеблется; в сердцах солдат идет
Ворьба меж долгом совести и службы,
И—что из двух одержит верх в тот миг,
Когда придется принимать решение,—
Заранее никак не предсказать.

Петров (строго).

А если так, то осторожность, друг мой,
Велит нам день восстанья отложить.
Начнем его тогда, когда мы будем
Перед собой все признаки иметь,
Что даже нерешительные вступят
В ряды восставших и поддержат нас.
Теперь, я нахожу, что слишком рано
Вам начинать открытый, явный бунт;
Ты видишь сам, что войско не созрело,
И большинство огромное полков
Не двинется, чтоб поддержать восставших.
Еще идеи наши не проникли
В их серую, забитую среду;
Мозги крестьян работают не быстро.
Повремени, повремени, товарищ!
Дай пропаганде время просветить
Их темные мозги, посеять семя
Сознательности; жатва золотая
Под знойным ветром, веющим в России,
Созреет скоро... скоро, но не сразу,
Не в ночь одну... Так пусть твой полк отложит
Великий и рискованный свой шаг;
Пусть мужество в сердцах еще окрепнет;
Нам надобно колеблющихся двинуть
Еще на шаг значительный вперед,
Пусть перейдут они ту грань сомнений,
Которая задерживает их;
Необходимо нам еще немного
Подмыть утес, загородивший путь
Широкому, свободному разливу
Сознания среди солдатских масс.

Не упускай из вида: мы к победе
Должны теперь уверенно идти,
Не наугад, но взвесив все условия.
Уговори товарищей своих
Повременить; верь, время не настало..

Солдат.

Но чаша наших мук полна до края,
Мы слишком долго ждали и не можем
Ждать долее; терпение солдат
Истощено; они давно готовы
К восстанию, и трудно их сдержать.
Не повторяйте тягостного слова,
Столь сильно ненавистного душе:
„Повремените“! У меня остался
Тяжелый от него осадок в сердце;
Скажи скорее: „смело поднимайтесь!“
Вот это слово радостно звучит..
Да, поднимайтесь смело, а не ждите..
Стремление к открытому восстанью
Нас давит так, как стиснутый в трубе
Поток воды; словесной слабой пробке
Не удержать напора сжатых вод;
Мы не хотим загадывать трусливо,
Что завтрашний принести нам может день;
День завтрашний пусть сам себе поможет.
Мы требуем у своего начальства
Законных прав и, если нам откажут, —
Взбунтуемся...

Петров (с горечью).

И этим повредите
Лишь делу угнетенного народа,

Который с вами нераздельно слит;
Погубите тогда себя вы сами,
Став первую и бесполезной жертвой
Шального, необдуманного шага...

Христалов

(твердо и спокойно перебивает его, обращаясь в свою очередь к солдату).

Но все же в нашей помощи, товарищи,
Мы вовсе не отказываем вам,
И, что бы ни решила ваша сходка,
В решительный момент мы будем с вами,
Все, что возможно, сделаем для вас,
От всей души поможем вам — с надеждой,
С уверенностью в близости победы,
С тем пламенным порывом, что не раз
Нас пронесил чрез море испытаний
И далее теперь нас понесет
К намеченной, заветной нашей цели.
А что касается до той картины,
Которая так сумрачно тебе,
Мой друг Петров, рисуется в дальнейшем,
То кто из нас решится утверждать,
Что именно она осуществится?
Никто не может предсказать исхода,
Зависит он от тысяч обстоятельств,
Их невозможно всех предугадать..
Назрел ли миг для общего восстания?
Такой вопрос не могут нам решить,
Поверь мне, никакие исчисления;
Ведь многое от смелости зависит;
Что может лучше разбудить народ,

Отвлечь его от повседневной жизни,
Сознания искру в массы заронить,
Как не восстанье это? Бунт открытый
Вооруженных войск для власти страшен,
И не на шутку испугает тех,
С которыми нам суждено бороться,
Тогда как нас ободрит сильно он,
Зажжет сердца надеждой на победу.
Бунт может разрастись, распространиться,
Как пламя в куче хвороста; он может
Стать поворотным пунктом в нашем деле
И понести стремительно нас всех
К победе окончательной и прочной.
Итак, друзья, оставив колебанья,
Приветствовать должны мы смелый бунт,
Коль грянет он безудержной волною
В исполненных решимости сердцах.

Измаил.

Христалов! небо прояснилось снова,
Свободней заструилась в жилах кровь.

Рабочий

(прибегает в сильнейшем волнении).

Бунт, вспыхнул бунт в Андреевском полку!..
Все офицеры заперты в казармах
Под стражею, а командир убит!
Когда к нему явились депутаты,
Чтоб предъявить от имени полка
Ряд требований, принятых на сходке,
Он их не стал выслушивать, но тотчас
Всех вожakov велел арестовать.

На это возмущенные солдаты
Ответили ударами штыков;
Полк взбунтовался, овладел казармой
И вестников повсюду разослал,
Чтоб в остальных полках найти поддержку.

Другой рабочий

(врывается, полный радостного одушевления).

О радость! Над Андреевской казармой
Сейчас высоко поднят красный флаг!
Открыты настежь все ворота; шумно
Со всех сторон рабочие идут
Во двор казарм огромными толпами,
И с ними там братаются солдаты;
У всех глаза надеждою горят,
Везде гремит победный гимн свободе,
Не встретите нигде вы хмурых лиц,
Растроганные женщины рыдают
От радости; настроена толпа
Восторженно; подъем у всех громадный,
И в этом море теплых, братских чувств
Все мрачное бесследно потонуло.

Углекоп.

Чудесное, невиданное время!
Ты ароматом опьяняешь нас,
В избытке чувств теряем мы сознание!
Такое счастье нам не по плечу,
Хоть мы привыкли к непосильной ноше
Лишений, притеснений и нужды!
Но правда ль это? Может быть, лишь сладкий,

Ласкающий, но мимолетный сон?
 Обманчивый мираж воображенья?
 Нет, это правда! С радостью читаю
 Я подтверждение этому на ваших
 Восторженных и просветленных лицах,
 Мой старый слух словами не обманут;
 Мои глаза увидят бедных братьев
 Восставшими из сумрачной неволи
 Вдыхающими чистый, вольный воздух!
 О, сколько раз хотел я умереть,
 Я жаждал смерти, ждал, как избавленья
 От тяжких мук бесправья и нужды...
 Не мог я видеть больше угнетенных
 Товарищей, их истомленных лиц...
 А вот теперь нежданно солнце счастья
 Согрело сердце дряхлое мое,
 И, как скупец свой клад, желаю жадно
 Я сохранить остаток дней моих...
 В моей груди опять трепещет сердце,
 Я чувствую, что заново живу.
 О дети! Как прекрасно, как роскошно,
 На радость нам, жизнь ваша расцветет!
 Как много звезд спасения и счастья
 Теперь для вас в сиянии взойдет!

Христалов

(торжественно и воодушевленно, в то время как все окружают его).

Да, день настал, товарищи,—тот день,
 К которому не мало поколений
 Так судорожно простирало руки,
 Так страстно устремлялось жадным взором,

В мучительном, томящем ожиданьи,
 То веря, что желанный день наступит,
 То горестно утрачивая веру,
 Считая этот день недостижимым.
 В те нестерпимо тягостные дни
 Мерцание, хоть слабое, надежды
 Единственным являлось утешеньем,
 И жили люди сладостной мечтою.
 Но мы, счастливы, видим на яву
 Все то, о чем несчастные мечтали,
 И целый рой волшебных сновидений
 Для нас теперь действительностью стал.
 То золотое будущее, братья,
 Которого искал их жадный взор,
 Для нас настало, мы его достигли;
 Мы создали тебя, благословенный
 Порог свободы; создали корабль,
 Несущий человечество по волнам
 Вдаль, к берегам неведомого счастья;
 Мы создали ряд новых ступеней,
 Ведущих к храму истины и мира.
 То, что казалось жившим прежде нас,
 Туманными виденьями фантазий,
 То совершилось, мы стоим на нем,
 Как на вполне реальной, твердой почве.
 Но все же мы не лучше, чем они,
 Предшественники наши... Жить в такое
 Великое, сияющее время,
 Когда в один решительный удар
 Слились народа творческие силы,
 Не есть заслуга, это—наше счастье!
 А к этому высокому хребту,
 Где мы стоим вливая полной грудью

Дыханье опьяняющей свободы,
Вело не мало роковых путей,
Крутых, опасных, где погибло много
Товарищей, принесших в жертву жизнь,
Чтоб дать возможность нам на этой выси
Теперь стоять в победном ликованьи.

Петров.

Но я боюсь, что так же сгинем мы,
Вослед за кратким пиршеством свободы,
Готовя для товарищей далёких
Победы торжество...

Измаил.

Вернулись наши!

(Хор, удалившийся с носилками, появляется снова).

Голос из хора.

Исчезло, сгорело
Их бrenное тело
В стихии могучей, в струе огневой;
Костер еще тлеет...
Пусть ветер развеет
Оставшийся пепел и прах дорогой.
Их сердца биенье,
Очей выраженье,
Их кровь—перейдут в золотистый покров
Колосьев душистых,
В ткань листьев росистых,
И в травы колеблемых ветром лугов.

В дни светлые мая
Трава луговая
Раскинется сочным, зеленым ковром,
Животных питая,
Стада украшая
Блестящим, пушистым, богатым руном.

Другой голос.

В утробе вселенной
Чредой неизменной
То меркнет, то вспыхнет опять огонек,
Так сменой вечной,
Живой, бесконечной
И создан трепещущей жизни поток.

Первый голос.

На веки не сгинет
Все то, что покинет
Свою оболочку; с течением лет
Оно возродится,
И будет амеяться
По лону природы хоть маленький след.
Во мраке могилы
Не сгинут ни силы,
Ни жертвы во имя великих идей,
Но будут чудесней
Немолчною песней
Звучать в поколениях, как волны морей.
Величье народа,
Довольство, свобода
Есть труд поколений, их крови, их слез,

И для созиданья
Великого аданья,
Усердствуя, каждый свой камень принес.

Второй голос.

Погибшие зерна
Кружатся проворно
В предвечном пространстве полей бытия,
Где можно потоку
Вернуться к истоку;
Так бьет непрерывная жизни струя.

Христалов.

Как кротко светит радостное солнце,
Лаская нас лучами золотыми!
Как тихо плещет море, шепчет ветер,
В единую для нас сливаясь песню,
В единую мелодию природы!
И как могуче, как победоносно
У нас в сердцах звучит порыв к свободе!
Счастливы мы, живущие сейчас!
Счастливы мы, когда земля и небо
Для нас теперь как будто слишком тесны,
Чтоб радость бесконечную вместить,
Наполнившую нам до края сердце!
В великом, ярком нашем возрожденьи
Предстанем мы перед землей и небом.
О вы, стихии: море, воздух, солнце,
Земля, еще дымящаяся кровью
Бойцов, сраженных за идею братства,
Ты, мерзкий город, чьи немые стены

Украсили мы блеском нашей славы,
Смотрите же, чего достигли мы,
Взгляните на плоды победы нашей,
На наш восторг, на наш подъем духовный,
И глубоко впитайте их в себя,
Чтоб и лучи полуденного солнца,
И блеск лазурный голубого неба,
И шорох ветра в стройных тополях,
И этот шум и плеск немолчный моря,
Чтоб вся природа с яркою игрою
Ее кипучих, животворных сил—
Хранили на себе печатью вечной
Сияющий, величественный образ
Всего того, что совершилось здесь:
Великого, решительного шага
Рабочих масс к свободе и к правам!
О, золотое солнце! никогда
Еще лучи твои не озаряли
Таких счастливых на земле, как мы,
Стоящие в твоём роскошном блеске!
О, обожги нас, золотое солнце,
Твоим горячим, огненным лобзаньем,
О поцелуй, как мать целует сына,
Увенчанного лаврами победы,
Когда он возвратился в отчий дом!
Сегодня мы, о солнце, победили:
Клянемся мы торжественно тобой,
Сильнейшее из всех творений мира,
Могуче обновляющее жизнь,
Клянемся чудной силой, исходящей
Из твоего сверкающего лика,
Твоими животворными лучами,
Так пламенно ласкающими нас,

Клянемся мы, что сохраним навеки
На благо человечества тот новый,
Тот чистый, драгоценный свет свободы,
Который в нас так ярко засиял!

Голос из хора.

Клянемся мы стереть с воскресшей жизни
Былого рабства черное пятно,
Клянемся—до последнего дыханья
Хранить свободы лучезарный лик!

Второй голос.

Клянемся мы не потерпеть, чтоб снова
Зловонное дыхание насилья
Нам отравило чистый, вольный воздух,
Которым мы по праву дышим здесь.

Третий голос.

Клянемся жить под ярким, теплым светом
Свободы мысли, слова и печати,
Где миллионы умственных лучей,
Как в зеркале блестящем отразятся.

Четвертый голос.

Клянемся не стерпеть, чтоб кто-нибудь
Коснулся святотатственной рукою
Свободы беспрепятственных собраний,
Которую добыли кровью мы.

Христалов.

О вольный ветер, дующий спокойно
К нам с запада! ты освежаешь нас,
Разгоряченных тяжкою борьбою,
Ты осушаешь нежно пот с чела...
О ветер! принеси на мощных крыльях
Нам с запада идей великих семя:
Социализм—созданье Карла Маркса,
Проникший, как волшебный яркий луч,
В глубь океана нашей тусклой жизни
И сделавший его до дна прозрачным;
Луч этот также озарил глубины
Страданий наших; он нас научил,
Как побеждать; вооружил нас руки
Могучей силой мудрости; он дал
Возможность нам постичь во всем величьи
Значение событий мировых;
Бессмертные идеи Карла Маркса
Великое деянье совершили!..
О ветер! ты, несущий смелость мысли,
Энергию и творческую силу,
Поющий нам о доблестных победах
Товарищей на западе, а также
О поражениях, более достойных
Почета, чем все славные победы;
О поражениях, жертвами мостящих
Кровавыми нам путь к освобожденью!
Не покидай нас ветер! На мгновенье
Остановись, впитай в себя все слезы,
Что проливаем мы в избытке счастья,
Впитай в себя весь жар, все вдохновенье,
Всю силу наших пламенных сердец

И возвратись, подобно вольной птице,
Назад, на запад; там, минуя страны,
Где зародилось новое ученье,
Перенесись чрез синий океан
И передай товарищам далеким
Дух новой, возрожденной нашей жизни,
Порадуй их известием о нашем
Подъеме сил, о доблестной победе,
Как их победы радовали нас;
Пускай они услышат нашу клятву!
Мы поклялись,—теперь клянемся вновь,
Тобой клянемся, о могучий ветер,
Дающий людям благодатный дождь
И семена повсюду разносящий!
Клянемся, что не сложим наших рук,
Пока мы не очистим этот воздух
От смрада разложившегося трупа
Прошедшего и жизнь не обновим.

Голос из хора.

Тобой, чье влажно-теплое дыханье
Могуче пробуждает жизнь,
Клянемся, что и мы весну пробудим,
Весну сознания, мужества, надежды
В сердцах рабочих всей земли.

Второй голос.

Тобой, что вдаль всегда стремишься,
Чью песнь, во славу вечных сил
Любви, мы первыми постигли,
Клянемся здесь, что никогда

Нас не покинет жажда правды,
Нас не покинет жажда тех кристальных вод,
Которые нам освежают душу.

Третий голос.

Клянемся: высшие стремленья
Отныне не заглохнут в нас,
Но будут приводить в волненье
Нам сердце каждый день и час!

Солдат (входя).

Примкнули к бунту два полка пехоты,
Все остальные медлят; каждый миг
Грозит расстроить нам все наши планы;
Казачками оцеплена казарма,
И на нее направлены орудья;
Со всех сторон для усмирения бунта
Идут полки солдат остервенелых,
Отравленных как водкой, так и ложью.
Весь город полон всевозможных слухов:
В Москве как будто строят баррикады,
Республикой свободной отделились
Балтийские губернии... Крестьяне
Волнуются...

Рабочий (входя).

Железные дороги
Сегодня приступают к забастовке,
И если путь прервать теперь удастся,
Чтоб с севера доставить не могли
К нам свежих войск,—дела еще не плохи,

Надежда есть... Ведь большинство солдат
Колеблется, но доступ, к сожаленью,
К ним невозможен; зоркою охраной
Они окружены; вся атмосфера
Насыщена нависшею грозой,
Готовой разразиться; бурно мчится
Поток событий, сильно подмывая
Ту ледяную, толстую кору,
Которая нас сковывала долго;
Местами взломан ледяной покров,
И глыбы льда горою громоздятся...
О, еслиб знать, чем кончится все это!..

Мария.

Чем кончится? Пленительной весной!
Да чем же может кончиться иначе?
Минуют дни суровой непогоды,
Минуют ливни, свергнет лед река,
Повеет нежно теплый ветер мая,
И запестреют на полях цветы...
Что видим мы в природе, то и в жизни!
Товарищи! не бойтесь этих бурь,
Предвестников весны освобожденья!
Они несут с собой благоуханье
Всего того, к чему стремимся мы,—
Благоуханье равенства и братства!

Петров.

Мария, о Мария! если б розы,
Которыми ты ободряешь нас,
Действительно росли в реальной жизни,
А не в стране иллюзии и грез!

Христалов.

О долготерпеливая земля!
Под нашими победными шагами
Ты содрогнулась вся до самых недр!
Ты отличила шаг освобожденных—
Он звучен, бодр—от вялых тех шагов,
Которыми невольники ходили,
Едва влача измученные ноги.
О мать-земля! Не дрогнула ли ты
От радости, почувствовав, как твердо
Ступаем по тебе мы здесь впервые
Свободными, воскресшими людьми?
Ты знаешь ли, родная, почему
Шагов теперь не слышно одиноких,
Но шествуем толпой мы по тебе?
Хотим мы овладеть, земля, тобою
Все вместе, дружной, нераздельной силой;
Сосредоточив все твои ручьи
В один поток могучий, многоводный,
Пустить его по высохшим полям
На благо человеческого рода,
И пусть все человечество тобой
На равных основаниях владеет...
Все, все права, которые теперь
Отвоевали мы и отвоюем—
Являются не более, как средством,
Чтоб пользу человечеству принести,
Чтоб предоставить всем благодеянья
Твоих неисчерпаемых сокровищ,
О мать-земля!.. Услышь же нашу клятву,
И пусть ее раскаты громовые
Волнами разнесутся по тебе

До самых дальних стран; пусть все народы
Ее услышат и сольются с нами
В одном порыве братскою душой!..
Товарищи! Клянитесь же великой
И любящей нас матерью-землей!

Голос из хора (женский).

Клянемся мы волнистым колыханьем
Ее роскошных нив, ее степей,
Ее ветров полуденным дыханьем
И плеском волн бушующих морей.

Второй голос (также женский).

Клянемся мы зелеными лесами,
Раскинутыми на твоих холмах,
И высью гор, холодной и безмолвной,
Расселинами страшными в горах,
Где золото в твоих блистает недрах,
Алмазы и рубины средь камней,
Сокрытые под темной оболочкой,
Как мысль в мозгу под черепом людей.

Третий голос (также женский).

Клянемся мы твоею красотою
Великая, прекрасная земля!
Клянемся нашим дорогим сознанием,
Отрадно озаряющим всю жизнь,
Сознанием, что когда-нибудь тобою
Всецело овладеем мы, земля,
И заключим в объятия, как невесту.

Второй голос.

Клянемся мы, создать в твоих долинах,
Как в мраморной беседке меж цветов,
Не внемля завываньям грозной бури,
Создать для всех приветливый уют,
Где процветет, на радость людям, братство.

Другой голос (юноши).

Мы чувствовали много лет себя
Лишенными законного наследства—
Твоей великой кротости,—земля!
И вот теперь, когда соприкоснулась
С воскресшей жизнью смерть, и грянул гром,
Вдруг ловим мимолетную улыбку
Мы на лице смягчившемся твоим.

Другой юноша.

Охвачены мы все одним порывом:
Идти в простор твоих лесов, полей,
К твоим лугам и золотистым нивам,
И там прильнуть, земля, к груди твоей!

Первый юноша.

Мы страстно жаждем жизни новой,
Но, человечество любя,
Клянемся, что всегда готовы
Безропотно надеть венец терновый
И умереть, свобода, для тебя!

Рабочий (входя).

Товарищи! Андреевский полк сдался!
Надежды наши разлетелись прахом;
Нет общего восстания в войсках,
Какого мы, признаться, ожидали.
Бунт, вспыхнувший внезапно, быстро стих,
Как пламя в груди хвороста сухого.
Поднявши малодушно белый флаг,
Себя солдаты дали на закланье;
Их, как овец, ведут толпою в крепость,
И все они безропотно идут
Навстречу ожидающей их каре...
Толпы рабочих крепость окружили
И требуют с угрозами и криком,
Чтоб выпустили тотчас заключенных...
Забастовали многие заводы...
Ждут в эту ночь военного суда...

Другой рабочий (входит).

Объявлен на осадном положении
Весь город... и окрестности его;
Расклеены строжайшие приказы,
Рабочим затыкающие рот,
И нас разъединяющие грозно,
Объединенных в дружную семью!
Приказы эти вырывают с корнем
Добытые рабочими права,
Которые мы кровью оросили!
Приказы эти вталкивают нас
С широкого, свободного простора
Вновь в сумрак одиночества и розни...

Товарищи! Ужель нам потерпеть
Чтоб вырвали у нас завоеванья,
Добытые ценою нашей крови?

Третий рабочий (входя).

Несчастьем и бедой насыщен воздух,
И ходят слухи мрачные кругом,
Как карканье зловещее... Повсюду
Уж чувствуется запах свежей крови...
Московский бунт подавлен; Петербург
Не проявляет признаков восстанья,
Железным же дорогам забастовка
Не удалась, и свежие полки
Уж прибыли... Во всем остзейском крае
Свиристывают и пуля, и веревка;
Бароны вновь засели крепко в замках;
Рабочих в Польше стиснули в кулак,
Варшава превратилась словно в крепость
И угрожает пушками восставшим;
А на Кавказе слышен вопль и плач;
Там девушек и женщин подвергают
Гнуснейшему насилию казаки;
Из юго-западных губерний видны
Толпы еврейских жалких беглецов,
Спасаящихся с ужасом на лицах...
Надежды наши рухнули совсем,
Мы потерпели всюду поражение;
Оно, раскрыв чудовищную пасть,
Поглотит без следа свободу нашу,
Всю жатву кратковременных побед,
Все наше, столь обманчивое, счастье!..

Христалов.

Но не поглотит мужества у нас,
Товарищ, никакое поражение!
Надежда наша легкокрылой птицей,
С ликующими песнями, витает
Над всякою невзгодой и бедою.
О шумный город, спутанный клубок
Добра и зла!.. ты — сотканный трудами
Рабочих рук. К тебе взываю я!..
Ты нам готовишь гибель или спасенье?
В тебе гнездятся ужас и позор,
Но мы в тебя вливаем силу мысли;
Прислушайся же к нашим клятвам вновь,
Чтоб им твою очистить атмосферу!
Ты и сейчас такой же все на вид,
Каким казался нам сегодня утром,
Когда новорожденная свобода,
Своим крылом коснулась вдруг тебя;
Как и тогда, ты полон смутных звуков,
Но не таких, какие были утром;
Мы слышим вопль испуга, крики гнева,
И размышляем, стоя близ тебя,
Как у постели тяжкого больного:
Ты будешь или нет добычей смерти?
О город! Меж камней твоих и стен
Взошел посев великой нашей силы;
За гранью этих каменных громад
Проснулась мысль, — стремление к свободе,
И тысячи рабочих честных рук
Способствовали зрелости посева...
Но долго шла борьба за тот посев,
Он заглушался плеведами грубо,

Растущими везде в твоих стенах!
Развратом, пьянством, низменным инстинктом
Всей похотью звериной людей...
Но, наконец, над этой темной силой
Сознательность победу одержала,
Идея права, братского единства.
На улицах твоих и площадях
Взошел благой посев социализма
И обещал роскошнейшую жатву;
И вот, его цветущими ростками
Украсились все домики рабочих,
Он полз, как плющ, и по высоким стенам
Казарм и тюрем, покрывал травой
Твои, о город, каменные плиты;
И над сверкающими куполами
Твоих церквей, как над верхушкой леса,
Он распростер невидимые сети.
Ты весь опутан крепкими сетями
Социализма, как могучей силой,
Опутан, как опутывает пряжа
Веретено... Социализм стал тоном
Единым, основным, дающим звонкость
Твоим разнообразнейшим аккордам.
О город! Мы хотим вместить в тебя,
В твои бездушные, немые камни,
Все, что в себе вмещает наше сердце,
Всю ненависть, а также всю любовь,
Чтоб из твоей загадочной громады
Как солнце воссияла наша воля
И наша неизменная отвага!
Товарищи! пусть властно ваши клятвы
Вновь потрясут тяжелый этот воздух,
Насыщенный зловещим пораженьем.

Голос из хора.

Пускай враги на части разрывают
Социализма золотую ткань;—
Клянемся, что она сплетется снова,
Что корень у нее неуязвим!

Другой голос.

Пускай враги разрушат наше зданье,
Клянемся, что останется гранит,
Что дух единства будет жив меж нами
И нашу волю вновь объединит.

Третий голос.

Пускай враги изрубят наше тело,
Но наша мысль несокрушима в нас!
Клянемся: из кровавого обрубка
Социализм воскреснет в тот же час!

Четвертый голос.

Клянемся, что кипевший в дни свободы
Порыв к любви и к братству—не умрет,
Но сохранит свой блеск и в дни невзгоды
И двинет нас попрежнему вперед.

Пятый голос.

Клянемся: наша гибель разом
Пожар неслыханный зажжет,
Воспламенит сердца экстазом,

Рабов к восстанью призовет;
Как вслед падению коммуны,
Хоть и растоптанной в пыли,
Блеснут народные перуны,
Грозя властителям земли!..
Клянемся!..

Все.

Все клянемся в этом!

Рабочий (врывается).

Казачи тут... товарищи, бегите!..
Спасайся же, Христалов!..

Христалов.

Нет, не время
Теперь спастись! Надо дать отпор
Товарищи! ряды свои сомкните!
Все за свободу, за социализм!..

(Они окружают Христалова, готовясь оказать сопротивление;
на сцене появляются солдаты; занавес быстро падает).

Действие третье

Христалов, Петров, Мария, Измаил, три офицера
военного суда, стража. Хор заключенных рабочих.

Сцена представляет внутренность крепости; серые, штукатуренные стены. В правом углу—стол, за которым сидят два офицера—члены военного суда. На скамье против них сидят Христалов, Мария и Петров. Позади их—стражник. Впереди слева—хор в полулежащем положении, как бы глубоко озабоченный; посреди него Измаил. На передней ступени, справа, сидит юноша, произносящий в середине действия строфы: „Себе вопрос мы задавали и т. д.“. Женщины хора—в темно-зеленых платках, накинутых поверх простых платьев.

Первый офицер.

Все трое—члены вы совета
Рабочих депутатов; обвиненье
Вам предъявляется троим в попытке
Ниспроверженья государственного строя
И царской власти. Сверх того, Христалов,
Вас обвиняют в том, что вы обманом
Рабочих побуждали к забастовке,
Солдат же—к нарушению присяги.
Вы признаете ли себя виновным
В указанных вам мною преступленьях?

Христалов.

Не потому, что мы вас признаем
Здесь судьями, вам будем отвечать мы;
Теперь в России вовсе нет судей,
Есть только палачи; да и нигде
Достойного суда мы не нашли бы.
Мы отвечаем только для того,
Чтоб наше слово через эти стены
К товарищам далеким долетело
И показало, что огонь пылает
По прежнему; так через щели гор
Дым, вырываясь, говорит, что в недрах
Холодных скал свирепствует огонь.

Первый офицер (сумрачно).

Не спрашивал никто вас о причинах
Ответа вашего или молчанья;
Причины эти нам не интересны;
Вас спрашивают только об одном:
Вы признаете ли себя виновным,
Да или нет?

Христалов.

Нас обвиняют в том,
Что мы произвести пытались силой
Паденье существующего строя,
Раздув желанья будто бы немногих
В могучий всенародный ураган.
Вот этот мой товарищ вам расскажет
О нашей роли в грянувших событиях,

Как лидеров народного движения,
А я здесь ограничусь лишь вопросом:
На сколько проявили мы насилие.
Самодержавье—каждому известно,—
Под натиском народного движения
Крушение потерпело в октябре.
Но как народ свершил такое дело?
Чем он сумел победу одержать?
Я уверяю вас, что не насилием;
Насилие—не тот резец которым
Народы вырезают на скрижалях
Истории их славные дела.
Насилие—прием суровой власти,
Кровавый столб, которым поддержать
Она свои развалины стремится.
Народ же побеждает не убийством,
Но тем, что с вдохновенною душой
Идет на смерть за право, за свободу,
И подставляет прямо под винтовки
Открытую для пуль бесстрашно грудь;
Но ни одна власть в мире неспособна
Держать в цепях проснувшийся народ,
Раз твердо он решил скорей погибнуть,
Чем продолжать нести оковы рабства.
Непобедим такой порыв высокий,
Свергает он с престола всех владык!
Таким порывом был народ охвачен
В октябрьские сияющие дни;
Их яркий свет во веки не померкнет!
„Добыть свободу или умереть!“
Вот что мы все тогда постановили,
Вот как пошли мы против ваших пуль,
Вот чем мы победили!.. Самовластье

Попятилось на несколько шагов,
Дало свободу слова и печати,
Амнистию всем сосланным борцам
И обещало населению Думу.
Нас охватили золотые сны,
Опьянены свободой мы были,
Ослеплены сияньем ярких дней,—
Октябрьских дней; из тусклой мглы бесправья
Мечтали мы высоко вознестись;
Но мы корней глубоких не имели,
И блеск свободы нашей соткан был
Из светлых, но обманчивых видений.
Надломлен был колосс самодержавья,
Но не низвергнут; власть очнулась вновь
И стала проявлять себя повсюду
Озлобленно, с удвоенною силой,
Питаемая золотой рекой
Пришедшего на помощь капитала.
И вот, с престола потянулись нити
Невидимо в притоны разных лиц,
Былых людей, убогих, озверевших,
Которых можно было подкупить
Бутылкой водки и пригоршней меди,
И только что рожденная свобода
Вновь по колена погрузилась в кровь...

Второй офицер (резко перебивая).

Прошу оставить эти рассуждения,
Вы отвечайте нам по существу!

Христалов.

Мои слова существенны и к делу.
Рабочим и интеллигентам стала

Смерть угрожать повсюду от руки
Каких-то черных банд, и все убийцы
Поддержку находили на суде,
А от кого—вы знаете и сами.
Добытые права из наших рук
Все, словно ртуть, проворно убегали...
Туманен, тускл сегодняшний стал день,
А завтрашний—являлся под вопросом.
Одно лишь было ясно нам вполне:
Над нашей головою собиралась
Контр-революция тяжелой тучей.
Вот тут-то все рабочие сплотились,
Сначала в Петербурге, а затем
По всей России; стали создаваться
Советы депутатов от заводов.
Задача их была—стоять на страже
И защищать добытую свободу;
Следить за тем, чтоб призрачная внешность
Реформ, на вид, как будто, либеральных,
Не усыпляла зоркого внимания,
И чтоб корабль народного движения
Направлен по надежнейшему руслу
К Собранию Учредительному был.
Вот этому великому собранию
Избранников народа предстояло
Его святую волю начертать.
Но к этому мы путь один имели:
Путь пропаганды; он среди миллионов
Покорных, обезличенных умов
Мог возбудить сознания яркий проблеск,
Зовущий их к устойчивой борьбе.
Вот какова была задача наша,
Задача всех рабочих депутатов,—

Ничем иным не задавались мы,
Нас обвиняют в том, что мы хотели
Переворот насильственный устроить;
Но средства для борьбы ведь находились
В руках всецело ваших, а не наших!
Имели ль мы орудья и винтовки,
Снаряды, пули, чтобы в вас стрелять?
Никто иной, как вы, владел всем этим!
Стремились мы завоевать сердца
И головы, а вместе с тем и руки
Тех, кто оружие это наводил.
Не ваши ли шпионы так усердно
Искали складов нашего оружия,
Но все напрасно; им не удалось
Найти хотя бы следа доказательств
О нашей подготовленности к бою.
Я вам открою, где оно скрывалось,
Оружие то, которого искали
Вы долго и старательно: в казармах,
В руках солдат, и пользоваться им
Хотели мы...

Второй офицер.

Уловками такими

Вам вашей жизни не спасти ничуть.
Закон карает смертью за попытки
Создать вооруженное восстание,
Каким бы тут ни пользовались средством;
Карает смертью за попытку вызвать
Вооруженный бунт среди солдат,
И вы никак не избежите казни.

Христалов (с воодушевлением).

Не утратить ли вы меня хотите?
С тех пор как я сознательно живу.
Я приближаюсь непрерывно к смерти.
И для меня угроза ваша казнью
На столько ж безразлична, как для этих
Тюремных стен все вздохи заключенных.
Да! наша цель была одна: создать
Великое народное движение,
Народа волю превратить в закон;
А воля масс народных—так и знайте—
В поддержке не нуждается насилья,
Она сама себе защитой служит...
Но вы, которые на знамени своем
Здесь начертали волю лишь немногих
Отдельных паразитов и хотели,
Чтоб эта воля стала нам законом...

Второй офицер (возбужденно).

Умерьте пыл мятежной вашей речи
Иль я лишу вас слова...

Христалов.

Лишь насильем

Вы можете еще существовать;
Мы силой ничего не достигали,
Да и теперь достичь бы не могли.
Мы только ждали, пламенно желая,
Чтоб из глубоко вспаханных полей,
Куда бросали полными горстями
Мы семя нашей светлой пропаганды,
Взросли ряды сознательных бойцов,

Сознательных крестьян, солдат, рабочих,
Чтоб в их умы проник социализм.
От этого вам ждать нельзя, конечно,
Чего-нибудь хорошего для власти;
Ведь каждый год подтачивал ее,
Расшатывая столы самодержавья.
Вот почему вы растоптали нас,
Вот почему вы вырвали свободу
Из наших рук, которую добыли
Ценой мы тяжких и кровавых жертв.
Хотели сами вызвать вы восстание,—
Вы, а не мы,—чтоб раздавить его.
Сознательно натравливали всюду
Рабочих вы, и вот—мы поднялись...
Да!.. не могли—вы это понимали—
Мы выдержать такого испытанья!..
Ведь мы дышали воздухом свободы
И ушивались музыкой ее.
В груди рабочих бились в это время
Не прежние, не рабские сердца.
Нас опьянил и блеск и гром победы.
Мы шли на все; вы победили нас,
Но лучшее мы все же сохранили:
Уверенность в блистательной победе,
Которая нас, несомненно, ждет.
Мы совершили то, что надо было,
Иначе не могли мы поступить;
Мы ни о чем свершенном не жалеем,
Как лишь о том, что слабы были мы.
Пред вами мы стоим несокрушимо,
И каждое биение сердец
У нас в груди к борьбе зовет упорной
Товарищей, и вновь к борьбе...

Первый офицер (вокакивая в бешенстве)

Довольно!

(обращаясь к другому офицеру).

Сознался он! (к Марии)

А это вы—Мария,

Неистовая женщина среди самых
Неистовых? Наш долг—уничтожать
Таких преступниц, как вреднейших гадов.
В казармах—это вы распространяли
Преступные и дживые брошюры,
Зовя солдат нарушить их присягу
И возбуждая прямо к мятежу;
Устроили вы дважды забастовки
На линиях дорог и подстрекали
(служащих к порче рельсовых путей.
Вы—женщина, вы более виновны,
Чем все другие; тот поток ужасный,
Который по России разлился
Зловонными, заразными водами,
Возник от вас и от подобных вам.

Мария.

О еслиб то, что говорите вы
Была бы правда! Еслиб обладали
Мы силой чудодейственной такой,
Мы, лидеры народного движенья,
Как сами называете вы нас,
Чтоб ураган пустить по всей России
Такой, какой проносится теперь!
О если б мы могли сосредоточить

Народный гнев, рассеянный в сердцах,
В один порыв, чтоб грозовою тучей
Навис он над измученной страной
И молнией и громом разразился!
О если бы такой волшебной силой
Вы обладали, мученики наши,
Пролившие свою святую кровь,
Отдавшие последнее дыханье
Для счастья и свободы всей земли!
Тогда мы не стояли бы пред вами,
Как пленники, не ждали бы от вас,
Как победителей, ни слов глумленья,
Ни лютой мести, будто бы по праву;
Не возвышался бы тогда в России
Ряд виселиц с казненными людьми;
Не слышались бы выстрелы под утро
За крепостными мрачными стенами.
Тогда бы трупы не швырялись в море
Глухою ночью...

(Офицер делает нетерпеливое движение).

Дайте ж говорить...

И не топчите слов моих последних
Лишь потому, что правда светит в них!..

Второй офицер.

Довольно лжи, иль прикажу я тотчас
Вас увести...

Мария.

О жалкий человек!

Не можете из вашего вы мира

Где нет людей—товарищей, где каждый
 Иль господин, иль трепетный слуга,
 Проникнуть в наш, где чистые кристаллы
 Святой любви и преданности братской
 В один объединяются кристаллы!
 Вы верите лишь в страх, который может,
 По вашему—один связать людей,
 И вам другие узы неизвестны,
 Вы лишены товарищеских чувств,
 Которые влекут людей друг к другу,
 Служа для них связующим звеном;
 Да! все вы глухи к братскому созвучью,
 К аккордам дивным равенства людей.
 Вы слышите лишь диссонанс ужасный
 Меж властвованием гордым господина
 И низким преклонением раба.
 Наш мир иной!.. Там—все равны, свободны,
 По братски там друг другу руки жмут,
 С доверием глядят в глаза друг другу;
 Не ищут, как поработить толпу,
 Чтоб ею вслед затем распоряжаться;
 Нет места там ни господам, ни слугам,
 Там воля масс свободна и свята,
 Ее никто не думает калечить,
 Не ставит ей препятствия никто.
 Мы, лидеры, являемся устами,
 Которые лишь выражают то,
 Что зародилось в мыслях этой массы,
 Что кроется в биении сердец;
 Мы—руки, подающие лишь знаки
 К свершению желанья этих масс,
 Когда подскажет втайне наша совесть,
 Что миг настал, чтоб это совершить.

У нас в глазах вы видите лишь отблеск
 Глубоких чувств и всех переживаний,
 Волнующих народную толпу.
 И тот, кто лучше, ярче отражает
 Души народной свет и глубину,
 Тот награжден любовью и доверьем
 Народных масс. О, счастье, о, блаженство,
 Быть их вождем в начавшейся борьбе
 И чувствовать, что в нас вдыхает силу
 Свою народ, и мы его ведем
 И, в свой черед, его же вдохновляем!
 О, как отрадно чувствовать, что в нас
 Жизнь новая прекрасно расцветает!
 В народных массах этой жизни ключ!
 Она на подвиг нас одушевляет,
 И в нашем сердце—ярок и могуч—
 Порыв высокий тотчас запыхает!..
 Товарищи! пусть кто-нибудь из вас
 Здесь выразит, чем служат друг для друга
 Толпа, народ—и вожаки ее.

Голос из хора

(один из мужчин выступает).

Мы, народ,—мы неразлучны с ними,
 И нельзя никак разъединить нас,
 Как две стороны одной монеты;
 Их слова и действия народа
 Слиты вместе общею борьбою.
 Наши предводители—зеркала,
 Отражающие наше пламя;
 Мы—стволы, они—листва и ветви,
 Их питаем мы соками почвы.

Да! Они—трепещущие листья
Боевого пролетариата,
Этого устойчивого дуба
С крепкими глубокими корнями;
Да! мы слиты неразрывно вместе;
С ними—величаясь мы сила,
И ее никто не уничтожит.

Другой голос (Выступает женщина).

Они—наша совесть, зовущая стойкими быть
В часы, когда сердце отчаяньем черным томимо;
Они ободряют нам душу в минуты сомнений;
Когда мы заблудимся, путь нам находят они.
Они впереди нас летят по дороге победы,
Дороге—усыпанной светлыми звездами неба;
Они были с нами, когда обвевавший нас ветер
Нам пел ведичавую, чудную песню свободы.
Когда спотыкались и падали мы меж камнями,
Их руки служили нам мягкой, но крепкой под-
держкой;

Когда мы впадали в отчаянье, изнемогая,
Они укрепляли нас светлою силой своею.
Они—наша кровь, наше сердце; на веки срос-
лись мы;

Не вырезать их никому из народного тела;
Едва мы услышим звук имени их дорогого—
Вмиг тьма исчезает, и небо светлеет зарею.

Первый офицер.

Довольно этих надоевших воплей,
Мы больше не расспрашиваем вас;
Виновность ваша или невиновность
В ближайшем обнаружится сама.

(Петрову)

А вы, старик,—добавите ль что либо
Еще к словам товарищей своих?
Не стыдно ль вам с седыми волосами
Преступное безумство разделять
Таких людей, которые кинжалом
И бомбами и всяческим насильем
Пытаются строй древний опрокинуть?
Не им ли всюду общество живет?
Ужель вы в продолженье долгой жизни
Не научились истине простой:
Сам Бог вручил избранныкам-монархам
Власть над народом с искони веков,
И всякий, кто обманывает нагло
Народ каким-то сумасбродным бредом,
Какими-то мечтаньями пустыми
Об избавлении от забот вседневных,
От тяжести обычного труда,
И ублажает светлою надеждой
На счастье какое то в грядущем,
Виновен в том, что навлекает сам
Невзгоды на народ и вызывает
Пролитие крови многих, многих жертв.
И вы вдвойне виновны тут, о, старец!
Ведь вы могли из долгой жизни знать,
Что тяжкий труд, упорное терпенье—
Удел народа волею судеб.
Восстание не облегчит нисколько
Его ярма, но лишь отяготит.

Петров.

Скажите вы, лелеющие нежно,
Как истину, великий свой обман:

Когда и где, в каком далеком мире
Окаменелость стала бы законом?
Земля, планеты, солнце, все светила,
Кружащие в пространстве мировом,
И каждая ничтожная пылинка,
Вся ткань растений, все тела животных,
Все,—рано ль, поздно ль,—перевоплотится.
Одно лишь постоянно во вселенной:
Обмен, движенье, преобразование...
Не то ли и в общественном быту?
Не то ль в укладе жизни всех народов?
Строй государств в движеньи непрерывном;
Труд—бьющееся сердце в строе том,
Оно чудесной силой обладает!
Из тьмы веков выводит сила та
Порабощенных долгою неволей,
Выводит их к свободе, к свету, к власти,—
И люди вдруг становятся иными,
С иною волей, с новым светлым духом,
Иначе бьются в их груди сердца...
Вот почва, на которой основали
Надежду мы и наши упования.
Уж чувствуется близость перемен...
В течение короткой нашей жизни
Капитализм свершил переворот
В тех наслоненных классов и сословий,
Которые веками нарастали.
Да, в краткий срок капитализм пробил
Глубоко брешь в устойчивой плотине
Тех вековых обычаев и прав,
Под сенью коих мирно поколения,
Как под надежным кровом, процветали.
Капитализм легко сформировал

Из мягких и податливых, как глина,
Еще недавно крепостных, крестьян—
Железных пролетариев!.. Я видел,
Как дух его пронесся над страной,
Как города, неведомые прежде,
Покрывшись дымом фабрик и заводов,
В людские улы превращались вдруг.
Я видел, как повсюду начинали
На необъятной сумрачной равнине,
То здесь, то там светиться огоньки;
Как искорки социализма стали
В отдельных загораться головах
И как они боролись долго, долго
С жестоким ветром, чтобы не угаснуть...
Да! как с холма мы видим иногда,
Что в городе под вечер начинают
Рядами зажигаться фонари,
Так наблюдал и я все вспышки эти;
Я видел, как социализма свет
Стал озарять трудящиеся массы
По всей России... О, как счастлив я,
Что в жизни мне пришлось увидеть это!..
И в будущем я вижу этот свет...

Второй офицер (перебивая его).

Молчи, болтун; молоть довольно вздора...
Предвиденьями вашими, поверь,
Мы не интересуемся нисколько;
Сознайся лучше, где сокрыты бомбы
И все оружие бунтарей-рабочих.

Петров.

Все наши бомбы, страшные для вас,
Не спрятаны нигде и не забыты,
Они незримо носятся везде,
Свободно через стены проникая
Во все заводы, фабрики, казармы,
Во все места, где б ни собрались люди.
Они и здесь, но не опасны вам,
Они голов вам не снесут, поверьте,
Не разорвут на части ваших тел,
Но в головах рабочих—разрывают,
Рассеивают вмиг густой туман
Покорности и низменного страха;
Рассеивают также веры тьму,
Которая туманит многим разум,
Чтобы в него извне никак не мог
Могучий луч сознания проникнуть.
А громовые взрывы этих бомб
Легко крушат в мозгу интеллигентов
Их мелкий, буржуазный идеал,—
Пустую скорлупу без содержания.
Да! взрывы этих бомб когда-нибудь
Владычество и ваше уничтожат
И разнесут на тысячи осколков
Твердыню вашей призрачной державы.
Тому назад полвека—жил герой;
Идейные он первый бросил бомбы
В невежества глухую цитадель,
В которой пролетариат томился—
Те бомбы брошены героем мысли,
Героем славным дела—Карлом Марксом;
Рука с рукой с ним шли Лассаль и Энгельс;

Учеников оставили они,
Чтоб продолжать задуманное дело,
И с каждым годом их число растет,
Миллионы рук участвуют в работе.
На Западе, в Германии, в великом
Марксистскими идеями Берлине,
Еще поныне жив седой ученый;
Из кабинета тихого его
Разносятся такие бомбы всюду
По воздуху, как ветром семена,
И засевают умственные нивы,
И нет преград, которые могли
Препятствовать бы семени такому.
Оно и по России пронеслось:
То Эрфуртская славная программа,
Которая в миллионах экземпляров...

Первый офицер

(перебивает его в бешенстве).

Молчи старик! Ты признаешь или нет
Себя виновным? Отвечай—и только!

Петров.

Я больше вам не буду отвечать.

Первый офицер

(после краткого совещания с другими офицерами).

Ну что ж, прекрасно... Вас всех трех, как главных
Виновников, ждет смерть через расстрел.
Эй, стражники! Ведите осужденных
В их камеру обратно.. (поручику).

Ну, а вы
Патруль немедля в крепость призовите,
Чтоб тотчас же исполнить приговор.
Военный суд вновь утром соберется,
Чтоб завтра же судить и остальных.
(Указывает на других заключенных)

(Офицеры-судьи удаляются).

Хор заключенных.

О горе нам!.. О горе, горе, горе!..

Один голос из хора.

Свершилось! Лучшие погибли,
Избранники народа сражены;
Теперь нести отчаянья оковы
Мы в одиночестве должны!..

Второй голос.

Мы, слабые, теперь осиротели...

Хор.

О горе нам!.. О горе, горе, горе!..

Первый голос.

Победа нам столь близкою казалась,
Мы нашей кровью жертвовали ей,
Она вокруг, как знамя, развевалась,
И пела гимн свободе все звучней.

Второй голос.

Да, крови не щадили мы...

Хор.

О горе!..

Первый голос.

Схватить хотели мантию свободы
Мы коченеющей рукой;
И, чтоб в грядущем жить могли народы,
Готовы были жертвовать собой.
Готовы были улыбнуться нежно
Мы даже смерти, словно расцвели
Пред нами розы жизни безмятежно,
Суля нам счастье светлое вдали.

Второй голос.

Да, сколько счастья было в нашем взоре!..

Хор.

О, горе нам! О горе, горе...

Первый голос.

Мы думали, что вскоре создадим
Прекрасный новый мир, разрушив старый;
Мы наносили смелые удары,
Но старый мир остался нерушим...

Второй голос.

Напрасно все.

Хор.

О горе нам, о горе!..

Первый голос.

Погибли мы, как челны в бурном море...
Поникнув головой, как вянувший цветок,
Мы сражены в бою, измяты наши крылья,
Угас надежды яркий огонек,
И братства идеал померк среди бессилья.

Второй голос.

Поникла воля гордой головой...

Хор.

О горе нам!.. О жребий роковой.

Первый голос.

Все окна наглухо забиты,
Иссяк источник наших сил,
Опоры сломаны и скрыты,
И черной тучею сокрыты
Лучи сиявших нам светил.
Оковы стали тяжелее,
Мрачней грядущее вдали,
И смотрят злобней и наглее

На нас властители земли.
Мы рук своих в борьбе не сложим,
Но цепи вашей не разбить,
Терпеть неволю мы не можем,
Мы не желаем больше жить!

Второй голос.

Погибли мы в неравном споре.

Хор.

О горе нам! о горе, горе!..

Стражник (осужденным).

С товарищами можете проститься,
Но поскорей...

Мария.

О еслиб я могла,
Товарищи и братья дорогие,
Сейчас из сердца вырвать моего
Чудесный дар,—цветок надежды светлой,
Ненужный мне в неведомом краю,
Куда теперь отправиться готовлюсь,
Чтоб в сердце к вам пересадить его!
О, как бы я хотела ту надежду,
Поющую мне сладостные песни
Глухою ночью—выпустить, как птицу
Из тесной клетки,—выпустить и видеть,
Как кружится над вашим изголовьем

Она в тиши и нежную усадку
Вам проливает в трепетное сердце!
Тогда бы я при нашем расставании
Щемящего не чувствовала горя,
Я лишь жалела бы, что не увижу
Вас более, товарищи мои!..
Теперь же я терзаема страданием,
Какого никогда не испытала..
Как! бросить вас лишенными надежды,
Любви и ласки, братского привета,
Оставить в вашем безысходном горе...

Голос из хора.

Мария плачет...

Другой голос.

Плачет, да!.. Над нашей
Беспомощностью жалкой и бессильем ..

Мария.

Товарищи!.. По вашим вижу лицам:
Отчаянье сожгло у вас в душе
Великий идеал любви и братства
И превратило лучшие стремленья
В песок пустыни жгучий и бесплодный.
Я вижу искаженные черты
Желаньем беспощадной, злобной мести;
Но на лице у многих я читаю
Все признаки оставшейся любви
К товарищам, подавленным невзгодой
И дикой силой низменных страстей.

Увы! не все нести страдания могут,
Избыток мук у многих подрывает
Их силу воли—лопнула она,
Как слишком изогнутая пружина..
У многих горе вырвало из рук
Руль иль компас, в пути необходимый,
И в сердце голос совести замолк...

Измаил.

Ты не отчаялась ли в нас, Мария?

Мария.

О если б я страданием моим
И смертью—не одной, тысячекратной!..
Могла вернуть вам, братья, вашу стойкость
И нравственную силу пробудить!
О братья!.. Мы прошли чрез море крови,
Держа в руках высоко наше знамя,
Наш идеал воскресшей братской жизни,
Сияющей, как солнце в ясный день
Над серой, безотрадною пустыней
Старинного общественного строя..
Коль мы утратим этот идеал,
То всё вокруг мгновенно потускнеет,
Тогда весь скорбный путь наш был напрасен,
Напрасно мы чрез море крови шли.
Ах, горькое, ужасное сомненье
В товарищах, в духовной силе их,
Сразило это пламенное сердце,
Которого ни ужасы, ни муки
Еще сразить ни разу не могли...

Измаил.

Мария!.. Умирать ты не должна
С сомнением в духовной нашей силе!..
Ты для других пожертвовала всем,
Тебе ль уйти с давящим камнем в сердце,
С тяжелою заботою о нас?
Нет! этого мы допустить не можем...
Не в силах видеть мы твоих страданий
И знать, что ты страдаешь из-за нас!..
Сестра! Себя не узнаем мы сами...
Куда исчезла эта сила в нас,
Все время возвышавшаяся гордо
Над всякою невзгодой и страданьем,
Над заключеньем, голодом, нуждою
И даже над боязнью близкой смерти?..
О, как могло погаснуть это пламя
Так бурно клокотавшее в сердцах?
Повсюду мрак тяжелый, беспросветный,
Как пред глазами, также и в душе...
Сердца у нас—какие-то обломки...
Мария! Неужели навсегда
Я обречен на этот мрак ужасный?
Подавлен кровью собственной моей,
Как тяжестью какой-то я свинцовой...
Я жажду вновь блистательной борьбы,
Я жажду снова и тепла, и света!..
О если б вновь таким, как прежде, стать!..
О если бы... но не получишь чистых
Ты звуков из надорванной струны..

Мария

(кидается перед ним на колени).

Мой Измаил! Теперь я вижу снова
Как воскресает в вас угасший дух...
Ты окроплен живительной росой,
И все они... Проснулись их сердца—
И вмиг с моей души исчезло бремя...
Я чувствую, как воскресаю я..
Во мне—неотразимое желанье
Вдохнуть в вас всех благословенный жар;
Во мне кружится рой священных мыслей,
Жизнь открылась, смерть мне не страшна!..
О старые товарищи седые!
Печальны, тусклы были ваши дни...
Когда б вам было суждено увидеть
Великими героями внучат,
Готовыми продлить борьбу святую!..
Увидеть в их глазах зарю надежды,
Которая теперь померкла в вас!
Услышать матерей, поющих песни
В честь павших за свободу на земле,
Баюкающих песнями такими
Своих младенцев - будущих борцов!..
О юноши, залитые слезами,
Утратившие радость юных лет!
Не вздумайте искать забвенья в яде
От вашей скорби и тяжелых мук!
Не вздумайте искать забвенья, братья,
В угаре упоительных страстей,
Который унесет вас вдале от этих
Печальных, но священных берегов,
Где ваше сердце, потеряв надежду,

Тоскует и томится тяжело.

Пусть ненависть, как тучный, зрелый колос
Взойдет в полях, глубоко взборожденных
Тяжелым плугом грубого насилья!

Пусть пламя возмущенья не заглохнет,

Но ярко разгорится в сердце вновь

И выжжет все, что в нем могло остаться

Из недостойных, низких, рабских чувств,

И вот тогда пусть вырвется наружу,

Чтоб вновь начать священную борьбу!

Пусть ни притворство, ни под лживой маской

Заискиванье хитрое врага,

О юноши, в вас отклики не встретят,

И не ослабят ненависти в вас;

Пусть хитростью добиться не удастся,

Чего достичь насильем не могли!

Придет хозяин с приторною речью

Как раз в момент, когда устали вы..

Пусть никогда он вас отвлечь не сможет

С того пути, который нас ведет

К великой и блистательной победе!..

Пусть наша смерть на пользу будет вам!

Пусть ненавистью вас она наполнит

И стойкостью непримиримых чувств!

Пусть знаменем она для вас послужит

На небосклоне кровию залитом,

И пусть всегда, куда б вы ни смотрели,

Ваш взор встречает знамение то!

Пусть наша смерть кровавою рукою

Коснется ваших помраченных глаз..

О, коль глаза омыты свежей кровью,

Их никакой обман не ослепит!

Ах, вспомните о незабвенном часе—

Единственном по яркости своей!—

Когда вы на победной колеснице

По полю брани с гордостью неслись,

Себя богами чувствуя, которым

Здесь неземная сила вручена!

О всякий, кто как вы, хотя б однажды,

Победою обвеян в жизни был,

Навеки сохранит глубоко в сердце

Ее могучий, незабвенный блеск

И будет знать, что рано или поздно

Его награда снова в жизни ждет!

Когда же время действовать настанет,

И солнце ярко засияет вновь,

Тогда коня найти себе сумеете,

Который должен волю вашу знать...

О юноши! вы все, ища свободы,

Шли медлѣнно по склону гор крутых;

Когда же час великий тот наступит,

Вы на коне своем летите в высь,

Туда, где блещут горные вершины,

Куда никто еще не восходил!

Я вижу вас, на том коне летящих,

Свободу прижимающих к груди,

Как девушку, похищенную тайно,

Чтоб разделить с ней первую любовь!

Я вижу: вы приблизились к вершинам,

Седой туман спускается на вас,

Ликующие возгласы я слышу...

Да! клики потрясают небеса...

Разверзлись тучи... вы уж на вершине!..

О юные товарищи! у вас

На сердце страх; я вижу—вы дрожите...

Но это всё, поверьте мне, не сон,

Нет! это только бешеная скачка
К вершинам лучезарных высших сил
В объятиях красавицы—свободы!..
Все это вправду ожидает вас!
Мужайтесь же, о юноши, мужайтесь,
И чутко вы прислушивайтесь все—
Не раздастся ль где то в поле ржанье
Того коня, который понесет
Вас со свободой в выси голубые,
Не слышите ли стук его копыт!..

Голос из хора.

Мария! сердцем мы слабели,
Стал гаснуть пламень жизни в нас,
И одного лишь мы хотели,
Чтоб сразу он в груди угас!
Мы нашу веру потеряли,
Опоры не найдя ни в чем,
И, как убитые, молчали,
Средь тьмы, в отчаяньи немом.
Мария! что ж теперь случилось?..
В нас снова жизнь вдохнула ты,
И сердце радостно забилося
Средь этой душной темноты.
Мы смотрим, как из подземелья,
Но свод небес вдали открыт,
И видим, полные веселья:
Там, в вышине, звезда горит! —
В грозу у нас ослабли руки,
И сердце замерло в груди,
Но сброшен гнет тирававшей муки,
Час самый мрачный—позади!

И снова в трепетной надежде
Готовы мы глядеть вперед,
Готовы верить мы, как прежде,
В желанный, радостный исход.

Юноша.

Себе вопрос мы задавали:
Ужели сердце до конца
Замрет в груди, полно печали,
Как груз тяжелый из свинца?
В гряди растоптана свобода,
Ужель неволю нам терпеть?
И мы не видели исхода,
Как только молча умереть.
Но вдруг—как будто дуновенье
Над нами мягко пронеслось,
И стихли острые мученья,
И сердце радостью зажилося.
Так над засохшими цветами
Подует влажный ветерок,
И, с освеженными листками,
Опять подымется цветок.
Ты окропила нас росой,
Тобой надежда зажжена,
И мука прежняя другою,
Отрадной мукой сменена:
Заклокотало в нас желанье
Простора, света и свобод,
И вновь послышалось журчанье
Неудержимых, вешних вод.
Прозрели снова наши очи,
Наш дух угасший пробужден,

Твои слова во мраке ночи
Неслись, как колокольный звон;
Всё, что так мощно прозвучало
В призыве пламенном твоём,
Наполовину нашим стало,
И сердце облито теплом!
Мы видим: всадник к небосводу
Несется в высь средь скал крутых;
Смеясь, красавицу-свободу
Он скал в объятиях своих..
И кажется, что с нами — вместо
Суровых стражников тюрьмы —
Свобода — юная невеста;
Ведь гордый всадник — это мы!
Мы рвемся в высь неудержимо,
Чтоб светлой жизнью с ней зажечь;
Страданья, смерть — несутся мимо...
И всё, что нами так любимо,
Мы до конца хотим испытать!

Христалов.

Да! самый мрачный час — уж позади,
Мы можем умереть теперь спокойно;
Тебе, Мария, — братское спасибо
За милые, последние слова.
Прощайте же, товарищи! пусть повесть
Всей нашей жизни и последних дней
Раздует в вас огонь, подобно ветру.
Пусть наша смерть исполнит то, к чему
Всю нашу жизнь мы пламенно стремились:
Среди утесов, в тягостной борьбе,
Пробить еще одну ступень к свободе.

(Обращается к юношам)

Итак, вы вновь на том же все пути,
Но ныне ваши сгорбленные плечи
Под бременем согнулись поражения;
Вам предстоит опять идти по страшным,
Крутым ущельям с крайним напряженьем
Всех ваших сил. О, еслиб мы могли
Быть с вами вновь! Во мне все фибры сердца
Противятся нелепой, дикой мысли,
Что этот весь kloкочущий поток
Любви и злобы, это море силы,
Которое во мне теперь бушует,
Замолкнет вдруг, подобно водопаду,
Внезапно переставшему шуметь
Под тяжестью покрова ледяного.
Но... это неизбежно совершится,
А потому — вы примиритесь с этим,
Как примирились мы, без долгой думы,
С судьбою неминуемой для нас.

(Обращаясь к Петрову)

Товарищ старый мой! подай мне руку,
Тебе желал бы смерти я иной,
Украшенной победным ореолом;
Ты долго, терпеливо ждал победы,
В отчаянье ни разу не впадал,
Всю трудность этой битвы сознавая.
Спасибо же тебе за то, что ты
Со мной делился знаниями твоими
И многое полезное открыл.
Нам не всегда обоим тот же путь
Казался лучшим, но, однако, наши
Пути сошлись; мы встретились с тобой
В преддверьи ожидающей нас смерти,

И все товарищи о нас обоих
Одну и ту же память сохранят.
Прощай, мой друг. (Обнимает его).

Петров.

Прощай, горячий сердцем!

Христалов.

Прощание мое с тобой, Мария,
Не требует излишних теплых слов;
Ведь многим, что так дорого для сердца,
Обменивались молча мы с тобой.
Не мало мы цветов срывали счастья
Средь голых скал опасности и мук,
И сорванных цветов благоуханье
Отрадно улаживает нашу смерть.
Мария! видел я всегда в тебе
Свет будущего, тихий и прекрасный.
О, сколько счастья, сколько упоенья,
Когда сердца передают друг другу
Нежнейший пыл совместного желанья
И общими стремленьями горят!..
Меж тем, вблизи витает призрак смерти..
О ты, цветок роскошный и чудесный,
Который рос у бездны на краю!..
Какое упоительное счастье
Мы пили там из чашечки твоей!..
Прощай, мой друг...

Мария.

Прощай же, мой Христалов!

Христалов.

Товарищи!.. в последний раз—прощайте!
Спасибо вам! пускай же в этом слове
Вместится всё, что в сердце у меня!..
Как хорошо в когтях холодной смерти
Еще согреться знойными лучами
Товарищества светлого и братства,
Которые перерождают жизнь.
Прощайте все!..

Голос из хора.

Христалов! ты верный товарищ и вождь,—
Всегда будешь жить в нашем сердце!..
Когда нам покажется тяжкою жизнь
И разум захочет забвенья
В той сумрачной, с каменным сводом, тюрьме,
В том воздухе душном России,
В котором угас наш великий порыв,
Где кладбище лучших стремлений;
Когда, в неприветливом диком краю,
Под небом свинцовым изгнания,
Где тусклые дни монотонно текут,
Мы в пепле холодном не сможем
Надежды отрадную искру зажечь —
Тогда ты предстанешь пред нами,
Христалов, наш верный товарищ, наш вождь,
Твой образ тогда возродится
И тех, что с тобою шли бодро на смерть,
И в образе этом великом
Мы силу и мужество вновь почерпнем
Для нового смелого боя.

Другой голос.

Когда же опять загорится рассвет
И мы, распростертые в прахе,
Вновь головы гордо поднимем свои —
Ведь время такое настанет! —
Когда вновь надежда зажжется в глазах
И в улицах, ныне безмолвных,
Опять соберется толпами народ
С светящимся радостью взором,
А те, что теперь торжествуют, уйдут
С дороги и будут таиться;
Когда зазвучит на воскресшей земле
Великое слово „товарищ“,
Как теплый, весенний, живительный дождь
Природу от сна пробуждая;
Когда озарится опять небосклон
Сиянием новым победы,
И красное знамя широким шатром
Опять разовьется над нами,
И все закаленные в битве сердца
В едином порыве восстанут, —
Тогда-то, Христалов, мы вспомним тебя,
Твой образ тогда возродится
И тех, что с тобою шли бодро на смерть,
И памяти вашей великой
Все дружно и громко хвалу воздадут,
Почтя вас сердечным приветом.

Третий голос.

Вот ряды ликующие наши
Подошли к сплошной стене солдат;
Те стоят и нас не пропускают,

Угрожая снова нам оружием.
Но раздался наш призывный возглас,
Словно гром из тучи грозовой,
Он звучит с неотразимой силой,
Рушит он порядок боевой.
Крикнем мы: „опомнитесь, солдаты,
Не стреляйте в ваших верных братьев!“
И тогда великое мгновенье
Завершит наш многолетний труд;
Наступил конец насилью власти,
Рушится последняя стена;
Вот стволы винтовок, нам грозивших
Миг назад, — внезапно повернули
И врагам грозят они теперь.
Весь народ в своем единстве полном
Бурными вздымается волнами;
За одной волной идет другая,
Поднимаясь вверх всё выше, выше;
Наконец, одна из них уносит
В бездну крепость древнюю насилья.
И когда весь воздух сотрясется
Кликами и громом ликования,
Словно в рог трубят сама свобода,
Что настало золотое время, —
О, Христалов, наш товарищ верный,
Вот когда твой образ возродится
И друзей, на смерть с тобою шедших!
Пред глазами всех вы пронесетесь
В лучезарном, радужном сиянии.

Христалов.

Как прекрасно слышать из-за гроба
Дальний гул блистательной победы!..

Умираю я теперь спокойно;
В голубом, безбрежном океане
Вижу я миллионы звезд блестящих;
Это — мысли, полные надежды,
Что меня сопровождали в жизни;
Пусть умру — их блеск не ослабеет...
Обо мне не сокрушайтесь, братья,
Повторяю: я вполне спокоен;
Видя грозной смерти приближенье,
Головы пред нею не склоняю!

Голос из хора.

Вот, он идет на смерть, как солнцем озарен!..
Желали б жить мы так, как умирает он.

Петров.

Кто, как я, перед собою видел
Умирающих героев юных
В миг, когда свобода их манила
Ласковой, приветливой улыбкой,
Видел, как глаза у них тускнели,
Озаренные высоким счастьем
Умереть за светлую свободу —
Тот не будет чувствовать сомненья,
Что победа верная настанет;
Тот увидит в смерти исполнение
Давнего, забытого лишь, долга,
Чувствуя на сердце облегченье,
Что настанет, наконец, и отдых
После долгой, тягостной работы.
Пусть же смерть моя на пользу будет,

Принесет плоды свои народу!
Милые товарищи, прощайте!
Не печальтесь обо мне, прошу вас!..
Вижу я, что в ласковом сиянии
Приближается победа наша...
Верьте мне: наступит день рабочих!..

Голос из хора.

В сознаньи полном он идет на смерть,
С уверенностью в будущей победе...
Нам надо, братья, взять с него пример!

Мария.

Товарищи! Вы смерть нам облегчили...
Она теперь в лучах сияет братства,
Которые согрели нежно нас.
Спасибо вам за светлые те нити
Товарищеской, искренней любви,
Которыми вы обмотали сердце
Мне так надежно, что его теперь
Ничто уж узавить не в состоянии. (Христалову)
Спасибо за твое живое слово,
Мой милый сын. (Петрову)
Спасибо и тебе:
Ты устранил все горькие сомненья;
Ты якорем сознательности прочным
Колеблющийся дух наш укрепил.
Прощайте же, товарищи; не плачьте,
Не сокрушайтесь больше обо мне!
Я чувствую порыв любви всесильной,
В вас льющейся из сердца через край!..

Голос из хора.

Она идет на смерть, горя любовью:
О, если б в нас пылал такой огонь!

Стражник (осужденным).

Пора, идем!

Христалов.

Храните же единство;
Единство вас к победе приведет.

Петров.

Пусть всё сильнее журчит источник знания,
Он силу нам, товарищи, дает.

Мария.

Пусть вспыхнет в вас восторженное пламя,—
И сердца вам ничто не уязвит.

Христалов.

Прощайте же!..

Петров.

Прощайте...

Мария.

Все прощайте!

Голос из хора.

Прощайте, наши верные друзья!
Вы из-за нас на смерть теперь идете.
(Осужденных уводят).

Товарищи! *вы* указали рассвет,
Омыли чело в его блеске,
Когда еще утренний серый туман
Окутывал нас пеленою;
Пред нами всегда вы надежду несли
Как ярко пылающий светоч.

Все.

Спасибо за это!

Голос.

Когда наши сны разлетались, как дым,
Под твердым копытом насилья,
Когда оглушало отчаянье нас,
Широкую пасть разверзая,—
Спасли вы нас знания могучим рулем
Среди бушевавшей пучины.

Все.

Спасибо за это!

Голос.

Когда мы лежали повержены в прах,
И кровь наших ран изливалась

25
И сердце у нас умирало в груди,
И жгло нас палящее солнце, —
Явились вы к нам, осенили вы нас
Великою братской любовью,
И сразу могучие ваши слова
Сломили отчаянье наше.

Все.

Спасибо за это!

Голос.

Теперь мы отправимся в путь, как и вы,
Мы держим в руках ваше знамя,
И мужество ваше храним мы в сердцах,
В грядущее светлое веря;
Мы слышим вдали уже радостный клик,
И видим сиянье сквозь слезы...

Все.

Спасибо за это!

К О Н Е Ц



ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ПЕТЕРБУРГ
Моховая №36.
